

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРАВО

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

LAW

Издается с января 1969 г.
Выходит три раза в год
Published since January, 1969.
One copy in four months

2

2017

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**   **БАЛАШЕНКО С. А.** – доктор юридических наук, профессор; декан юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: balashenko@bsu.by
- Ответственный секретарь**   **ЧЕРВЯКОВА Т. А.** – кандидат юридических наук, доцент; заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: cherviakova@bsu.by
- Ванг Г.** Чжэцзянский университет, Ханчжоу, Китай; Тулейнский университет, Новый Орлеан, США; Городской университет Гонконга, Гонконг, Китай.
- Василевич Г. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Вердуссен М.** Католический университет Лувена, Лувен-ла-Нев, Бельгия.
- Годунов В. Н.** УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ», Минск, Беларусь.
- Каменков В. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Карпович Н. А.** Конституционный Суд Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Макарова Т. И.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Матье Б.** Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, Париж, Франция.
- Мацкевич И. М.** ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)», Москва, Россия.
- Некросиус В.** Институт гражданского процесса и римского права Вильнюсского университета, Вильнюс, Литва.
- Скаков А. Б.** Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
- Хелльманн У.** Потсдамский университет, Потсдам, Германия.
- Чуприс О. И.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief**   **BALASHENKO S. A.** – doctor of science (law), full professor; dean of the faculty of law of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: balashenko@bsu.by
- Executive secretary**   **CHERVYAKOVA T. A.** – PhD (law), docent; deputy dean of the faculty of law of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: cherviakova@bsu.by
- Wang G.** Zhejiang University, Hangzhou, China; Tulane University, New Orleans, USA; City University of Hong Kong, Hong Kong, China.
- Vasilevich G. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Verdussen M.** Catholic University of Louvain, Louvain-la-Neuve, Belgium.
- Godunov V. N.** Institute for Retraining and Qualification Upgrading of Judges, Prosecutors and Legal Professionals at the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Kamenkov V. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Karpovich N. A.** Constitutional Court of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Makarova T. I.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Mathieu B.** University Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France.
- Mackevich I. M.** Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia.
- Nekrosius V.** Institute of Civil Procedure and Roman Law of the Vilnius University, Vilnius, Lithuania.
- Skakov A. B.** L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
- Hellmann U.** University of Potsdam, Potsdam, Germany.
- Chupris O. I.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 340.1

СПЕЦИФИКА КОНСТРУКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

И. А. КУЗЬМИН¹⁾

¹⁾*Иркутский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
ул. Шевцова, 1, 664035, г. Иркутск, Россия*

Посвящена исследованию правовой природы конструкции юридической ответственности. Отмечается низкий уровень доктринальной проработки категории «юридическая конструкция». На основе анализа проблематики, доктринальных и правоприменительных позиций по исследуемому вопросу автор приходит к выводу о важности дальнейшего изучения конструкции юридической ответственности, а также обозначает критерии научного поиска и практического применения конструкции ответственности в праве.

Ключевые слова: юридическая ответственность; юридическая конструкция; конструкция юридической ответственности; правоприменительная практика; моделирование.

Образец цитирования:

Кузьмин И. А. Специфика конструкции юридической ответственности: вопросы теоретического и практического моделирования // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 3–7.

For citation:

Kuzmin I. A. The specifics of the construction of legal liability: issues of theoretical and practical modeling. *J. Belarus. State Univ. Law*. 2017. No. 2. P. 3–7 (in Russ.).

Автор:

Игорь Александрович Кузьмин – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории государства и права.

Author:

Igor Kuzmin, PhD (law), docent; associate professor at the department of theory and history of state and law, faculty of law.
grafik-87@mail.ru

THE SPECIFICS OF THE CONSTRUCTION OF LEGAL LIABILITY: ISSUES OF THEORETICAL AND PRACTICAL MODELING

I. A. KUZMIN^a

^a*Irkutsk Law Institute (Branch)
of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation,
Shevtsova Street, 1, 664035, Irkutsk, Russia*

The article is devoted to research a legal nature of the construction of legal liability. It is noted the low level of doctrinal elaboration of «legal construction» category. Based on analysis of issues, doctrinal and enforcement position the author comes to a conclusion about the importance of further study the construction of legal liability and denotes criteria of scientific research and the practical application the construction of liability in law.

Key words: legal liability; legal construction; construction of legal liability; law enforcement practice; modeling.

Главным охранительным институтом и правовым средством любой национальной правовой системы является юридическая ответственность – наиболее разработанная в рамках отечественного правоведения категория, которая остается сложным правовым феноменом, имеющим межотраслевую природу и широкую сферу применения. Независимо от уровня правового закрепления ответственность в праве состоит из базовых элементов, сохраняет свои сущностные свойства и наиболее важные признаки, образующие в своем единстве конструкцию (модель) юридической ответственности.

В данной работе рассмотрен исключительно негативный (ретроспективный) аспект юридической ответственности. Особенности позитивной ответственности (о которой, в частности, заявил Конституционный Суд Республики Беларусь в своем послании от 20.01.2016 г.) затрагиваться не будут.

По мнению С. С. Алексеева, именно с юридическими конструкциями связано будущее юридической науки [1, с. 255]. Как верно заметил Д. В. Вохмянин, основным недостатком современной юридической науки является изучение правовых категорий исключительно в статическом состоянии, а также неготовность традиционной системы знаний ориентироваться на переходные процессы в современных обществах, познавать динамику соответствующих феноменов. Исходя из этого, концепцию правовых универсалий (в том числе реализации права) автор предлагает рассматривать через соединение юридических конструкций с философскими идеями на базе общей теории права [2, с. 53].

Попытка охарактеризовать конструкцию юридической ответственности была предпринята многими исследователями, в частности Л. И. Глухаревой, Ю. И. Гревцовым, Д. А. Липинским, А. Г. Мартиросяном, А. М. Хужиным. Особенности преломления общей конструкции юридической ответственности через ее отдельные (прежде всего отраслевые) разновидности изучались М. А. Степановой, Т. Д. Усти-

новой, Е. В. Царевым, Е. С. Шалюгиной, Г. Н. Штильманом и др.

Само словосочетание «конструкция ответственности» используется достаточно давно. Еще в 1904 г. хранителем кабинета уголовного права при Санкт-Петербургском университете, профессором В. П. Ширковым, была опубликована статья, посвященная конструкции ответственности за «преступления толпы» [3].

Главная теоретическая ценность исследования конструкции юридической ответственности проявляется в следующих возможностях:

1) углубление теоретических знаний о юридической ответственности и более глубокое познание правовой природы;

2) выявление и осмысление связей юридической ответственности с иными охранительными правовыми явлениями (государственным принуждением, охранительными правоотношениями, актами применения права и т. д.);

3) построение динамической концепции юридической ответственности, которая основана на феномене реализации ответственности в праве.

Практическая ценность разработки этой конструкции (применительно к правотворческой, правореализационной и правоинтерпретационной деятельности) выражается в следующих возможностях:

1) создание полноценной нормативной модели юридической ответственности (в качестве средства правотворческой техники), пригодной для практического использования в любой сфере общественных отношений, регулируемых правом;

2) разработка эффективных методик конкретизации и реализации юридической ответственности, совершенствование учебного процесса при изучении института юридической ответственности (как в рамках теории права, так и в отраслевых и прикладных юридических науках);

3) повышение уровня толкования норм материального и процессуального права, которые устанавливают юридическую ответственность (систему

наказаний) и процедуру ее применения, принятие важных актов официального толкования права в данной сфере, что будет способствовать повышению правовой культуры общества.

В теории права не сложилось единого понимания конструкции юридической ответственности. Отдельные научные позиции интерпретируют ее следующим образом:

- разработанная доктрина и нормативно принятая модель, позволяющая теоретически осмыслить, обнаружить в правовом тексте и реальных общественных отношениях закономерную и логическую взаимосвязь элементов, структурно раскрывающих зависимость личности, общества и государства, определить в связи с этим их надлежащее поведение и его последствия [4, с. 44];

- необходимый инструмент, а также этап движения к совершенному юридическому поведению в перспективном (позитивном) и ретроспективном (негативном) воплощениях юридической ответственности [5, с. 200–203];

- система юридической ответственности, включающая в себя (в качестве элементов) виды (как первичный, наиболее простой элемент системы), формы и типы (наиболее крупный элемент системы) ответственности [6, с. 44–48].

Уровень познания конструкции юридической ответственности находится на уровне накопления гипотетического научного материала, который со временем можно будет использовать для перехода от количественных показателей к качественным. Но сама проблема находится еще глубже и упирается в родовое понятие по отношению к изучаемой категории – юридическую конструкцию, имеющую множество различных проявлений [7, с. 532; 8, с. 678–679]. Соответственно, от того, в каком аспекте мы будем воспринимать юридическую конструкцию (как единицу мышления, средство юридической техники и т. д.), зависят и результаты познания конструкции ответственности в праве.

Смысловое значение термина «конструкция» (от лат. *constructio* – построение, составление) в толковых словарях русского языка практически единодушно рассматривается как состав, структура, план и взаимное расположение частей какого-нибудь построения (строения), сооружения или механизма, а также как само такое построение (строе), сооружение или механизм [9, с. 155; 10, с. 291; 11, с. 240].

Как верно заметил в 1972 г. А. Ф. Черданцев, в юридических конструкциях отражено структурно-системное строение исследуемых объектов, причем само понятие «состав» указывает на то, что объект является сложным и складывается из определенных элементов [12, с. 13]. А. А. Ананьева убеждена в том, что любая юридическая конструкция является итогом «мысленного соединения правовых

средств (их элементов) либо элементов правоотношений по выверенной типовой схеме в целях решения конкретных правовых ситуаций» [13, с. 146].

Следовательно, чтобы определиться с сущностью конструкции юридической ответственности, необходимо разобраться с ее содержанием (совокупностью, составом элементов), структурой (построением элементов) и системой (взаимодействием элементов в их единстве). В данном контексте интерес представляет проведенное Д. А. Липинским исследование системы юридической ответственности как совокупности субинститутов, обеспечивающих достижение и выполнение целей, задач и функций ответственности [14]. Юридическая ответственность, как правовое средство в составе механизма правового регулирования (в отличие от ответственности института права), выражена в определенной правовой категории, которая задействована в юридическом процессе и находится во взаимодействии с иными правовыми феноменами (нормами, правоотношениями, актами применения права) на индивидуальном уровне правового регулирования. В связи с этим выбор подхода к пониманию ответственности в праве напрямую влияет и на содержание конструкции юридической ответственности. В наше время продолжают звучать призывы об обязательности доктринального закрепления общего понятия юридической ответственности в праве [15, с. 49–51]. Однако общей научной картины они не меняют.

Осознание важности поднятой проблематики на межгосударственном уровне побудило государства – участники СНГ принять на заседании Межпарламентской ассамблеи постановление № 38-23 от 23.11.2012 г. «О Словаре юридической терминологии для государств – участников МПА СНГ», где фигурируют термины «юридическая конструкция» и «юридическая ответственность».

Высшие судебные инстанции России также оперируют понятием «юридическая конструкция». Например, Верховный суд России в своем апелляционном определении № 31-АПГ16-5 от 31.08.2016 г. обратил внимание на то обстоятельство, что юридико-техническая конструкция правовой нормы должна «отвечать требованиям определенности, ясности, недвусмысленности и согласованности с системой действующего правового регулирования». В определении № 74-АПГ15-15 от 05.08.2015 г. высший судебный орган обратил внимание на особенности юридической конструкции одной из правовых норм (предоставляли административный простор в правоприменительной практике) и признал ее по этому основанию недействующей.

Конституционный суд России применяет термин «юридическая конструкция» не только к отдельным нормам, но и к их совокупности. Например, термин был применен в отношении конструкции

публично-правового института выборов (упомянута в определении № 1411-О от 23.06.2016 г.). Он используется также органом конституционного контроля в отношении отдельных формулировок нормативных правовых актов (постановление № 13-П от 26.04.2016 г.), где нередко именуется «нормативной конструкцией» (определение № 1543 от 02.07.2015 г.), а также может характеризовать регулируемые правом отношения и их конструкцию (постановление № 17-П от 09.07.2012 г.).

Возможны и иные контексты. Еще в 2001 г. судьей Конституционного Суда Республики Беларусь А. Г. Тиковенко в докладе «Пределы действия международного права в законодательстве Республики Беларусь» (в рамках конференции органов конституционного контроля молодой демократии, прошедшей в г. Минске) отмечалось, что взаимодействие внутреннего права Республики Беларусь с международным правом осуществляется на основе «теоретических формально-юридических международно-правовых конструкций <...> с учетом реальной международно-правовой жизни» [16, с. 84–89]. Заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь В. В. Мицкевич в статье «Становление и развитие права современной Беларуси»¹ с уверенностью заявил, что к элементам фундамента для дальнейшего развития внутреннего права следует отнести «восприятие передовых научных конструкций современных правовых систем с учетом <...> национальных правовых традиций».

В отдельных случаях юридическая конструкция раскрывается через определенный порядок действий (правовую процедуру, процесс). Так, в решении Суда Евразийского экономического сообщества по делу № 2-4/1-2014 (1-7/4-2013) от 24.02.2014 г. коллегия Суда обозначила соответствующим термином «порядок и условия освобождения от уплаты таможенных пошлин».

В постановлении Конституционного суда России № 5-П от 17.02.2016 г. была упомянута кумулятивная конструкция санкции ч. 3 ст. 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 г. В определении № 181-О-О от 08.02.2011 г. исследовалась конструкция солидарной ответственности за уплату таможенных платежей, а в определении № 169-О от 12.05.2003 г. названа конструкция административного штрафа. Наиболее часто Конституционный суд России прибегает к абстрактному понятию «конструкция» при характеристике состава фактических оснований ответственности (постановления № 2-П от 19.01.2016 г., № 12-П от 18.05.2012 г., № 3-П от 19.03.2003 г. и т. д.).

Из обозначенных правоприменительных (правоинтерпретационных) материалов можно сделать

вывод о том, что под юридической конструкцией в практической деятельности понимаются:

- международная или внутринациональная правовая система в целом (ее подсистемы);
- элементы системы права (нормы, институты, отрасли и иные совокупности норм права, закрепляющие какие-либо правовые явления, процессы, статусы, любые другие правовые образования, в том числе юридическую ответственность и порядок ее реализации);
- относительно обособленные текстовые фрагменты отдельных норм права: нормативные (правотворческие) конструкции (преимущественно словосочетания);
- теоретические взгляды, суждения, позиции и подходы относительно любых явлений и процессов юридической действительности (так называемые интеллектуально-мыслительные правовые конструкции).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Научно-практическая разработка конструкции юридической ответственности открывает большие перспективы для совершенствования правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности относительно познания этой правовой категории и ее реализации.

Единого понимания категорий «юридическая конструкция» и «конструкция юридической ответственности» не сформировано ни юридической наукой, ни юридической практикой. Следствием этого является достаточно свободное и размывающее смысл употребление как в официальных, так и в неофициальных источниках.

Определение сущности и элементов конструкции юридической ответственности подчинено ряду условий:

- а) нахождение четкого подхода к пониманию категории «юридическая конструкция» как средства юридической техники, единицы мышления и т. п.;
- б) обозначение конкретного подхода к пониманию юридической ответственности как института права или правового средства;
- в) установление границ предполагаемого изучения конструкции юридической ответственности с учетом поставленной цели и задач соответствующего исследования (в ином случае эти границы могут стать необозримыми).

Дальнейшая разработка проблематики конструкции юридической ответственности и реализации ее конструктивных особенностей должна проводиться как на общетеоретическом, так и на отраслевом уровне и систематически актуализироваться на практике.

¹Из цикла публикаций «Право современной Беларуси: истоки, уроки, достижения и перспективы» (статья размещена 22.06.2015 г. на Национальном правовом интернет-портале Республики Беларусь).

Библиографические ссылки

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
2. Вохмянин Д. В. Сущность правовых универсалий // *Международн. журн. прикладных и фундамент. исслед.* 2011. № 11. С. 53–57.
3. Ширков В. П. Преступления толпы по новому уголовному уложению (конструкция ответственности) // *Журн. М-ва юстиции.* 1904. № 3. С. 90–124.
4. Глухарева Л. И. Юридическая ответственность как правовая конструкция // *Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Юридик. науки.* 2010. № 3. С. 44–47.
5. Гревцов Ю. И. Проблемы юридических конструкций ответственности // *Юрид. техника.* 2013. № 7–2. С. 200–203.
6. Авдеенкова М. П. Элементы системы юридической ответственности и особенности их взаимодействия // *Соврем. право.* 2008. № 5. С. 44–49.
7. Немытина М. В. Методологический смысл категории «юридическая конструкция» // *Юрид. техника.* 2013. № 7–2. С. 528–532.
8. Сапун В. А. Юридическая конструкция как правовое средство юридической техники // *Юрид. техника.* 2013. № 7–2. С. 676–679.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2006. Т. 2.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2006.
11. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2013.
12. Черданцев А. Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // *Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение.* 1972. № 3. С. 12–19.
13. Ананьева А. А. «Юридическая конструкция»: к вопросу об определении понятия // *Изв. ИГЭА.* 2016. № 1. С. 141–148.
14. Липинский Д. А. К вопросу о структуре института юридической ответственности // *Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Юрид. науки.* 2011. № 4. С. 57–63.
15. Савельев Ю. М. Необходимость доктринального закрепления понятия юридической ответственности // *Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Юрид. науки.* 2015. № 3. С. 49–52.
16. Павлова Л. В., Бровка Ю. П., Чудаков М. Ф. и др. *Имплементация норм международного права во внутригосударственное право.* Минск, 2001.

References

1. Alekseev S. S. [Climbing to the right. Searches and solutions]. 2nd ed. Moscow, 2002 (in Russ.).
2. Vokhmyanin D. V. [Essence legal universals]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikl. i fundam. issled.* 2011. No. 11. P. 53–57 (in Russ.).
3. Shirkov V. P. [Crowd crimes under the new Criminal Law (Structure of Liability)]. *Zhurnal Minist. Justicii.* 1904. No. 3. P. 90–124 (in Russ.).
4. Glukhareva L. I. Legal Liability as the Legal Construction. *Vector Sci. Togliatti State Univ. Legal Science.* 2010. No. 3. P. 44–47 (in Russ.).
5. Grevtsov Y. I. [Problems of Structures of Legal Liability]. *Juridical Tech.* 2013. No. 7–2. P. 200–203 (in Russ.).
6. Avdeenkova M. P. [Elements of legal liability system and the characteristics of its interaction]. *Sovrem. pravo.* 2008. No. 5. P. 44–49 (in Russ.).
7. Nemytina M. V. [Methodological meaning of category the «legal construction»]. *Juridical Tech.* 2013. No. 7–2. P. 528–532 (in Russ.).
8. Sapun V. A. [Legal Structure as a Legal Means of Legal Technique]. *Juridical Tech.* 2013. No. 7–2. P. 676–679 (in Russ.).
9. Dal V. I [Explanatory Dictionary of Russian language] : in 4 vol. Moscow, 2006. Vol. 2 (in Russ.).
10. Ozhegov S. I. [Dictionary of Russian language 80 000 words and idiomatic expressions]. 4th ed. Moscow, 2006 (in Russ.).
11. Ushakov D. N. [Explanatory Dictionary of Modern Russian]. Moscow, 2013 (in Russ.).
12. Cherdantsev A. F. [Legal Structures and its Role in the Science and Practice]. *Proc. High. Educ. Inst. Pravoved.* 1972. No. 3. P. 12–19 (in Russ.).
13. Ananyeva A. A. On the definition of «legal structures». *Bull. Baikal State Univ.* 2016. No. 1. P. 141–148 (in Russ.).
14. Lipinskiy D. A. To a Question on Structure of Institute of Legal Liability. *Vector Sci. Togliatti State Univ. Legal Sci.* 2011. No. 4. P. 57–63 (in Russ.).
15. Savelyev Y. M. The Need for Doctrinal Integration of the Concept of Legal Liability. *Vector Sci. Togliatti State Univ. Legal Sci.* 2015. No. 3. P. 49–52 (in Russ.).
16. Pavlova L. V., Brovka Yu. P., Chudakov M. F., et al. [Implementation of international law into domestic]. Minsk, 2001 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 12.01.2017.
Received by editorial board 12.01.2017.

УДК 340.115

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К МОНИТОРИНГУ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В УКРАИНЕ

И. И. ОНИЩУК¹⁾

¹⁾Ивано-Франковский университет права им. Короля Данила Галицкого,
ул. Е. Коновальца, 35, 76000, г. Ивано-Франковск, Украина

Раскрыта сущность системного подхода к правовому мониторингу в Украине. Доказывается мысль о том, что изучение вопросов правового мониторинга предполагает применение одного из новейших фундаментальных подходов – системного, а также его метода системного анализа, который рассматривают как эффективный метод изучения правовых объектов и процессов. Обосновано, что системный анализ нормативных правовых актов в Украине должен быть результатом синтеза системного подхода и научного исследования. Во время системного анализа права учитываются: тип анализа, который определяет его содержание; технико-юридический инструментарий; основные параметры анализируемой правовой системы.

Ключевые слова: правовой мониторинг; системный подход; системный анализ; правотворческий процесс; правовое регулирование; нормативный правовой акт.

A SYSTEMATIC APPROACH TO THE MONITORING OF NORMATIVE-LEGAL ACTS IN UKRAINE

I. I. ONYSHCHUK^a

^aIvano-Frankivsk King Danylo Halytskyi University of Law,
Ye. Konoval'tsa Street, 35, 76000, Ivano-Frankivsk, Ukraine

The essence of system approach to legal monitoring in Ukraine is considered. Arguments that the study of questions of legal monitoring involves the use of one of the newest fundamental approaches – system and method of system analysis, which is considered as an effective method of legal study objects and processes. It is proved that the system analysis of legal acts in Ukraine must to be the result of synthesis of the system approach and scientific research. During the system analysis of law are taken into account: the type of analysis that determines its content; technical and legal tools; the main parameters of the analysed legal system.

Key words: legal monitoring; system approach; system analysis; legislative process; legal regulation; legal act.

В современных условиях попытки контролировать и оценивать законность и справедливость в Украине сопровождаются значительной фрагментацией в правотворчестве. Чтобы устранить законодательные пробелы и приблизить страну

к европейским стандартам уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и прав человека, необходимы инновационные подходы. Концептуальная ясность правового мониторинга усиливается внедрением

Образец цитирования:

Онищук И. И. Системный подход к мониторингу нормативных правовых актов в Украине // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 8–11.

For citation:

Onyshchuk I. I. A systematic approach to the monitoring of normative-legal acts in Ukraine. *J. Belarus. State Univ. Law.* 2017. No. 2. P. 8–11 (in Russ.).

Автор:

Игорь Игорьевич Онищук – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета.

Author:

Igor Onyshchuk, PhD (law), docent; associate professor at the department of theory and history of state and law, faculty of law.
revival.if.ua@gmail.com

фундаментальных конституционных ценностей и принципов (свобода, равенство, эффективная система правосудия, доступ к правосудию и др.) в правовую и политическую системы.

Вопросы правового мониторинга в Украине актуализированы утверждением Верховной радой Украины и Европейским парламентом Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС 16 сентября 2014 г. Документ заложил качественно новую правовую основу для дальнейших отношений между Украиной и ЕС. Соглашение будет служить стратегическим ориентиром для проведения системных социально-экономических реформ и широкомасштабной адаптации законодательства Украины к нормам и правилам ЕС. Согласно документу этап мониторинга и оценки, который сегодня практически отсутствует, должен быть усилен механизмами общего текущего и заключительного оценивания правовой системы, а также обеспечивать свободный доступ общественности к информации [1, с. 46].

Весомый вклад в исследование теоретико-прикладных основ правового мониторинга внесли современные зарубежные ученые: Ю. Арзамасов, П. Виджьяно, Н. Сартаева, Ю. Сурмин, Ю. Тихомиров, Д. Шнайдер, А. Шухарева и др. К числу украинских ученых-исследователей правового мониторинга можно отнести Ю. Градову, А. Зайчука, В. Косовича, А. Копыленко, И. Шутака и др.

До сих пор в украинской теории права не создано надлежащей доктринальной базы и методологии правового мониторинга, что является одним из негативных факторов на пути к совершенствованию правовой системы. Попытаемся раскрыть сущность системного подхода к правовому мониторингу.

В информационном обществе интенсивно развивается сектор системного сбора и использования информации. Закон реагирует на каждое социальное изменение и является доказательством текущего развития и состояния общественных отношений.

Построение информационного общества давно находится в кругу интересов Украины. Целью в данном контексте является формирование общества нового типа. Оно должно основываться на знаниях, мониторинговые технологии сбора, обработки, передачи и использования которых дешевы и доступны.

В свою очередь, для оценки качества правовой информации необходимы мониторинговые процедуры (операции) преобразования информационных сведений о нормативном и правореализационном массиве в поисковые образы, т. е. наиболее обобщенные сведения. Эти процедуры частично схожи с работой над научным текстом, в ходе которой также требуется научное обобщение. Формиро-

вание научных понятий, категорий и конструкций, теоретических моделей (как ступеней познания объектов и явлений) также связано с созданием обобщений и научных образов.

Цель правового мониторинга – выявление противоречий, коллизий и пробелов в нормах действующего законодательства, результатом чего становится разработка предложений по усовершенствованию законодательных актов (отдельных положений, норм), а также подзаконных нормативных правовых актов, направленных на реализацию положений анализируемого документа. По результатам проведенного анализа разрабатываются концепция и проект нормативного правового акта. В процессе подготовки концепции и проекта основным вопросом является прогнозирование последствий принятия законодательных актов, которое позволяет оценить возможные негативные социально-экономические последствия правотворчества [2].

Системный характер правового мониторинга обуславливает проявление, взаимодействие и взаимодополнение его функций: контрольной, информационной, аналитической, экспериментальной, прогностической, а также функций наблюдения, содействия формированию и проведению нормотворческой политики, планирования нормотворческой деятельности.

Как правило, органами, в обязанности которых входит анализ эффективности действующего законодательства, являются специальные институты парламентских исследований, специфические парламентские комитеты и комиссии, специальные государственные органы, которые создаются исполнительной властью. В других случаях такой анализ – часть деятельности правительственных министерств. В процессе анализа эффективности законодательства помимо указанных принимают участие организации, для которых эта функция не является основной. Это в первую очередь счетные палаты. Их полномочия различны, и в разных системах они действуют как самостоятельно, так и по запросам правительства. К примеру, Федеральная счетная палата Германии проверяет как законность, так и достоверность ведения хозяйства страны; Верховная контрольная палата Польши следит за полноценностью и экономической эффективностью решений общественных органов. В некоторых странах статус счетной палаты приравнивается к статусу верховного суда. Иногда во время проведения расследований парламентские комитеты наделяются полномочиями и ограничениями, подобными судебным [3].

Парламентские комиссии и комитеты отслеживают изменения законодательства, дают рекомендации по его реформированию, высказывают предложения, комментарии. В системах, где основная

роль принадлежит правительству, совет (кабинет) министров и министерства выполняют функции парламентских комитетов и комиссий, выносят свою оценку законам.

Специальные институты могут образовываться при парламенте (Парламентский институт в Чехии) или правительстве (Центр правовой реформы и законопроектных работ при Министерстве юстиции Украины, Институт макроэкономических исследований и развития в Словении). Они сотрудничают с министерствами, университетами и частными компаниями, занимающимися исследованиями и оценкой законопроектов.

Мониторинговую оценку нормативных правовых актов можно осуществлять по данным социологического опроса, проводимого на сайте Министерства юстиции Украины. Его посетителям можно предложить ознакомиться с объективной разноплановой информацией о принятых нормативных правовых актах и классифицировать их по следующим параметрам: ожидаемость; реализованность; социальная ориентированность; цитируемость в СМИ; возможность лоббирования; противоречивость; степень популизма; коррупциогенность; ресурсная обеспеченность; рискованность; ясность; справедливость и др.

Актуальность анализа регионального законодательства зависит как от наличия у местных органов власти законодательных полномочий (чего в некоторых странах, несмотря на сложное административно-территориальное деление, нет), так и от полноты их компетенции в осуществлении собственного регулирования. К примеру, в Польше возможен только административный надзор, предметом которого являются польза и экономическая эффективность решений местных органов.

В некоторых странах парламент проводит специальный анализ законодательства. Исследователи указывают на то, что принятие некоторых политических решений (в том числе законодательного характера) по итогам такого анализа сопряжено с трудностями. Это выражается в том, что результаты проведенного анализа идут «против течения» политических интересов. В частности отмечается, что его результаты часто искажаются, отвергаются или прямо игнорируются теми, кто «делает политику». Однако это не мешает проведению такого анализа, он должен существовать и на местном уровне. Од-

нако и там возникают трудности, связанные с ограничениями в ресурсах.

Игнорирование системного подхода к иерархическому построению права и законодательства приводит к нарушению последовательности в принятии различных нормативных правовых актов. Нередко в концепциях правового обеспечения отраслей и регионов, в программах реформ законами произвольно определяется соотношение актов с ранее принятыми постановлениями правительства, актами министерств или их методическими рекомендациями.

Таким образом, изучение вопросов правового мониторинга предполагает применение одного из новейших фундаментальных подходов – системного, а также метода системного анализа, который рассматривают как эффективный метод изучения правовых объектов и процессов.

Система – это совокупность взаимосвязанных элементов. Первооснова системного анализа – целостность объекта как системы, интегральные свойства которой не сводятся к сумме признаков ее элементов, не выводятся из этих признаков. Система характеризуется диалектической взаимозависимостью целого и части, когда каждый элемент зависит от своего места и своих функций в целостной системе [4, с. 68].

Механизмы социальной системы права ориентированы на стабилизацию права. В связи с этим они должны существовать в различных формах в разные эпохи правового развития. Эволюция права основывается на дифференциации и взаимозависимости указанных механизмов. Дифференциация стимулирует различные нормативные прогнозы, указывает на рациональность обусловленных развитием государства преобразований, которые принимают форму новых проблем права [5, с. 22–23].

Системный подход ценен не только парадигматичностью, но и методологичностью, т. е. использованием его не только как способа репрезентации общественных отношений, но и как метода их познания. В этом и заключается его методологическая функция: системность в познавательном процессе работает как принцип, метод и теория [6, с. 304].

Виды, цель, средства и содержание системной деятельности в контексте правового мониторинга можно изобразить в виде таблицы.

Системная деятельность в контексте правового мониторинга

Systemic activity in the context of legal monitoring

Механизм системной деятельности			
Виды	Цель	Средства	Содержание
Системное познание	Получение знания	Знания, методы познания	Изучение объекта и предмета правового мониторинга
Системный анализ	Понимание проблемы	Мониторинговая информация, методы ее анализа	Рассмотрение проблемы посредством методов анализа

Окончание табл.
Ending table

Механизм системной деятельности			
Виды	Цель	Средства	Содержание
Системное моделирование	Создание модели системы правового мониторинга	Методы мониторингового моделирования	Построение формальной или натуральной модели системы
Системное конструирование	Создание системы правового мониторинга	Методы мониторингового конструирования	Проектирование и опредмечивание системы
Системная диагностика	Диагностика системы правового мониторинга	Методы мониторинговой диагностики	Выяснение отклонений от нормы в структуре и функциях системы
Системная оценка	Оценка системы	Теория и методы мониторинговой оценки	Получение оценки системы, ее значимости

Благодаря системному подходу достигается единство методологической интеграции и дифференциации при доминировании тенденции объединения и сборки методологического комплекса. Наиболее важными функциями системного подхода являются мировоззренческая (выступает основой мировоззрения), эвристическая (инструмент научного открытия), объяснительная (дает объяснения объектам и процессам природы и общества), методологическая (представляет собой систему методов получения знаний об определенных объектах и процессах) и прогностическая (дает возможность построения прогнозов развития систем).

Системный анализ нормативных правовых актов – результат синтеза системного подхода и научного исследования. При проведении данной про-

цедуры следует учитывать тип анализа, который определяет его содержание, технико-юридический инструментарий, основные параметры анализируемой правовой системы.

Последовательность системного анализа нормативных правовых актов состоит из нескольких этапов:

- анализа проблемы;
- поиска ресурсов для проектирования;
- прогноза и анализа устойчивых тенденций развития системы нормативных правовых актов;
- оценки целей и средств реализации;
- проектирования правового мониторинга;
- проектирования информационных механизмов;
- проектирования механизмов материального и морального стимулирования деятельности.

Библиографические ссылки

1. Сушко О., Зелінська О., Хорольський Р. та ін. Угода про асоціацію Україна-ЄС : дороговказ реформ. Київ, 2012.
2. Методические рекомендации по проведению правового мониторинга нормативных правовых актов и по подготовке Концепций и проектов НПА // Министерство Республики Казахстан : [сайт]. URL: <http://www.minjust.kz/ru/node/15896> (дата обращения: 12.05.2016).
3. Механизмы обоснования принятия и мониторинга нормотворческих решений в странах Европы // Аналит. вестн. Совета Федерации ФС РФ. 2005. № 24.
4. Бандура О. О., Бублик С. А., Зайнчковський М. Л. та ін. Філософія права. Київ, 2000.
5. Viggiano P. L. Teoria della societa. Forme evolutive del diritto e sistemi sociali. Lecce, 2012. P. 22–23.
6. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ. Киев, 2003.

References

1. Sushko O., Zelins'ka O., Horol's'ki R., et al. [The Association agreement EU-Ukraine: index of reforms]. Kiev (in Ukrainian).
2. [Methodical recommendations on conducting legal monitoring of legal acts and the development of Concepts and projects of the NLA]. URL: <http://www.minjust.kz/ru/node/15896> (date of access: 12.05.2016) (in Russ.).
3. [Mechanisms of justification, adoption and monitoring of standard-setting decisions in the European countries]. *Analitycheskii vestnik Sov. Fed. FS RF*. 2005. No. 24 (in Russ.).
4. Bandura O. O., Bublik S. A., Zainchkovskij M. L., et al. [Philosophy of law]. Kiev, 2000. P. 68 (in Ukrainian).
5. Viggiano P. L. Teoria della societa. Forme evolutive del diritto e sistemi sociali. Lecce, 2012. P. 22–23 (in Ital.).
6. Surmin Ju. P. [Systems theory and system analysis]. Kiev, 2003 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 28.11.2016.
Received by editorial board 28.11.2016.

УДК 340.1

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ К ОБРАЗОВАНИЮ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ ПРАВОПОНИМАНИЯ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И. А. РУБИС¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается динамика изменений основных подходов к процессу правообразования в зависимости от существующего в тот или иной исторический период типа правопонимания в контексте поиска наиболее адекватного термина. Выделяются две основные категории, описывающие процесс образования права: «правообразование» и «правотворчество». Делается вывод о том, что согласно анализу основных подходов правопонимания в ретроспективе процесс образования права не рассматривался правовой доктриной комплексно. Обосновывается мысль о недостаточной изученности вопроса взаимосвязи различных парадигм правопонимания с процессом образования права как на практическом, так и на теоретическом уровне. Высказывается предположение о формировании на современном этапе интегративного типа правопонимания, который позволит переосмыслить и изменить подход к пониманию права, перейти от правового монизма к осознанию возможности влияния на образование права различных факторов.

Ключевые слова: правообразование; правотворчество; правопонимание; типы правопонимания.

AN ANALYSIS OF THE MAIN APPROACHES TO THE PROCESS OF LAW FORMATION IN THE CONTEXT OF HISTORICAL TYPES OF THE UNDERSTANDING OF LAW: TERMINOLOGICAL ASPECT

I. A. ROYBIS^a

^aBelarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article deals with the dynamics of change in the main approaches to the process of law-formation depending on the particular type of law understanding, existing in a certain period of time, in the context of searching for the most appropriate term. Two main categories that describe the formation of law – «law-formation» and «law-making» are distinguished. It is concluded that, according to the analysis of the main approaches of law understanding the process of law-formation was not considered fully by the legal doctrine. It is concluded that there is a lack of knowledge on the interrelationships between various paradigms of law understanding with the process of the formation of law on both practical and theoretical levels. The assumption is made about the formation of the integrative type of law understanding that will allow to rethink and change the approach to the understanding of law and to move from legal monism to the acceptance of the possibility that various factors might impact law-formation.

Key words: law-formation; law-making; law understanding; types of law understanding.

Образец цитирования:

Рубис И. А. Анализ основных подходов к образованию права в контексте исторических типов правопонимания: терминологический аспект // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 12–16.

For citation:

Roybis I. A. An analysis of the main approaches to the process of law formation in the context of historical types of the understanding of law: terminological aspect. *J. Belarus. State Univ. Law.* 2017. No. 2. P. 12–16 (in Russ.).

Автор:

Иван Александрович Рубис – соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета.

Author:

Ivan Roybis, doctoral candidate at the department of theory and history of state and law, faculty of law.
ivan.roybis@gmail.com

Процесс образования права, равно как и его терминологическое обозначение, всегда оценивался как не до конца определенный феномен, что обусловлено различными, часто противоположными подходами к его описанию. Юридическая наука до сих пор не выработала единого подхода к пониманию того, каким образом происходит зарождение, формирование и установление права. Этот факт связан с тем, что в рамках различных исторических периодов политического, социоэкономического, правового и культурного развития общества и государства создание единой универсальной теории не являлось необходимым и возможным. На современном этапе развития социальных (правовых) систем рассмотрение данного вопроса становится возможным благодаря попыткам их унификации, а также интенсификации в рамках взаимодействия данных систем интеграционных процессов и общей глобализационной направленности развития исторического процесса. Образование права – фундаментальный для юридической науки и практики процесс. Теоретическая и практическая значимость данного вопроса обусловлена тем, что несогласованность понимания процесса правообразования, его причин и содержания не позволяет теоретически и значительно затрудняет практически рассматривать иные процессы, напрямую либо опосредованно связанные с ним. Недостаточное и одностороннее осмысление сложных связей между правообразованием, правотворчеством, правоустановлением и реализацией права порождает ситуацию, при которой искажение одного из элементов, являющихся базовыми для формирования правовой системы государства, снижает степень регулятивного воздействия права и эффективность социального регулирования в целом.

В юридической науке процесс образования права в основном описывается категориями «правообразование» и «правотворчество», которые понимаются как разнонаправленные процессы: если правообразование носит скорее объективно-субъективный характер, то правотворчество, наоборот, субъективно-объективный [1, с. 15]. Основными дискуссионными вопросами являются вопросы о соотношении объема этих понятий и о включении либо выделении в самостоятельные категории данных процессов. На наш взгляд, будет методологически правильным рассмотреть проблему через призму воспринятых конкретным историческим социумом моделей (парадигм) правопонимания, в рамках которых были сформированы модели соответствующих терминов, описывающие процесс создания права. Нами будут рассматриваться наиболее устоявшиеся, социально и политически воспринятые подходы, выводы которых были заложены в теорию и практику социального регулирования.

В ретроспективе можно выделить две основные группы подходов к образованию права:

- 1) как процессу его творения государством;
- 2) как самостоятельному процессу, который происходил фактически без участия государства и иных властных субъектов.

Как в первом, так и во втором случае факторы правообразования не изучались комплексно, акцент делался на одну из групп. В ходе изменения содержания подходов к процессу образования права наблюдается постепенный переход от превалирования мононаправленных процессов и факторов (объективных или субъективных) к учету факторов различного характера, оказывающих влияние на правообразование. Рассматриваемые нами теории не выступают в качестве единого комплексного учения, а являются фундаментом, на основе которого сформировались различные направления с аналогичным подходом к исследуемому предмету.

Исходной концепцией правопонимания, которая легла в основу современной правовой доктрины, является идея естественного права. Критика этой идеи приводила к возникновению иных подходов. Ее сущность обобщенно сводится к достаточно простой и универсальной схеме различения естественного и позитивного права [2; 3].

Не во всех случаях законы, которые принимает государство, являются правовыми, но они должны соответствовать естественному праву как феномену надпозитивного характера. Концепция естественного права может восприниматься социумом лишь на определенном этапе – когда естественное право может функционировать вне практической связи с позитивным правом, т. е. в момент формирования нового общественного идеала, еще не закрепленного в законодательстве. В связи с этим данная идея не может использоваться постоянно, она актуализируется лишь в переломные этапы развития социума. Содержание, придаваемое естественному праву, объективно изменяется, т. е. на современном этапе некорректно применять реалии естественного права, адекватные для иных эпох. Теория естественного права в классическом понимании исчерпала себя в период буржуазных революций, когда стала базой для реформирования политических, социальных и экономических отношений в Европе. Одновременно методология естественного права в значительной мере противоречит современным процессам правообразования. То есть не представляется возможным рассматривать образование права как процесс исключительно объективный, детерминированный законами природы, Божьей волей и другими факторами процесс, не учитывая субъективный характер правотворчества, обеспечивающийся желанием государства. Однако в контексте данной статьи речь пойдет о классическом подходе

к естественному праву, а не о идее возрожденно-го естественного права, так как разделение типов научной рациональности не входит в наши задачи. Идея возрожденного естественного права использует несколько иную методологию познания и основана на антитоталитарной интерпретации естественно-правовых идей и принципов, активной разработке проблем естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека, ценности права, достоинства личности, правового государства и т. д. Разработка данной проблематики заметно подняла престиж естественно-правовой идеологии в общественном мнении послевоенной Европы, усилив ее теоретические позиции и практическое влияние во многих сферах политической и правовой жизни государств. В рамках названной концепции процесс образования права понимался как исключительно объективный и содержательно не связанный волей государства (позитивным правом) процесс.

Логическим продолжением классической теории естественного права стала историческая школа права, которая в логике диалектики выступила отрицанием классической школы права. Историческая школа сменила естественно-правовую концепцию и отождествила природное право с исторически эволюционирующим народным духом (нем. *Volkgeist*). В рамках рассматриваемой проблемы историческая школа имеет более универсальный характер. Она предполагает вариативность развития общества, государства и права в зависимости от того пути, который проходит каждый конкретный народ в своем развитии, и от самой сущности права, порожденной его народным духом. В процесс образования права включается новый параметр – законодательный процесс, посредством которого объективные процессы облекаются в материальную форму. В то же время это является недостатком исторической школы права. Право – историческое проявление безличного народного духа, который не зависит от какого-либо произвола. Функции законодателя опосредуются исключительно юридической техникой, т. е. оформлением тех традиций и устоев, которые в обществе сложились в нормы, не предполагая участия самого законодателя в процессе образования права как носителя собственных (государственных) интересов. В рамках названной концепции процесс образования права формально понимался как объективно-субъективная процедура, однако законодательная функция государств не рассматривалась самостоятельно и понималась как инструмент выражения народного духа.

В связи с этим диалектической противоположностью естественно-правовой концепции и продолжением исторической школы права является школа правового позитивизма (правового нормативизма), в которой в отличие от закона единства и борьбы противоположностей процесс образования пра-

ва рассматривается как субъективная категория, а право – как произвольный продукт государства.

Современный термин «правообразование» не может быть адекватно интерпретирован исходя из трех названных парадигм, так как они выводят причины правообразования за пределы предмета юридической науки: к определенным метафизическим предпосылкам, к уже существующим источникам либо к субъективной воле законодателя в лице государства.

Указанные подходы были восприняты и историко-материалистической концепцией через принятие, переработку или отрицание. Такая концепция в большей степени соответствует социологическому подходу к правопониманию. Однако и она не совсем подходит для раскрытия категории «правообразование» в силу акцента на связь с экономической и определения его как надстроечного явления по отношению к базису. Интересы классов выражаются через борьбу, закрепляются в надстройке и носят динамичный характер. Однако они отличаются резко выраженным экономическим детерминизмом, минимизирующим роль иных (неэкономических) факторов, влияющих на создание права.

Психологическая школа почти полностью игнорирует деятельность государства в процессе правообразования, хотя и дает определенную информацию для его изучения. Она обращает внимание на психологические процессы, которые тоже выступают фактором образования права наряду с экономическими, политическими и другими процессами. Право в данном контексте носит императивно-атрибутивный характер, понимается субъективно (как совокупность психических переживаний долга и обязанностей) и не имеет четкого институционального выражения.

Фактически термин «правообразование» коррелирует лишь с социологической школой. При социологическом подходе учитывается максимальное количество факторов правообразования. То есть если в предыдущих концепциях эти факторы были в основном выборочные и базировались на парадигме той или иной теории, то в социологическом подходе правообразование – это отражение различных интересов социума и его составляющих. Государству в этом процессе отводится роль правотворческого органа, который выступает как еще одно институциональное образование и фактически отождествляется с социумом. Государство в социологической школе выступает в качестве институциональной формы, а не самостоятельного автора.

Отметим, что кроме вышеизложенных школ на современную постсоветскую науку оказало глубокое воздействие советское правопонимание. Оно дало толчок к дальнейшему развитию историко-материалистической концепции. В советский период развития юридической науки основной

подход к пониманию процесса образования права описывался как процесс правотворчества. Это было обусловлено существующим типом понимания права как составной части экономики. Речь идет о так называемом экономическом монизме советской правовой доктрины, который определял советскую правовую науку. Экономический монизм, безусловно, сводил процесс образования права к воле господствующего класса (воле партии) государства, возведенной в закон. Влияние на процессы правообразования политических, психологических, религиозных и других неэкономических факторов хоть и признавалось, но формировалось в рамках классового подхода. Право понималось как механизм, приводимый в силу государственной волей, и в меньшей степени рассматривалось как социальное явление. Так, согласно мнению А. С. Пиголкина, правотворческий процесс представлял собой форму государственной деятельности, направленную на создание правовых норм, их дальнейшее изменение или отмену [4]. По определению, предложенному В. М. Горшеневым, правотворчество «представляет собой деятельность по созданию и развитию действующей системы права путем разработки, обсуждения и принятия нормативных актов» [5, с. 7]. Право в первую очередь должно регулировать общественные отношения, а значит – соответствовать социальным ожиданиям и потребностям или общественному мнению. Этот постулат в полной мере не учитывался в правовой доктрине. То есть образование права (в семантическом смысле) не рассматривалось как общественное явление, хотя его социальная детерминированность предполагалась изначально заданной (но недостаточно осмысливалась). Право рассматривалось как результат творения, создания его государственной волей. Оно было в большей степени субъективно и отражало непосредственно интересы государственных органов, хотя и претендовало на отражение объективных закономерностей развития общества. Это проявилось в отсутствии понятия правообразования (в современном его понимании) и превалировании понятия правотворчества.

Кроме того, советская юридическая наука методологически была связана лишь с одной формой мировоззрения – научной. Эта форма господствовала на конкретном историческом этапе. Вопросы философского мировосприятия были поставлены на один уровень с научными. Они рассматривались в рамках общей теории права и не выделяли философию права как самостоятельную правовую дисциплину. В постсоветский период, когда данный подход утратил свое довлеющее значение, это привело к ряду проблем, которые были связаны с конкретизацией самого предмета теории государства и права как научной дисциплины и с необходи-

мостью разграничения философского и общенаучного правопознания. Соответственно, игнорирование вопросов правообразования в рамках общей теории государства и права связано с неопределенностью этого вопроса. Правообразование не рассматривалось на уровне теории государства и права потому, что многие исследователи относят его к философскому уровню правопонимания, т. е. выходящему за рамки научного изучения права [6].

Рассмотрев различные парадигмы правопонимания и их непосредственную связь с процессом образования права, мы можем говорить о том, что данный процесс не был изучен комплексно и многосторонне, несмотря на то что на практическом и теоретическом уровне этому вопросу уделялось большое внимание. В различные исторические периоды делался акцент на определенные стороны данного процесса, что не позволяло в полной мере построить законченные диалектические связи между отправной точкой формирования права, его зарождением, процессом образования, установлением и построением правовой системы.

На протяжении длительного периода правовая система Беларуси была составной частью советской правовой системы и поэтому находилась под влиянием мононаправленных подходов к пониманию процесса правообразования. На современном этапе становления национальной правовой системы мы можем говорить о пересмотре и реорганизации этих связей, постепенном переходе к комплексному изучению данного вопроса, что позволяет определять правообразование в широком смысле, как двуединый процесс. Этому в первую очередь способствуют осмысление и изменение подходов к пониманию права, переход от правового монизма к осознанию возможности влияния на право различных факторов, которые не всегда являются исключительно правовыми и могут иметь экономический, исторический, социокультурный, философский, психологический и иной характер.

Фактически мы можем говорить о потребности интегративного рассмотрения феномена правопонимания, позволяющего учитывать достижения уже имеющихся концепций, снимать конфликтность между ними, воспринимать правовую действительность разносторонне и комплексно. Интегративный подход к правопониманию позволяет учитывать все факторы, влияющие на образование права, а также терминологически и методологически рассматривать правообразование в широком смысле, т. е. как объективно-субъективный процесс возникновения социального интереса, его соционормативное закрепление, последующую легитимацию и реализацию. Причем реализация права может одновременно выступать как итоговый этап правообразования, так и в качестве предпосылки для возникновения нового социального интереса.

Библиографические ссылки

1. Дробязко С. Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы // Право и демократия : сб. науч. тр. Минск, 2003. № 14. С. 15–34.
2. Finnis J. Natural Law and Natural Rights. New York, 2011. P. 3–16.
3. George R. Natural Law Theory. London, 1992. P. 6–27.
4. Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 1972.
5. Горшенев В. М. Участие общественных организаций в правовом регулировании. М., 1963.
6. Калинин А. Ю. Правообразование в России: понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав (историко-теоретическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2010.

References

1. Drobjazko S. G. [Law-formation, law-making, law-establishment their subjects and principles]. *Pravo i demokratija* : sb. nauchn. tr. Minsk, 2003. No. 14. P. 15–34 (in Russ.).
2. Finnis J. Natural Law and Natural Rights. New York, 2011. P. 3–16.
3. George R. Natural Law Theory. London, 1992. P. 6–27.
4. Pigolkin A. S. [Theoretical problems of law-making activity in the USSR] : avtoref. dissertatsii ... doctora yuridicheskikh nauk : 12.00.01. Moscow, 1972 (in Russ.).
5. Gorshenev V. M. [Participation of public organizations in legal regulation]. Moscow, 1963 (in Russ.).
6. Kalinin A. Yu. [Law education in Russia: conceptual-categorical and structural-functional composition (historical and theoretical study)] : dissertatsiya ... doctora yuridicheskikh nauk : 12.00.01. St. Petersburg, 2010 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 14.12.2016.
Received by editorial board 14.12.2016.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

УДК (342.72/73)

СУЩНОСТНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Н. В. ВАЛЮШКО-ОРСА*¹⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Рассмотрены сущностно-содержательные аспекты персональных данных в Республике Беларусь. Высказываются предложения и рекомендации по совершенствованию правового регулирования информационных отношений в области персональных данных в нашей стране. На основании опыта зарубежных стран дается трактовка термину «персональные данные». Вносится предложение о целесообразности включения в паспорт гражданина Республики Беларусь в обязательном порядке отметки о группе и резус-принадлежности крови. Отмечается, что в современных условиях необходимо обновление процесса принятия решений, связанных с правовым регулированием персональных данных в Республике Беларусь. Подчеркивается, что совершенствование национального законодательства в области персональных данных, в том числе вопросов, касающихся их защиты, является весьма важным для обеспечения информационной безопасности в Республике Беларусь, что, в свою очередь, создает реальные условия для дальнейшего развития унитарного демократического социального правового государства. Целенаправленная работа над совершенствованием законодательства всех заинтересованных в этой сфере государственных органов будет способствовать улучшению практики его правоприменения.

Ключевые слова: персональные данные; основные персональные данные; дополнительные персональные данные; субъекты; защита персональных данных.

Образец цитирования:

Валюшко-Орса Н. В. Сущностно-содержательные аспекты персональных данных в Республике Беларусь // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 17–23.

For citation:

Valiushka-Orsa N. V. Essentially-content aspects of personal data in the Republic of Belarus. *J. Belarus. State Univ. Law.* 2017. No. 2. P. 17–23 (in Russ.).

Автор:

Наталья Викторовна Валюшко-Орса – кандидат юридических наук; доцент кафедры государственного управления юридического факультета.

Author:

Natallia Valiushka-Orsa, PhD (law); associate professor at the department of public administration, faculty of law. natallia_v@inbox.ru

ESSENTIALLY-CONTENT ASPECTS OF PERSONAL DATA IN THE REPUBLIC OF BELARUS

N. V. VALIUSHKA-ORSA^a

^aBelarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article deals with the essentially-content aspects of personal data in the Republic of Belarus. Concrete proposals and recommendations have been made to improve the legal regulation of information relations in the field of personal data in our country. Based on the experience of foreign countries, the term «personal data» is interpreted. Hereby a proposal is made that it is advisable to include in the passport of a citizen of the Republic of Belarus a note on the blood group and blood rhesus. It is noted, that in modern conditions it is necessary to solve in many respects in a modern way issues related to the legal regulation of personal data in the Republic of Belarus. In general, the improvement of the national legislation in the field of personal data, including issues related to their protection, is very important for ensuring information security in the Republic of Belarus, which in turn creates real conditions for the further development of a unitary democratic social law-based state. A purposeful work on improving the legislation of all state bodies interested in this sphere will help improve the practice of its enforcement.

Key words: personal data; basic personal data; additional personal data; subjects; protection of personal data.

Ориентация Республики Беларусь на построение унитарного демократического социального правового государства предполагает реализацию права во всех сферах общественной жизни. Наиболее полно это проявляется в тех случаях, когда соответствующие отношения затрагивают каждого индивида. Не являются исключением и персональные данные.

Становление института персональных данных тесно связано с развитием конституционных прав и свобод человека, в частности с правом на неприкосновенность личной (частной) жизни. Согласно ст. 12 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. «никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» [1, с. 2]. Подобного рода норма нашла отражение в ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. В соответствии с п. 1 ст. 8 конвенции «каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции» [2, с. 763].

В соответствии со ст. 28 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, его честь и достоинство [3]. Своего рода продолжением данного конституционного положения является ч. 1 ст. 18 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон от 10 ноября 2008 г.), согласно которому никто не вправе требовать от физического лица предоставления инфор-

мации о его частной жизни и персональных данных, включая сведения, составляющие личную и семейную тайну, тайну телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, касающиеся состояния его здоровья, либо получать такую информацию иным образом без воли данного физического лица. Исключение составляют случаи, установленные законодательными актами Республики Беларусь [4].

Частной жизнью распоряжается сам человек. «К сфере частной жизни относят брак (развод), деторождение (усыновление), распоряжение собственностью, семейным бюджетом, тайну вкладов, информацию о состоянии здоровья, свободу вероисповеданий» [5, с. 124]. Право на личную жизнь предполагает, что никто не может подвергаться слежке, прослушиванию и записи телефонных переговоров, нарушению конфиденциальности почтовых и иных сообщений [5, с. 124], фотографированию, видеосъемке и т. д. без ведома лица или вопреки выраженному им несогласию, кроме случаев, предусмотренных законодательством Республики Беларусь. Правовая охрана тайны личной жизни обеспечивается путем соблюдения норм профессиональной этики и норм права. Личные тайны, которые доверены представителям ряда профессий для защиты прав и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, следует рассматривать как профессиональные. К ним относятся, например, медицинская тайна, тайна нотариальных действий, адвокатская тайна и др. [6, с. 146].

Таким образом, понятие «персональные данные» подразумевает информацию о личной (частной) жизни физического лица. Следует отметить, что в законах Республики Беларусь данный термин трактуется по-разному.

Согласно ст. 1 Закона от 10 ноября 2008 г. персональные данные – это основные и дополнительные

персональные данные физического лица, подлежащие в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь внесению в регистр населения, а также иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо [4].

В соответствии со ст. 2 Закона Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 418-З «О регистре населения» (далее – Закон о регистре населения) персональные данные физических лиц – это совокупность основных и дополнительных персональных данных, а также данных о реквизитах документов, подтверждающих основные и дополнительные персональные данные конкретных физических лиц [7].

Проанализировав эти определения, следует отметить различный объем их содержания, несмотря на некоторые идентичные позиции. Определение, содержащееся в Законе о регистре населения, является исчерпывающим. Закон от 10 ноября 2008 г. к персональным данным физического лица наряду с основными и дополнительными данными, подлежащими внесению в регистр населения в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь, относит любые данные, позволяющие идентифицировать лицо. Такая несогласованность ключевого определения приводит к невозможности единообразного подхода к правовому регулированию этой сферы [8].

Что касается Закона Республики Беларусь от 13 июля 2006 г. «О переписи населения», то в нем термин «персональные данные» трактуется в специфическом значении. Так, согласно ст. 1 названного Закона персональные данные – это первичные статистические данные о конкретном респонденте, сбор которых осуществляется при проведении переписи населения [9].

По нашему мнению, термин «персональные данные» следует трактовать шире, рассматривая его через идентифицирующие сведения о конкретном физическом лице. Следует отметить, что в целом в законодательстве государств – участников Содружества Независимых Государств персональные данные трактуются посредством информации, которая идентифицирована или может быть идентифицирована с конкретным физическим лицом.

В России согласно ст. 3 Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» персональные данные – это любая информация, прямо или косвенно относящаяся к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [10]. В соответствии со ст. 2 Закона Украины «О защите персональных данных» от 1 июня 2010 г. персональные данные – это сведения или совокупность сведений о физическом лице, которое идентифицировано или может быть конкретно идентифицировано [11]. Согласно ст. 3 Закона Республики Армения от 13 июня 2015 г. № ЗР-49 «О защите

персональных данных» персональные данные – это любое сведение, относящееся к физическому лицу, которое позволяет или может позволить напрямую или косвенно идентифицировать личность [12]. В ст. 2 Постановления Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 16 октября 1999 г. № 14-19 «О модельном законе “О персональных данных”» указано, что персональные данные – это информация (зафиксированная на материальном носителе) о конкретном человеке, которая отождествлена или может быть отождествлена с ним. К персональным данным относятся биографические и опознавательные данные, личные характеристики, сведения о семейном, социальном положении, образовании, профессии, служебном и финансовом положении, состоянии здоровья и проч. [13].

Следует отметить, что в настоящее время в Республике Беларусь разрабатывается проект закона о персональных данных. В частности, в документе будут определены категории персональных данных, механизмы их защиты и другие вопросы [14]. Кроме того, будет дана единая трактовка термину «персональные данные» [15].

По нашему мнению, с учетом международного опыта под персональными данными следует понимать зафиксированную на материальном носителе информацию о конкретном физическом лице, которая идентифицирована или может быть идентифицирована с ним. Данная трактовка представляется нам наиболее приемлемой, поскольку выделение института персональных данных как самостоятельного необходимо в первую очередь для идентификации конкретного человека. Кроме того, в концепции планируется ввести понятия «общедоступные персональные данные» и «чувствительные персональные данные» [15].

Согласно рекомендации № Rec (2010) 13 Комитета министров Совета Европы странам – членам Совета Европы по вопросам защиты частных лиц в связи с автоматизированной обработкой персональных данных в контексте профилирования от 23 ноября 2010 г. (далее – рекомендация № Rec (2010) 13) под чувствительными данными понимаются «персональные данные, раскрывающие расовое происхождение, политические взгляды, религиозные и иные верования, а также данные о состоянии здоровья, сексуальной жизни или уголовных судимостях, а также другие данные, определяемые как чувствительные местным законодательством» [16].

В России законодатель выделяет так называемые специальные категории персональных данных. К ним согласно ч. 1 ст. 10 Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2006 г. «О персональных данных» относятся персональные данные, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных

или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни [10]. Названные специальные категории персональных данных по своей сути весьма схожи с перечнем, который дается в рекомендации № Рес (2010) 13 для раскрытия содержания чувствительных персональных данных.

Кроме специальных категорий персональных данных в России выделяется такой вид персональных данных, как биометрические данные. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 11 Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2006 г. «О персональных данных» под биометрическими персональными данными понимаются сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность [10].

В соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь персональные данные делятся на два вида: основные и дополнительные.

К основным персональным данным относятся:

- идентификационный номер;
- фамилия, собственное имя, отчество;
- пол;
- число, месяц, год рождения;
- место рождения;
- цифровой фотопортрет;
- данные о гражданстве (подданстве);
- данные о регистрации по месту жительства и (или) месту пребывания;
- данные о смерти или объявлении физического лица умершим, признании безвестно отсутствующим, недееспособным, ограниченно дееспособным (п. 1 ст. 8 Закона о регистре населения) [7].

К дополнительным персональным данным относятся сведения:

- о родителях, опекунах, попечителях, семейном положении, супруге, ребенке (детях) физического лица;
- высшем образовании, ученой степени, ученом звании;
- роде занятий;
- пенсии, ежемесячном денежном содержании по законодательству, государственной службе, ежемесячной страховой выплате по обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний;
- налоговых обязательствах;
- исполнении воинской обязанности (п. 1 ст. 10 Закона о регистре населения) [7].

Наряду с названными видами персональных данных согласно ст. 2 Закона о регистре населения к персональным данным законодатель также относит данные о реквизитах документов, подтверждающих основные и дополнительные персональные данные конкретных физических лиц [7].

Так, в соответствии со ст. 11 Закона о регистре населения вместе с основными персональными данными и дополнительными персональными данными

в записи в регистре содержатся данные о реквизитах документов, подтверждающих указанные персональные данные: название документа; серия; номер; дата выдачи (принятия); срок действия; наименование организации, выдавшей (принявшей) документ [17].

Однако в названных перечнях, касающихся основных и дополнительных персональных данных, не упоминаются такие персональные данные, как группа и резус-принадлежность крови. Следует отметить, что в соответствии с Законом Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 79-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О регистре населения”» такие дополнительные персональные данные, как группа крови, были исключены из Закона о регистре населения. «По мнению Конституционного Суда, уточнение Законом перечня персональных данных граждан, которые должны накапливаться и храниться в регистре населения, направлено на их оптимизацию и исключение накопления в регистре населения сведений, предназначенных для хранения (уже хранящихся) в специальных информационных системах, взаимосвязанных с регистром, что делает излишним накопление таких же сведений и в регистре населения» [18].

Тем не менее согласно п. 22 Указа Президента Республики Беларусь от 3 июня 2008 г. № 294 «О документировании населения Республики Беларусь» (далее – Указ от 3 июня 2008 г. № 294) организацией здравоохранения (больничной, амбулаторно-поликлинической организацией, организацией переливания крови) по просьбе гражданина в его паспорт вносится отметка о группе и резус-принадлежности крови [19].

Как известно, паспорт гражданина Республики Беларусь – это документ, удостоверяющий личность гражданина на территории Республики Беларусь и за ее пределами, подтверждающий гражданство и право его владельца на выезд из Республики Беларусь и въезд в Республику Беларусь (п. 3 Указа от 3 июня 2008 г. № 294) [19].

По нашему мнению, такие персональные данные, как группа и резус-принадлежность крови, должны быть отнесены к основным персональным данным и, соответственно, включены в п. 1 ст. 8 Закона о регистре населения. Кроме того, целесообразно было бы в обязательном порядке включить в паспорт гражданина Республики Беларусь отметку по названным позициям. Такие правотворческие действия в определенных ситуациях могут сыграть жизненно важное значение для носителя данной информации. Так, при серьезном дорожно-транспортном происшествии определять группу и резус-принадлежность крови у пострадавшего и у донора нет ни времени, ни возможности, в то время как медицинская помощь должна быть оказана незамедлительно.

Что касается предоставления персональных данных, то согласно п. 1 ст. 23 Закона о регистре населения персональные данные из регистра предоставляются организациям, нотариусам и физическим лицам в порядке и сроки, предусмотренные в соответствии с названным Законом [7].

Предоставление персональных данных (в том числе обезличенных) из регистра организациям и нотариусам осуществляется регистрирующей службой бесплатно, если использование таких персональных данных необходимо для выполнения задач, входящих в определенную законодательством Республики Беларусь компетенцию этих организаций и нотариусов. В иных случаях организациям и нотариусам предоставляются обезличенные персональные данные на платной основе. За предоставление таких данных взимается государственная пошлина в порядке и размерах, установленных законодательными актами Республики Беларусь (п. 1 ст. 24 Закона о регистре населения) [7].

Порядок предоставления персональных данных из регистра физическим лицам закреплен в ст. 26 Закона о регистре населения. Так, персональные данные из регистра предоставляются физическим лицам регистрирующей службой в форме справок (выписок). Физическое лицо имеет право запрашивать и получать справки (выписки) из регистра в двух случаях:

- в отношении своих персональных данных и персональных данных физических лиц, законным представителем которых оно является;
- в отношении персональных данных других физических лиц, законным представителем которых оно не является, с письменного согласия физических лиц (их законных представителей), персональные данные которых запрашиваются [7].

Следует отметить, что «незаконное или произвольное слежение за сообщениями и/или их перехват, а также незаконный или произвольный сбор личных данных, имея крайне интрузивный характер, нарушают право на неприкосновенность личной жизни, могут ограничить право на свободу выражения мнений и могут идти вразрез с основополагающими принципами демократического общества, в частности в случае их массового применения» [20].

В настоящее время достаточно быстрое развитие информационных технологий положительно сказывается на совершенствовании всех сфер жизнедеятельности общества и государства, однако есть и некоторые проблемы. Одна из них – несанкционированное использование персональных данных с помощью программно-технических средств. С такого рода проблемой сталкиваются многие страны мира. В нашем государстве уже предпринимаются шаги для ее решения.

Кроме того, следует отметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 34 Конституции Республики Беларусь

пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести и достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав [3]. Своего рода продолжением данной нормы является ч. 2 ст. 18 Закона от 10 ноября 2008 г., согласно которой сбор, обработка, хранение информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользование ими осуществляются с письменного согласия данного физического лица, если иное не установлено законодательными актами Республики Беларусь [4]. Следует отметить, что проект закона о персональных данных предусматривает, что согласие физического лица на обработку его персональных данных может быть получено не только в письменной, но и в электронной форме [15].

Согласно ст. 32 Закона от 10 ноября 2008 г. меры по защите персональных данных от разглашения должны быть приняты с момента, когда персональные данные были предоставлены физическим лицом, к которому они относятся, другому лицу либо когда предоставление персональных данных осуществляется в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь. Данные меры должны приниматься до уничтожения персональных данных, их обезличивания или получения письменного согласия физического лица, к которому эти данные относятся, на их разглашение. Субъекты информационных отношений, получившие персональные данные в нарушение требований данного Закона и иных законодательных актов Республики Беларусь, не вправе пользоваться ими [4].

Что касается регламентации вопроса защиты персональных данных в комплексном законе, то такого рода документ в настоящее время отсутствует. Однако, как отмечалось ранее, разрабатывается проект закона о персональных данных. Его подготовка направлена в том числе и на определение четких подходов и механизмов защиты персональных данных в Республике Беларусь [15].

Развитие нормативной правовой базы, призванной регулировать вопросы защиты персональных данных, является одним из основных направлений работы по совершенствованию законодательства в сфере информационной безопасности. Это также позволит гармонизировать законодательство Республики Беларусь с законодательством других стран [14].

Таким образом, в современных условиях необходимо во многом обновить процесс принятия решений, связанных с правовым регулированием персональных данных. Требуется теоретическое осмысление новых реалий, детальный анализ и объективная оценка информационных правоотношений, возникающих при учете, обобщении и анализе персональных данных. Это необходимо учесть при разработке и совершенствовании законодательства, регламентирующего вопросы, связанные с персональными данными.

Библиографические ссылки

1. Щербов В. В. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи ООН, 10 дек. 1948 г. // Права человека : сб. междунар.-прав. док. Минск, 1999. С. 1–5.
2. Щербов В. В. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: совершено г. Рим, 4 нояб. 1950 г. // Права человека : сб. междунар.-прав. док. Минск, 1999. С. 761–772.
3. Конституция Респ. Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). Минск, 2007.
4. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. (с изм. и доп., внес. Законом Респ. Беларусь от 11.05.2016 г.) № 455-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь: [сайт]. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455> (дата обращения: 16.03.2017).
5. Василевич Г. А. Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий). Минск, 2001.
6. Васильева Т. А., Карташкин В. А., Колесова Н. С. и др. Права человека. М., 2002.
7. О регистре населения : Закон Респ. Беларусь от 21 июля 2008 г. (с изм. и доп., внес. Законом Респ. Беларусь от 04.01.2015 г.) // Министерство внутренних дел Республики Беларусь : [сайт]. URL: <http://mvd.gov.by/imgmvd/dgim/418.pdf> (дата обращения: 10.03.2017).
8. Защита персональных данных в Беларуси // LAWTREND Центр правовой трансформации: [сайт]. URL: <http://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2015/02/Zashhita-personalnyh-dannyh-v-Belarusi-1.pdf> (дата обращения: 02.02.2017).
9. О переписи населения : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2006 г. 144-3 (с изм. и доп., внес. Законом Респ. Беларусь от 13.06.2016 г.) // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. URL: <http://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya-2009-goda/narmotivno-pravovaya-baza/zakon-respubliki-belarus-ot-13-iyulya-2006-g-144-3-o-perepisi-naseleniya/> (дата обращения: 03.03.2017).
10. О персональных данных : Федер. закон от 27 июля 2006 г. (с изм. и доп., внес. Федер. законом от 03.07.2016 г.) // Консультант Плюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801 (дата обращения: 27.02.2017).
11. О защите персональных данных : Закон Украины от 1 июня 2010 г. (с изм. и доп., внес. Законом Украины от 6 дек. 2016 г.) // Ligazakon : сайт. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T102297.html (дата обращения: 27.02.2017).
12. О защите персональных данных : Закон Респ. Армения, 13 июня 2015 г. // WEB-версия. Законодательство стран СНГ : [сайт]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=78183 (дата обращения: 27.02.2017).
13. О модельном законе «О персональных данных» : Постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 16 окт. 1999 г., № 14–19 // Право. Законодательство Республики Беларусь : [сайт]. URL: <http://pravo.kulichki.com/megd2007/bz02/dem02631.html> (дата обращения: 02.03.2017).
14. Проект Закона о персональных данных будет подготовлен к концу 2017 года // Нормативка.by : [сайт]. URL: <https://normativka.by/news/show/24660/> (дата обращения: 20.02.2017).
15. Юридические аспекты защиты персональных данных // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. URL: http://www.pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2016/november/22112/?sphrase_id=69244 (дата обращения: 21.02.2017).
16. Рекомендация № Res (2010) 13 Комитета министров странам – членам Совета Европы по вопросам защиты частных лиц в связи с автоматизированной обработкой персональных данных в контексте профилирования (утв. Комитетом министров 23 нояб. 2010 г.) // Кафедра кибермира : [сайт]. URL: http://cyberpeace.org.ua/files/iii_6.pdf (дата обращения: 06.03.2017).
17. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О регистре населения» : Закон Респ. Беларусь от 29 нояб. 2013 г. // Министерство внутренних дел Республики Беларусь : [сайт]. URL: <http://mvd.gov.by/imgmvd/dgim/418.pdf> (дата обращения: 06.03.2017).
18. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О регистре населения» : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 21 нояб. 2013 г., № Р-855/2013 // Конституционный суд Республики Беларусь : [сайт]. URL: <http://kc.gov.by/main.aspx?guid=32763> (дата обращения: 19.03.2017).
19. О документировании населения Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 3 июня 2008 г. № 294 (с изм. и доп., внес. Указом Президента Респ. Беларусь от 17.08.2015 г.) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь: [сайт]. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P30800294> (дата обращения: 03.03.2017).
20. Право на неприкосновенность личной жизни в эпоху цифровых технологий : резолюция, принятая Генер. Ассамблеей 18 дек. 2014 г. (по докладу Третьего комитета) // Dag Hamorskjöld : [сайт]. URL: http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/158167/A_RES_69_166-RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y (дата обращения: 20.03.2017).

References

1. Shcherbov V. V. [The Universal Declaration of Human Rights: adopted by the resolution 217 A (III) of United Nations General Assembly on 10 Dec. 1948]. *Prava cheloveka* : sb. mezhhdunarodno-pravov. dok. Minsk, 1999. P. 1–5 (in Russ.).
2. Shcherbov V. V. [The Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: concluded in Rome, 4 Novemb. 1950]. *Prava cheloveka* : sb. mezhhdunarodno-pravov. dok. Minsk, 1999. P. 761–772 (in Russ.).
3. [The Constitution of the Republic of Belarus of 1994 (with amendments and additions adopted 24 Novemb., 1996 and 17 Oct., 2004)]. Minsk, 2007 (in Russ.).
4. Information, Informatization and Protection of Information : Law of the Republic of Belarus, 10 Novemb. 2008 (with amend. and additions, introduced by the Law of the Republic of Belarus on 11.05.2016). URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455> (date of access: 16.03.2017) (in Russ.).
5. Vasilevich G. A. [The Constitution of the Republic of Belarus]. Minsk, 2001 (in Russ.).
6. Vasileva T. A., Kartashkin V. A., Kolesova N. S., et al. [Human Rights]. Moscow, 2002 (in Russ.).

7. On the Population Register : Law of the Republic of Belarus, July 21, 2008 (with amend. and additions, introduced by the Law of the Republic of Belarus on 04.01.2015). URL: <http://mvd.gov.by/imgmvd/dgim/418.pdf> (date of access: 10.03.2017) (in Russ.).

8. Protection of personal data in Belarus. URL: <http://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2015/02/Zashhita-personalnyh-dannyh-v-Belarusi-1.pdf> (date of access: 02.02.2017) (in Russ.).

9. On the Population Census : Law of the Republic of Belarus, July 13, 2006 (with amend. and additions, introduced by the Law of the Republic of Belarus on 13.06.2016). URL: <http://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/narmotivno-pravovaya-baza/zakon-respubliki-belarus-ot-13-iyulya-2006-g-144-3-o-perepisi-naseleniya/> (date of access: 03.03.2017) (in Russ.).

10. On the personal data : Federal Law, July 27, 2006 (with amend. and additions introduced by the Federal law on 03.07.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (date of access: 27.02.2017) (in Russ.).

11. On the protection of personal data : Law of Ukraine, 1 June 2010 (with amend. and additions, introduced by the Law of Ukraine on 6 Dec. 2016). URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T102297.html (date of access: 27.02.2017) (in Russ.).

12. On the protection of personal data : Law of the Republic of Armenia, 13 June 2015. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=78183 (date of access: 27.02.2017) (in Russ.).

13. On the Model Law «On Personal Data» : Resolution of the Interparliamentary Assembly of the Member Nations of the Commonwealth of Independent States, 16 Oct. 1999, № 14–19. URL: <http://pravo.kulichki.com/megd2007/bz02/dem02631.html> (date of access: 02.03.2017) (in Russ.).

14. The draft law on personal data will be prepared by the end of 2017. URL: <https://normativka.by/news/show/24660/> (date of access: 20.02.2017) (in Russ.).

15. Legal aspects of protection of personal data. URL: http://www.pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2016/november/22112/?sphrase_id=69244 (date of access: 21.02.2017) (in Russ.).

16. Recommendation № Rec (2010) 13 of the Committee of Ministers to member states of the Council of Europe on the protection of individuals in connection with the automated processing of personal data in the context of profiling (approved by the Committee of Ministers on 23 Novemb. 2010). URL: http://cyberpeace.org.ua/files/iii_6.pdf (date of access: 06.03.2017) (in Russ.).

17. On introducing amendments and additions to the Law of the Republic of Belarus «On Population Register» : Law of the Republic of Belarus, 29 Novemb. 2013. URL: mvd.gov.by/imgmvd/dgim/418.pdf (date of access: 06.03.2017) (in Russ.).

18. On the compliance of the Constitution of the Republic of Belarus with the Law of the Republic of Belarus «On Amendments and Additions to the Law of the Republic of Belarus» On the Population Register» : decision of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, 21 Novemb. 2013, № P-855/2013. URL: <http://kc.gov.by/main.aspx?guid=32763> (date of access: 19.03.2017) (in Russ.).

19. On documenting the population of the Republic of Belarus : Edict of the President of the Republic of Belarus, 3 June 2008 № 294 (with amend. and additions, introduced by the Edict of the President of the Rep. of Belarus on 17 August 2015). URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P30800294> (date of access: 03.03.2017) (in Russ.).

20. Right to privacy in the digital age : resolution adopted by the General Assembly on 18 Dec. 2014, (on the report of the Third Committee (A / 69/488/Add.2 and Corr.1)) 69/166. URL: http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/158167/A_RES_69_166-RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y (date of access: 20.03.2017) (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 10.03.2017.
Received by editorial board 10.03.2017.*

УЧАСТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

О. В. НАЗАРОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Участие Республики Беларусь в интеграционных объединениях является вызовом для белорусской юридической науки, поскольку ставит перед исследователями ряд новых актуальных вопросов. Исследуются проблемы соотношения наднациональности в рамках Евразийского экономического союза с положениями Конституции Республики Беларусь. Анализируется значение термина «наднациональность», в том числе на примере Европейского союза. Проводится анализ положений Договора о Евразийском экономическом союзе, затрагивающих его компетенцию и институциональную структуру, а также их соотношение с Конституцией Республики Беларусь.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; интеграция; наднациональность; международные организации; суверенитет; конституция.

PARTICIPATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: CONSTITUTIONAL LAW EVALUATION

O. V. NAZAROVA^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Participation of the Republic of Belarus in integration associations is a challenge for the Belarusian legal science, as it poses a wide range of new topical issues for researchers. The article explores the issues of the correlation of supranationality within the Eurasian Economic Union with the provisions of the Constitution of the Republic of Belarus. The author examines the meaning of the term «supra-nationalism», including the example of the European Union. The author made analysis of the provisions of the Treaty on the Eurasian Economic Union related to the competence of the Union and its institutional structure and their relationship with the Constitution of the Republic of Belarus.

Key words: Eurasian Economic Union; integration; supranationality; international organisations; sovereignty; constitution.

Участие Республики Беларусь в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) – знаковое явление для белорусской юридической науки, которое требует осмысления в первую очередь в рамках конституционного права.

Как и любое объединение, предусматривающее углубленную интеграцию, ЕАЭС имеет признаки наднациональности, закрепленные через систему органов, их компетенцию и юридическую силу издаваемых правовых актов.

Образец цитирования:

Назарова О. В. Участие Республики Беларусь в Евразийском экономическом союзе: конституционно-правовая оценка // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 24–27.

For citation:

Nazarova O. V. Participation of the Republic of Belarus in the Eurasian Economic Union: constitutional law evaluation. *J. Belarus. State Univ. Law.* 2017. No. 2. P. 24–27 (in Russ.).

Автор:

Ольга Валерьевна Назарова – аспирантка кафедры конституционного права юридического факультета. Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Г. А. Василевич.

Author:

Olga Nazarova, postgraduate student at the department of constitutional law, faculty of law.
uk.nazarova@gmail.com

Обладая признаками наднациональности, функционирование такого рода международной организации порождает у экспертов и общества вопросы относительно соотношения норм Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) с национальным законодательством. Прежде всего это вопрос его соответствия конституции государств-членов.

В процессе подготовки проекта Договора в прессе нередко высказывалось мнение о том, что «обязательный характер решений ЕЭК (Евразийской экономической комиссии. – О. Н.) не вяжется с белорусским законодательством, которое должно строго строиться на Конституции, а не на актах комиссии, о которой ничего не сказано в Основном законе Беларуси» [1].

Безусловно, обязательства в соответствии со ст. 35¹, 114² Договора, п. 86 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции,³ который является приложением № 19 к Договору [2], могут рассматриваться как ограничивающие правоспособность Республики Беларусь.

Без системного анализа указанных норм, их значения и соотнесения с Конституцией Республики Беларусь можно прийти к выводам, которые поставят под сомнение правовую способность государства участвовать в любых интеграционных структурах.

Основными задачами настоящей статьи можно назвать поиск ответов на вопросы: противоречит ли Договор о Евразийском экономическом союзе Конституции Республики Беларусь и угрожает ли наднациональность государственному суверенитету?

В первую очередь следует разобраться с категорией «наднациональность». Она получила широкое распространение вместе с процессами глобализации, регионализации и формирования интеграционных объединений. Как отмечает О. М. Мещерякова, «наднациональность в деятельности интеграционного сообщества – это определенный в учредительных договорах объем полномочий институтов интеграционного сообщества принимать решения, имеющие обязательный характер для государств-членов, согласно процедуре, установленной в учредительных договорах» [3].

Такое положение вещей нередко критикуется как противоречащее суверенитету национальной власти, ее верховенству и независимости. При этом наднациональность получает весьма широкое распространение как на универсальном, так и на региональном уровне.

Так, например, члены ООН, принимая Устав Организации, согласились подчиняться решениям Совета Безопасности ООН, состоящего из 15 чле-

нов, и выполнять их [4]. Другие универсальные международные организации, такие как Всемирная торговая организация, Международный банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд, используют некоторые элементы наднациональности, к которым Т. Н. Нешатаева относит непропорциональные взносы, взвешенное голосование, квотирование ставок международной бюрократии и т. д. [5]. Однако эти структуры остаются специализированными международными межправительственными организациями в их классическом понимании.

Широкое распространение наднациональность получила в рамках Европейского союза, где такими полномочиями обладают Европейская комиссия, Европейский парламент и Суд Европейского союза. В то же время ни политики, ни исследователи феномена наднациональности в рамках ЕС не считают его наличие чем-то проблемным.

По мнению Э. Беста, наднациональность не является чем-то из разряда «черное и белое» или «все или ничего» [6]. Именно в Европе была сформулирована доктрина «совместной реализации суверенитета», которая сводится к следующему: «Суверенитет продолжает оставаться за народом и осуществляется в первую очередь через государственные институты. Осуществление суверенных полномочий может распространяться горизонтально, среди центральных институтов государства <...> однако нет никаких концептуальных препятствий к его вертикальному распространению» [6].

При таком понимании суверенитета европейские сообщества рассматривались в качестве способа для государств-членов осуществлять свой суверенитет не через автономное, а через совместное принятие решений.

Анализ функций, полномочий и системы принятия решений в рамках органов ЕАЭС позволяет утверждать, что концепция «совместной реализации суверенитета» в полной мере применима и к случаю евразийской интеграции.

Как следует из Договора, органами ЕАЭС являются Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), состоящая из коллегии и совета, Евразийский межправительственный совет, Высший Евразийский экономический совет и Суд ЕАЭС.

При этом наднациональный орган (коллегия ЕЭК), который состоит из международных служащих, находится в самом низу иерархической пирамиды.

Совет ЕЭК, состоящий из заместителей глав правительств государств-членов, находится выше. При этом именно он осуществляет по ходатайству государства-члена рассмотрение вопроса об отмене

¹ Установление торговых режимов с третьими странами исключительно на основании международного договора Союза с третьей стороной.

² Запрет на заключение международных договоров, которые противоречат целям и принципам учредительного договора.

³ Право Комиссии отменять государственное ценовое регулирование.

решений коллегии, не вступивших в силу (п. 13 Положения о ЕЭК) [2].

Из полномочий Евразийского межправительственного совета и Высшего экономического совета следует, что в дальнейшем эти органы рассматривают те решения, по которым совет ЕЭК и Евразийский межправительственный совет не смогли достигнуть консенсуса.

Состав вышестоящих по отношению к коллегии ЕЭК органов ЕАЭС также свидетельствует о представленности в них должностных лиц государств-членов, которые принимают согласованные решения, т. е. в принятии обязательных для Беларуси решений участвуют представители белорусских органов государственной власти.

Беларусь в соответствии с положениями Статута Суда ЕАЭС вправе обжаловать действия ЕЭК. И если суд устанавливает факт нарушения органом ЕАЭС права ЕАЭС, комиссия в срок, не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения суда (если не установлен иной срок), обязана привести свои акты в соответствие с правом ЕАЭС.

Кроме того, государства-члены вправе выйти из Евразийского экономического союза без ограничений, чему, как следует из ст. 118 Договора, не препятствует даже неурегулированность финансовых обязательств, связанных с участием в ЕАЭС.

Фактически для ЕАЭС наднациональность возникает из сочетания свободного волеизъявления его государств-членов на передачу ряда функций и полномочий совместным институтам и объективной необходимости такой передачи в целях интеграции экономической жизни в рамках региона.

Учитывая объем компетенции ЕЭК, можно сделать вывод о том, что наднациональность в рамках ЕАЭС носит функциональный характер и не охватывает всех сфер деятельности государств-членов. Более того, сфера полномочий коллегии ЕЭК в основном ограничена техническим регулированием, которое в публично-правовом понимании не имеет ничего общего с наднациональностью в рамках ЕС.

В ст. 7 Конституции Республики Беларусь устанавливается принцип верховенства права, который означает, что государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства, а Конституция обладает высшей юридической силой на территории Беларуси. Все законы, декреты, указы и иные акты государственных органов должны соответствовать Конституции. Согласно ст. 1 Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории [7]. При этом согласно ч. 2 ст. 8 Республика Беларусь, в соответствии с нормами международного права может на добровольной основе входить в межгосударственные образования и выходить из них. Таким образом, участие Республики Бела-

русь в межгосударственных образованиях легально и в полной мере соответствует Конституции. Там же содержится норма о приоритете общепризнанных принципов международного права, среди которых важное место занимает добросовестное исполнение взятых обязательств. Как отмечает Г. А. Василевич, «Основной Закон Беларуси предполагает приоритет общепризнанных принципов над национальным законодательством, куда относится и национальная Конституция. Поэтому уяснение смысла конституционных норм, толкование Конституции, нормотворческая и правоприменительная деятельность должны осуществляться с учетом требований общепризнанных принципов международного права» [8, с. 34].

Другой важный принцип суверенного равенства государств раскрывается через Декларацию о принципах международного права. Она касается дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН и содержит следующие элементы: юридическое равенство государств; возможность государств пользоваться правами, присущими полному суверенитету; обязанность каждого государства уважать правосубъектность других государств; неприкосновенность территориальной целостности и политической независимости государства; право каждого государства свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы; обязанность каждого государства полностью и добросовестно выполнять свои международные обязательства и жить в мире с другими государствами [9].

Если соотнести эти признаки с нормами Договора о ЕАЭС, институциональной структурой органов ЕАЭС, членским составом его органов, механизмами принятия и обжалования решений, то можно отметить, что противоречие между участием Республики Беларусь в Евразийском экономическом союзе, общими принципами международного права и государственным суверенитетом фактически отсутствует.

Республика Беларусь добровольно согласилась на регулирование определенных сфер на союзном уровне, имея легитимные возможности для влияния на принятие решений в рамках ЕАЭС.

Инструментарий разрешения споров также свидетельствует в пользу наличия у Республики Беларусь инструментов для защиты своих интересов, вплоть до выхода из состава ЕАЭС.

По нашему мнению, наднациональность в рамках Евразийского экономического союза не влечет угроз для суверенитета, независимости и территориальной целостности государств-членов. Участие нашей страны в ЕАЭС в полной мере соответствует нормам Конституции Республики Беларусь и общепризнанным принципам международного права.

Библиографические ссылки

1. Заяц Д. Евразийский договор: соответствует ли он белорусской Конституции? // naviny.by : [сайт]. URL: http://naviny.by/rubrics/economic/2014/05/26/ic_articles_113_185613/ (дата обращения: 10.03.2017).
2. Договор о Евразийском экономическом союзе: в ред. Договора от 10.10.2014 г. Минск, 2017.
3. Мещерякова О. М. Соотношение наднациональности и суверенитета государств – членов международной организации // Правовая инициатива : [сайт]. URL: <http://внпж.пф/ru/2013/5/1> (дата обращения: 10.03.2017).
4. Устав Организации Объединенных Наций // Международный суд : [сайт]. URL: <http://www.icj-cij.org/homepage/ru/unchart.php> (дата обращения: 15.03.2017).
5. Нешатаева Т. Н. К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм // Федеральные арбитражные суды Российской Федерации : [сайт]. URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/8D1C5E278F0E7096D54A26A4FEDB1342_106-107.pdf (дата обращения: 10.03.2017).
6. Best E. Supranational Institutions and Regional Integration // Scribd : [site]. URL: <https://ru.scribd.com/document/253799593/best-supranational-institutions-and-regional-integration-pdf> (date of access: 12.03.2017).
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). Минск, 2005.
8. Василевич Г. А. Статус общепризнанных принципов международного права и международных договоров Республики Беларусь в национальной правовой системе // Pravo.by. 2014. № 6. С. 31–40.
9. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, 24 окт. 1970 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 12.03.2017).

References

1. Zayac D. [Eurasian treaty: if it is in conformity with the Constitution of Belarus?]. URL: http://naviny.by/rubrics/economic/2014/05/26/ic_articles_113_185613/ (date of access: 10.03.2017) (in Russ.).
2. Treaty on the Eurasian Economic Union: as amended by Treaty of 10.10.2014. Minsk, 2017 (in Russ.).
3. Mesheryakova O. M. [Problem of supranational and sovereignty of members states of international organizations]. URL: <http://внпж.пф/ru/2013/5/1> (date of access: 10.03.2017) (in Russ.).
4. The Charter of the United Nations of 1945. URL: <http://www.icj-cij.org/homepage/ru/unchart.php> (date of access: 15.03.2017) (in Russ.).
5. Neshataeva T. N. [On creation of the Eurasian Union: integration and supranationalism]. URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/8D1C5E278F0E7096D54A26A4FEDB1342_106-107.pdf (date of access: 10.03.2017) (in Russ.).
6. Best E. Supranational Institutions and Regional Integration. URL: <https://ru.scribd.com/document/253799593/best-supranational-institutions-and-regional-integration-pdf> (date of access: 12.03.2017).
7. The Constitution of the Republic of Belarus of 1994 (with amendments and additions adopted at the republican referendums on November 24, 1996 and October 17, 2004). Minsk, 2005 (in Russ.).
8. Vasilevich G. A. Status of recognized principles of international law and the international treaties of the Republic of Belarus in the national legal system. *Pravo.by*. 2014. No. 6. P. 31–40 (in Russ.).
9. Declaration on the Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations, 24 Oct. 1970. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (date of access: 12.03.2017) (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 27.03.2017.
Received by editorial board 27.03.2017.

УДК 351/354Т35

ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ЗНАЧЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

О. Д. ТЕРЕНИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются понятие, принципы, значение и содержание местного самоуправления в Республике Беларусь и Республике Казахстан. На основе научных трудов в этой области знаний обосновывается актуальность местного самоуправления на современном этапе. Рассматривается правовая основа местного самоуправления в указанных государствах, выясняется соответствие положений законодательства содержанию Европейской хартии местного самоуправления. Анализируя и сравнивая принципы местного самоуправления в белорусском и казахском праве, автор предлагает внести некоторые дополнения в законодательство в этой области.

Ключевые слова: государственное устройство; местное управление; местное самоуправление; принципы местного самоуправления.

THE CONCEPT AND PRINCIPLES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: THE VALUE OF THE CONTENT, THE COMPARATIVE ANALYSIS

O. D. TERENIK^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

In this paper the author investigated the concept and principles of local self-government in the Republic of Belarus and Kazakhstan: the value of the content, the comparative analysis. Based on analysts scientific papers in this field, the author proves the relevance of local government at the present stage. The paper deals with the legal framework of local government in the Republic of Belarus and Kazakhstan, a comparison of the relevant legislation is the content of the European Charter of Local Self-Government. By analyzing and comparing the principles of local self-government in the legislation of the Republic of Belarus and Kazakhstan, the author makes some suggestions of making amendments to the legislation in the States concerned in the field of local self-government.

Key words: state structure; local government; local self-government; principles of local self-government.

В построении гражданского общества и демократического государства важную роль играет эффективное местное самоуправление. Поэтому вопросы правового регулирования местного само-

управления и его практической реализации были и остаются актуальными.

Несмотря на безусловно высокую значимость института местного самоуправления, вопросам

Образец цитирования:

Тереник О. Д. Понятие и принципы местного самоуправления в Республике Беларусь и Республике Казахстан: значение, содержание, сравнительный анализ // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 28–34.

For citation:

Terenik O. D. The concept and principles of local self-government in the Republic of Belarus and Republic of Kazakhstan: the value of the content, the comparative analysis. *J. Belarus. State Univ. Law.* 2017. No. 2. P. 28–34 (in Russ.).

Автор:

Ольга Дмитриевна Тереник – соискатель кафедры конституционного права юридического факультета. Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Г. А. Василевич.

Author:

Olga Terenik, doctoral candidate at the department of constitutional law, faculty of law.
terenik71@mail.ru

конституционно-правовых основ и принципам его функционирования посвящено неоправданно мало научных работ как в Беларуси, так и в Казахстане.

Исследованием местного самоуправления занимались такие белорусские ученые, как А. В. Карамышев, А. П. Мельников, В. В. Шинкарев, В. К. Сидорчук и др. В их трудах отражены общетеоретические подходы к местному самоуправлению, его организация и реформирование, а также концептуальные разработки в этой области.

Среди казахских ученых следует отметить К. Е. Агleshова [1] и Т. К. Абдижаппарова [2]. В своих работах они рассматривали принципы местного самоуправления, которые представляют собой основной общетеоретический вопрос. Однако сравнительного анализа понятия и основ местного самоуправления в Беларуси и Казахстане проведено не было, что и послужило поводом для написания настоящей работы.

С учетом того, что местное самоуправление – многоаспектное явление, охарактеризовать его можно с двух позиций. С одной стороны, местное самоуправление – элемент конституционного строя, с другой – право населения определенной территории на управление, т. е. форма народо-властия.

Исходя из положений Европейской хартии местного самоуправления, местное самоуправление, как элемент и принцип конституционного строя, должно быть закреплено в конституции государства и специальном законодательстве, выступая одним из условий демократизации и децентрализации государственной власти [3].

В ст. 3 Конституции Республики Беларусь указано: «Единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией» [4, с. 4].

Граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей. Непосредственное участие граждан в управлении делами общества и государства обеспечивается проведением референдумов, обсуждением проектов законов и вопросов республиканского и местного значения, другими способами, определенными законом. В порядке, установленном законодательством, граждане Республики Беларусь принимают участие в обсуждении вопросов государственной и общественной жизни на республиканских и местных собраниях.

В свою очередь, в ст. 3 Конституции Республики Казахстан содержится указание на то, что народ является единственным источником государственной власти. Народ осуществляет власть непосред-

ственно через республиканский референдум и свободные выборы, а также делегирует осуществление своей власти государственным органам. В ст. 89 закреплено право на местное самоуправление, обеспечивающее самостоятельное решение населением вопросов местного значения. Местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и через маслихаты и другие органы в местных сообществах, охватывающих территории, на которых компактно проживают группы населения. Органам местного самоуправления в соответствии с законом может делегироваться осуществление государственных функций. Организация и деятельность местного самоуправления в Казахстане регулируются законом. Самостоятельность органов местного самоуправления гарантируется в пределах их полномочий, установленных законодательством [5]. Из этого следует, что власть народа распространена как на государственном, так и на местном уровне. Государственные институты власти и власть народа фактически существуют параллельно.

Названные положения белорусского и казахского законодательства свидетельствуют о взаимосвязи государственного и общественного начал в осуществлении местного самоуправления. В Конституции Республики Беларусь это обстоятельство более конкретизировано. В частности, указано на проведение республиканских и местных референдумов, обсуждение проектов законов различных уровней, участие в республиканских и местных собраниях. В свою очередь, в Конституции Республики Казахстан сделан акцент на участии населения в местном государственном управлении, т. е. в республиканских референдумах, свободных выборах, а также в делегировании полномочий государственным органам. Но при этом не закреплено проведение местных референдумов как одной из важных форм непосредственной демократии.

Конституция Республики Беларусь гласит: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией» (ст. 3), тогда как в Конституции Республики Казахстан указано: «Местное самоуправление осуществляется населением непосредственно, а также через маслихаты и другие органы местного самоуправления в местных сообществах, охватывающих территории, на которых компактно проживают группы населения» (ст. 89). В Основном Законе Республики Беларусь отсутствует формулировка «местное сообщество». Несмотря на то что территориальное местное сообщество граждан – это первичный элемент местного самоуправления, без закрепления в законодательстве данного термина невозможно четкое структурирование граждан в территориальные

местные сообщества. На наш взгляд, этот вопрос требует урегулирования.

На основании проведенного анализа конституционных положений Республики Беларусь и Республики Казахстан можно сделать вывод о том, что казахское законодательство о местном самоуправлении соответствует содержанию Европейской хартии местного самоуправления и современным реалиям в большей степени, чем белорусское.

Концепция Республики Казахстан признает возможность населения самостоятельно принимать решения, что закреплено в ст. 83 и является положительным, по нашему мнению, моментом.

Чтобы лучше понять содержание местного самоуправления, необходимо рассмотреть принципы, на которых оно строится, поскольку именно в них отражены правовая, организационная и экономическая основы местного самоуправления. Последние обусловлены объективными закономерностями и тенденциями развития местной власти. Таким образом, принципы местного самоуправления:

- определяют построение и функционирование муниципальной власти;
- позволяют выявить структуру местного самоуправления, его отличительные черты и признаки;
- выступают в качестве критерия оценки действующей системы местного самоуправления (устанавливают, насколько она отвечает началам и идеям, выраженным в принципах местного самоуправления);
- отражают сущностные признаки и черты местного самоуправления, способствуют сохранению преемственности в развитии институтов местного самоуправления.

Принципы местного самоуправления закреплены в Европейской хартии о местном самоуправлении, которая служит правовым фундаментом для муниципального законодательства стран – членов Совета Европы [6, с. 49].

Реализация принципов местного самоуправления обеспечивается не только их закреплением в законодательстве, но и системой соответствующих организационных форм и методов работы местных органов самоуправления.

Конституционные положения детализированы в специальных законах: «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» и «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан».

В ст. 3 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» представлены 12 принципов:

- 1) законность;
- 2) социальная справедливость;
- 3) защита прав и законных интересов граждан;
- 4) сочетание общегосударственных и местных интересов, участие органов местного управления

и самоуправления в решении вопросов, затрагивающих права и законные интересы граждан;

- 5) единство и целостность системы местного управления и самоуправления;
- 6) взаимодействие органов местного управления и самоуправления;
- 7) разграничение компетенции органов местного управления и самоуправления;
- 8) выборность органов местного самоуправления, их подотчетность гражданам;
- 9) гласность и учет общественного мнения, постоянное информирование граждан о решениях по важнейшим вопросам местного значения;
- 10) ответственность органов местного управления и самоуправления за законность и обоснованность принимаемых решений;

11) обязательность исполнения на соответствующей территории решений местных Советов, исполнительных и распорядительных органов, принятых в пределах их компетенции;

12) самостоятельность и независимость органов местного самоуправления (в пределах своей компетенции) в решении вопросов местного значения; недопущение ограничения полномочий органов местного управления и самоуправления, за исключением случаев, предусмотренных соответствующим законодательством [7].

В Законе «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» [8] принципы местного самоуправления прямо не закреплены, что, на наш взгляд, является недостатком. В Концепции развития местного самоуправления в Республике Казахстан, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 28 ноября 2012 г. № 438, содержится указание на то, какими *должны стать* основные принципы местного самоуправления. Среди них:

- 1) самостоятельное решение населением вопросов местного значения;
- 2) равенство прав и учет законных интересов всех жителей местного населения;
- 3) гласность и учет мнения населения при решении вопросов, непосредственно затрагивающих интересы населения соответствующих территорий;
- 4) комплексность и этапность развития системы местного самоуправления;
- 5) системная поддержка местного самоуправления со стороны государства;
- 6) открытость деятельности органов местного самоуправления, их подконтрольность и подотчетность населению [9].

Поскольку эти принципы носят рекомендательный характер, необходимо обратиться к теории конституционного и административного права Республики Казахстан.

На основании анализа положений о сущности принципов местного самоуправления в Республике

Казахстан можно выделить семь принципов местного самоуправления:

- 1) самостоятельность решения населением вопросов местного значения;
- 2) организационное обособление местного самоуправления и его органов в системе управления государством и взаимодействие с органами государственной власти в осуществлении общих задач и функций;
- 3) соответствие материальных и финансовых ресурсов местного самоуправления его полномочиям;
- 4) ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением;
- 5) соблюдение прав и свобод человека и гражданина;
- 6) законность в организации деятельности местного самоуправления;
- 7) гласность деятельности местного самоуправления.

Принцип *самостоятельности решения населением вопросов местного значения* [1, с. 9] закреплён в Конституции Республики Казахстан. В Беларуси принцип самостоятельности местного самоуправления не является конституциональным, а указан в Законе «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь».

Среди основных положений, характеризующих его содержание, выделим следующие:

- самостоятельное решение населением вопросов местного значения осуществляется путем местного референдума и других форм прямого волеизъявления, а также через выборные и другие органы местного самоуправления. В Беларуси законодательно закреплена возможность проведения местного референдума, а в Казахстане – только республиканского референдума. Для реализации этого принципа в полной мере целесообразно, по нашему мнению, в Законе «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» закрепить по примеру Беларуси и некоторых европейских стран (Венгрия, Чехия и др.) следующие формы прямого волеизъявления граждан: местный референдум, местная общественная инициатива (для вынесения населением вопросов местного значения на рассмотрение органа местного самоуправления в пределах его компетенции);
- обеспечение финансово-экономической самостоятельности органов местного самоуправления;
- обязательность исполнения предприятиями, учреждениями и организациями решений, принятых путем прямого волеизъявления граждан, а также решений органов и должностных лиц органов местного самоуправления. Неисполнение или ненадлежащее исполнение данных решений влечёт ответственность в соответствии с законом [2, с. 13].

Принцип *организационного обособления местного самоуправления и его органов в системе управления государством и взаимодействия с органами государственной власти* призван прежде всего обеспечить возможность местным органам самоуправления, не нарушая законодательства, самим определять свои внутренние административные структуры с тем, чтобы они отвечали местным потребностям и обеспечивали эффективное управление. Структура органов местного самоуправления в Республике Казахстан определяется населением самостоятельно.

В Республике Беларусь местное самоуправление осуществляется через местные Советы депутатов и органы территориального общественного самоуправления, т. е. местное самоуправление в лице местных Советов депутатов организационно не обособлено, следовательно, входит в систему органов государственной власти. В Беларуси законодательно закреплено единство системы местного управления и самоуправления, а также их взаимодействие.

На основе рассматриваемого принципа строятся взаимоотношения органов и должностных лиц органов местного самоуправления с государственными органами и государственными должностными лицами. В Республике Казахстан в этом отношении законодательно закреплены следующие принципы:

- не допускается образование органов местного самоуправления, назначение должностных лиц местного самоуправления органами государственной власти и государственными должностными лицами;
- не допускается осуществление местного самоуправления органами государственной власти и государственными должностными лицами;
- должностные лица органов местного самоуправления не относятся к категории государственных служащих;
- решения органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления могут быть отменены органами и должностными лицами, их принявшими, либо признаны недействительными по решению суда [9].

Законодательство Республики Казахстан не только обеспечивает защиту местного самоуправления от незаконного вмешательства государственных органов в деятельность органов местного самоуправления, но и устанавливает основы их тесного взаимодействия. Закрепление данного принципа необходимо для эффективного функционирования местного самоуправления. На наш взгляд, белорусское законодательство в данном аспекте требует соответствующего дополнения.

Принцип *соответствия материальных и финансовых ресурсов местного самоуправления его*

полномочиям [1, с. 9] обеспечивает самостоятельность, реальность и эффективность местного самоуправления [5].

Финансовые средства органов местного самоуправления должны быть соразмерны полномочиям, предоставленным законом. Этот важнейший принцип местного самоуправления получил правовое закрепление в Конституции Республики Казахстан (в законодательстве о местном самоуправлении). В перечне принципов местного самоуправления в Республике Беларусь он не указан. Сложно реализовать на практике принцип самостоятельности и независимости органов местного самоуправления в пределах своей компетенции без обеспечения соответствия материальных и финансовых ресурсов муниципального образования его полномочиям.

Представляется целесообразным включить данное положение в законодательство Беларуси. Кроме того, на наш взгляд, белорусское и казахское законодательство о местном самоуправлении следует дополнить положениями:

1) о разделении доходных источников на государственные, региональные и местные;

2) закреплении доходных источников на долговременной основе;

3) стимулировании инициативы территориальных органов местного самоуправления в поиске новых доходных источников.

Принцип *ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением* урегулирован на должном уровне как в Беларуси, так и в Казахстане. Население решает вопросы местного значения непосредственно или через органы местного самоуправления. Органы местного самоуправления, в свою очередь, обладают собственной компетенцией в решении вопросов местного значения.

Данный принцип призван обеспечить:

- эффективность осуществления местных задач, отнесенных к ведению местных органов самоуправления;

- учет и защиту интересов населения в деятельности органов местного самоуправления;

- тесную связь населения с органами и должностными лицами местного самоуправления [2, с. 14].

Реализация данного принципа предполагает использование населением различных форм контроля за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления. Деятельность органов самоуправления должна отвечать интересам населения, соответствовать его историческим и иным традициям.

В Республике Казахстан население вправе выразить свое отношение к выборным органам местного самоуправления и выборным должностным лицам, а также использовать другие формы прямого

волеизъявления, например отзыв выборного должностного лица [10, с. 111].

Принцип *соблюдения прав и свобод человека и гражданина* признан Конституцией Республики Беларусь и Конституцией Республики Казахстан высшей ценностью. Установлено, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл и содержание деятельности не только органов государственной власти, но и местного самоуправления.

Принцип соблюдения прав и свобод человека обеспечивается путем решения вопросов обеспечения жизнедеятельности населения. Они охватывают образование, здравоохранение, жилищно-коммунальную и другие сферы. Эффективно осуществляя свои функции, органы местного самоуправления обеспечивают важнейшие социально-экономические права и свободы граждан [6, с. 59]. Спорным моментом является право иностранных граждан, проживающих на определенной территории, на местное самоуправление. В законодательстве Беларуси указано: «защита прав и законных интересов граждан», в Концепции развития местного самоуправления в Республике Казахстан другая формулировка: «равенство прав и учет законных интересов всех жителей населенного пункта». Ими могут выступать и иностранные граждане, проживающие на определенной территории. Однако в соответствии с законодательством о выборах иностранцы не имеют избирательных прав. Налицо – несоответствие. Нам представляется возможным урегулировать право иностранных граждан, проживающих в течение определенного периода времени на территории местного сообщества, на участие в органах общественного территориального самоуправления. Это будет отвечать демократическим принципам соблюдения прав и свобод человека.

Принцип *законности в организации деятельности местного самоуправления* заключается в том, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать конституцию страны и ее законы. Законность выступает важнейшей гарантией местного самоуправления. Например, Конституция Республики Казахстан устанавливает запрет на ограничение прав местного самоуправления, гарантированных Конституцией Республики Казахстан и казахскими законами.

Принцип законности требует, чтобы деятельность местного самоуправления осуществлялась на основе и в рамках закона. В Беларуси реализуется принцип ответственности органов местного самоуправления и самоуправления за законность и обоснованность принимаемых решений. Государство, признавая и гарантируя местное самоуправление, обеспечивает соблюдение законности. Деятельность

местного самоуправления контролируется государством.

Европейская хартия о местном самоуправлении устанавливает основные критерии, предъявляемые к государственному контролю за деятельностью органов местного самоуправления (ст. 8):

- любой административный контроль над органами местного самоуправления может осуществляться только в формах и случаях, предусмотренных конституцией или законом;
- любой административный контроль за деятельностью органов местного самоуправления, как правило, должен быть предназначен лишь для обеспечения соблюдения законности конституционных принципов [3].

Принцип *гласности деятельности местного самоуправления* означает открытый характер деятельности органов местного самоуправления и систематическое информирование о ней населения.

Законом установлена обязанность органов местного самоуправления обеспечивать граждан полной и достоверной информацией о своей деятельности. Эта обязанность предполагает использование традиционных организационно-массовых форм работы с избирателями [1, с. 11].

Большую роль в обеспечении гласности призваны играть средства массовой информации. В целях обеспечения конституционного права граждан на получение своевременной и объективной информации, а также стимулирования активного участия граждан в местном самоуправлении осуществляется экономическая поддержка районных газет. В Республике Казахстан наиболее важные проекты решений по вопросам местного значения могут быть опубликованы в целях обсуждения их населением. Этот принцип закреплен в ст. 3 Конституции Республики Беларусь.

Значение данного принципа велико, поскольку проинформированный гражданин имеет возможность обратиться в органы местного самоуправления с предложениями или жалобами.

Можно сделать вывод о том, что в целом принципы организации местного самоуправления достаточно определенно сформулированы в конституциях Беларуси и Казахстана, законодательстве сравниваемых стран и Европейской хартии местного самоуправления. Исследование конституционных положений обеих стран показало законодательно закрепленную взаимосвязь государственного и общественного начал местного самоуправления. На наш взгляд, это обстоятельство наиболее конкретизировано в Конституции Республики Беларусь. В результате сравнительно-

го анализа понятий и принципов местного самоуправления в указанных государствах считаем целесообразным высказать некоторые предложения.

Так, в Законе «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» отсутствуют нормы о принципах местного самоуправления. Данный закон необходимо дополнить нормой, содержащей перечень принципов местного самоуправления, определив также их основное содержание.

В законодательстве Республики Казахстан не урегулировано проведение местного референдума как формы народовластия. Необходимо, по нашему мнению, внести в Закон «О республиканском референдуме в Республике Казахстан» положение относительно проведения местных референдумов и, следовательно, изменить формулировку названия данного закона следующим образом: «О проведении референдумов в Республике Казахстан».

В Республике Беларусь принцип самостоятельности решения населением вопросов местного значения не является конституциональным. Он указан в Законе «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь». Следует отметить, что в белорусском законодательстве принцип самостоятельности органов местного самоуправления изложен более полно, в частности раскрыто его содержание. Поскольку он является одним из основных, казахскому законодателю рекомендуется последовать этому примеру.

В Республике Беларусь законодательно не закреплён принцип организационного обособления местного самоуправления, его органов в системе управления государством и взаимодействия с органами государственной власти в осуществлении общих задач и функций. Таким образом, местное самоуправление организационно не обособлено, а следовательно, входит в систему органов государственной власти. По нашему мнению, в этом аспекте положения казахского законодательства более демократичны. Для эффективного функционирования местного самоуправления в Беларуси данный принцип необходимо закрепить в законе.

На наш взгляд, следует дополнить белорусское и казахское законодательство о местном самоуправлении положениями:

- о разделении доходных источников на государственные, региональные и местные;
- закреплении доходных источников на долговременной основе;
- стимулировании инициативы территориальных органов местного самоуправления в поиске новых доходных источников.

Библиографические ссылки

1. Агleshов К. Е. Децентрализация государственного управления и перспективы развития местного самоуправления в Республике Казахстан : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Алматы, 2004.
2. Абдижаппаров Т. К. Формирование эффективной системы органов местного управления в Республике Казахстан : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Алматы, 2007.

3. Европейская хартия местного самоуправления: Страсбург, 15 окт. 1985 г. [Электронный ресурс] // Развитие. URL: <http://evolutio.info/content/view/245/38/> (дата обращения: 04.07.2016).
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). Минск, 2012.
5. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 21.12.2016).
6. Кубаев К. Е. Эффективное государственное управление. 2-е изд. Алматы, 2013.
7. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2010 г. № 108-З : с изм. и доп. : текст по состоянию на 4 янв. 2016 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?gu;ld=38718pO=H11000108> (дата обращения: 05.07.2016).
8. О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан от 23 янв. 2001 г. № 148 : с изм. и доп. : текст по состоянию на 8 янв. 2016 г. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148.htm> (дата обращения: 14.07.2016).
9. Об утверждении Концепции развития местного самоуправления в Республике Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <http://egov.kz/cms/ru/law/list/U1200000438> (дата обращения: 10.11.2016).
10. Казбек Б. Е. Организация государственного управления: централизация-децентрализация. Астана, 2010.

References

1. Agleshov K. E. [Decentralization of public administration and prospects for the development of local-self government in the Republic of Kazakhstan] : avtoreferat dissertatsii ... kandidata ekonomicheskikh nauk : 08.00.05. Almaty, 2007 (in Russ.).
2. Abdizhapparov T. K. [Formation of an effective system of local government in the Republic of Kazakhstan]: avtoreferat dissertatsii ... kandidata ekonomicheskikh nauk : 08.00.05. Almaty, 2007 (in Russ.).
3. European Charter of local-self government: Strasbourg, 15 Oct., 1985. URL: <http://evolutio.info/content/view/245/38/> (date of access: 04.07.2016) (in Russ.).
4. Constitution of the Republic of Belarus 1994 year (with amendments and additions adopted by the republican referendums on November 24, 1996 and Oct. 17, 2004). Minsk, 2005 (in Russ.).
5. Constitution of the Republic of Kazakhstan. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (date of access: 21.12.2016) (in Russ.).
6. Kubayev K. E. [Effective state government]: monogr. 2nd ed. Almaty, 2013.
7. On local government and self-government in the Republic of Belarus : Law of the Belarus Republic on 4 January, 2010. No 108-3: with amendments and additions on January 4, 2016. URL: <http://www.pravo.by/document/?gu;ld=38718pO=H11000108> (date of access: 06.07.2016) (in Russ.).
8. On local government and self-government in the Republic of Kazakhstan : Law of the Republic of Kazakhstan on 23 January, 2001. No 148: with amendments and additions on January 8, 2016. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148/_z010148.htm (date of access: 14.07.2016) (in Russ.).
9. On the approval of the concept of the development of local-self government in the Republic of Kazakhstan. URL: <http://egov.kz/cms/ru/law/list/U1200000438> (date of access: 10.11.2016) (in Russ.).
10. Kazbek B. E. [Organization of state's government: centralization-decentralization]. Astana, 2010 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 10.08.2016.
Received by editorial board 10.08.2016.*

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

LABOUR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

УДК 349.2

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА

Т. А. ПОСТОВАЛОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается роль Международной организации труда в разработке международных стандартов по социальному обеспечению. Особое внимание уделено анализу Конвенции Международной организации труда № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» (1952). Анализируется подход Международной организации труда к проблеме контроля и надзора за соблюдением стандартов по социальному обеспечению. Указано, что организация применяет систему конвенций, в которых закреплены минимальные стандарты. Такая система имеет важное ограничение действия, так как только государства-члены, которые ратифицировали соответствующую конвенцию, обязаны выполнять ее. Анализируются проблемы отсутствия заинтересованности государств в ратификации конвенций Международной организации труда по социальному обеспечению, а также другие сложности при разработке и принятии соглашений в данной сфере.

Ключевые слова: международное право социального обеспечения; Международная организация труда; конвенция; разработка стандартов по социальному обеспечению.

Образец цитирования:

Постовалова Т. А. Международное право социального обеспечения: история становления и роль Международной организации труда // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 35–41.

For citation:

Postovalova T. A. International social security law: the history of the formation and role of the International Labour Organization. *J. Belarus. State Univ. Law*. 2017. No. 2. P. 35–41 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Александровна Постовалова – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета.

Author:

Tatjana Postovalova, PhD (law), docent; associate professor at the department of civil procedure and labour law, faculty of law.
luboko@mail.ru

INTERNATIONAL SOCIAL SECURITY LAW: THE HISTORY OF THE FORMATION AND ROLE OF THE INTERNATIONAL LABOUR ORGANIZATION

T. A. POSTOVALOVA^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The problem of correlation and interaction of international and national law is one of the pressing and complex issues of jurisprudence. The right of social security was expressed in the Universal Declaration of Human Rights. The role of such social security standards-setting Organization as by the International Labour Organization was analyzed. Special attention is paid to the analysis of the International Labor Organization Convention No. 102 on Minimum Standards of Social Security (1952). This article critically examines the approach of the International Labour Organization of supervision of the ILO Standards. The International Labour Organization develops the system of conventions on social security. The ILO Conventions has only minimal standards on social security. The author analyzes the problems of the lack of interest of states in ratifying the ILO conventions on social security. It articulates several difficulties in adoption of the ILO Standards in the majority of developing countries.

Key words: international social security law; International Labour Organization; convention; social security standard-setting by the International Labour Organization.

Введение

Существующая на современном этапе в международном правовом порядке система норм, которая регулирует отношения по социальному обеспечению, сложилась в результате длительного исторического развития. По мнению М. В. Лушниковой, международное право социального обеспечения зародилось как право международной защиты социально-обеспечительных прав международными усилиями [1].

Право человека на социальное обеспечение – результат естественного развития народов, их традиций, культуры, образа мышления. Проблема соотношения и взаимодействия международно-

го и национального права – одна из актуальных и сложных в юриспруденции.

В Российской Федерации проблемы международного права социального обеспечения рассмотрены в научных трудах М. И. Акатновой, Г. С. Лаптева, М. В. Лушниковой, А. М. Лушниковой, Е. Е. Мачульской, И. И. Шаманаевой, Д. В. Черняевой¹. В государствах – членах Европейского союза международное право социального обеспечения исследуют У. Беккер, Т. Декхофф, М. Корда, Ф. Пеннингс и др.² В Республике Беларусь проблемы международного права социального обеспечения анализируются Т. А. Постоваловой³.

Основная часть

Международное право является широким понятием, которое охватывает многие сферы, включая не только международное право в области прав человека, право международной безопасности, право

внешних сношений, территориальные вопросы и международное гуманитарное право, но и международное регулирование проблем, касающихся права на охрану здоровья, на пищу и социальное

¹ Лушникова М. В. Теория и футурология международного трудового права и международного права социального обеспечения: актуальные проблемы // Международное, российское и зарубежное законодательство о труде и социальном обеспечении: современное состояние (сравнительный анализ) : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (М., 25–28 мая 2011). М., 2011. С. 6–19; Акатнова М. И. Право человека на социальное обеспечение в международных актах, законодательстве зарубежных стран и России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. М., 2009; Акатнова М. И. К вопросу о месте международного права социального обеспечения в системе международного права // Рос. ежегодник трудового права. № 9. СПб., 2014. С. 638–646; Лаптев Г. С. Международные стандарты социального обеспечения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. Омск, 2011; Лушникова М. В., Лушников А. М. Международное трудовое право и международное право социального обеспечения. Ярославль, 2010; Мачульская Е. Е. Понятие международного права социального обеспечения // Рос. ежегодник трудового права. № 9. СПб., 2014. С. 629–637; Шаманаева И. И. Вопросы соотношения российского законодательства о социальном обеспечении с международными актами о правах человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. Екатеринбург, 1999; Черняева Д. В. Международно-правовое регулирование социального обеспечения. М., 2016.

² Becker U., Pennings F. J. L., Dijkhoff A. A. International standard-Setting and innovations in social security. Alphen a/d Rijn, 2013; Dijkhoff T. International social security standards in the European Union. The cases of the Czech Republic and Estonia. Antwerp., 2011; Korda M. The role of international social security standards. An in-depth study through the Case of Greece. Antwerp., 2013; Pennings F. (ed.) International social security standards. Current views and interpretation matters. Antwerp., 2007.

³ Право социального обеспечения. Минск, 2005. С. 136–230; Курс права социального обеспечения в Республике Беларусь. Минск, 2008. С. 427–503; Право социального обеспечения Республики Беларусь. Минск, 2013. С. 580–626.

обеспечение. Каждая из сфер регулирования международного права характеризуется специфическими правовыми подходами, необходимостью соблюдения баланса сил, идеалами и инициативами (или их отсутствием). Международные стандарты социального обеспечения – особая область международного права. Одной из специфических особенностей стандартов в социальной защите является то, что они требуют деятельности со стороны государства, например снизить бедность или создать систему социального обеспечения.

Государства оказывают незначительную поддержку для применения строгих единообразных стандартов по той причине, что они настаивают на сохранении автономии в организации своих систем социального обеспечения [2].

Несмотря на специфический характер, стандарты социального обеспечения приняты и развиваются, а их применение контролируется с учетом того, что уставы и иные основополагающие документы крупных международных организаций, включая Организацию Объединенных Наций (ООН) и Международную организацию труда (МОТ), трактуют право на социальное обеспечение как основополагающее право, или право человека. Более того, другие важные международные проблемы, в частности предупреждение войны и сохранение мира, тесно связаны с вопросами социального спокойствия и социальной напряженности. Этот факт оказался основной причиной создания МОТ сразу после окончания Первой мировой войны, т. е. цель ее образования – поддержание социального спокойствия, сохранение мира во всем мире.

На международном уровне право социального обеспечения было закреплено в конвенциях и рекомендациях Международной организации труда¹. Данная организация занимает главенствующее положение в составлении международных социально-обеспечительных актов. Так, за 1919–1925 гг. МОТ было принято шесть конвенций и пять рекомендаций. Конвенции² были основаны на системах социального страхования и приняты во многих индустриальных странах в начале XX в. Такие системы сформированы на принципах обязательного участия в социальном страховании, управления системой социального страхования со стороны некоммерческих организаций и участия застрахованных лиц в управлении.

Впервые на международном уровне в рамках МОТ были разработаны и приняты законодательные акты по страхованию при безработице, не-

счастливых случаях на производстве, по профессиональным заболеваниям, болезни, старости, при инвалидности, потере кормильца, а также по охране материнства.

В 1930-е гг. для предотвращения массовой безработицы и финансового кризиса мирового масштаба (был спровоцирован Великой депрессией в США) государства сократили объем социальных прав, предоставлявшихся работникам. Для снижения негативных последствий МОТ разработала ряд основополагающих конвенций и рекомендаций.

Кроме того, Великая депрессия 1930-х гг. и последствия Первой мировой войны выступили в качестве нового отправного пункта для развития принципов и политики МОТ. Этот подход был закреплен в Филадельфийской декларации 1944 г. Она включала новую концепцию социального обеспечения среди основополагающих принципов работы Международной организации труда. В ней отражены фундаментальные принципы МОТ. В частности, указывается, что нищета является угрозой для общего благосостояния. Поэтому борьба с нуждой должна вестись с неослабевающей силой в каждом государстве и путем постоянных и объединенных международных усилий, при которых представители рабочих и предпринимателей, пользующиеся равными правами с представителями правительств, присоединятся к ним в свободном обсуждении и принятии демократических решений в целях содействия общему благосостоянию [3].

Позже целью МОТ стало расширение средств социального обеспечения для предоставления всесторонней медицинской помощи (Рекомендация 1944 г. о медицинском обслуживании (№ 69)) и базового дохода для всех, кто нуждается в такой защите (Рекомендация 1944 г. об обеспечении дохода (№ 67)). Обе рекомендации создали условия для определения социального обеспечения как одного из прав человека сначала во Всеобщей декларации прав человека, а несколько лет спустя – в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (ст. 9).

МОТ распространила действие своих социальных целей не только на работников. Были расширены меры социального обеспечения в целях предоставления нуждающимся базового дохода и обеспечения всесторонней медицинской помощи. Для этого в 1952 г. была принята Конвенция МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» (далее – Конвенция № 102) [4]. Она

¹ Учреждение МОТ как структурного подразделения Лиги Наций было предусмотрено Версальским мирным договором от 28 июня 1919 г.

² Конвенция МОТ № 2 «О безработице»; Конвенция МОТ № 3 (1919) «Об охране материнства» (1919); Конвенция МОТ № 4 «О возмещении при несчастных случаях в сельском хозяйстве» (1921); Конвенция МОТ № 8 «О возмещении трудящимся при несчастных случаях на производстве» (1925); Конвенция МОТ № 12 «О профессиональных заболеваниях» (1925); Конвенция МОТ № 17 «О равноправии в области возмещения при несчастных случаях» (1925).

должна была способствовать развитию единой социально-обеспечительной системы, которая охватывает все известные социальные риски. Документ вводил новые виды семейных социальных выплат, медицинской помощи и предполагал применение этой системы ко всем гражданам. Конвенция № 102 предусматривает гибкий механизм для ее ратификации государствами-членами. Государство может ратифицировать соглашение, взяв на себя обязательства как минимум по трем из девяти видам социального обеспечения, а также может позже добавить другие виды.

На настоящее время конвенцию ратифицировали 56 государств, из них только семь стран ратифицировали все ее части, 134 государства не ратифицировали соглашение [5].

В организации системы социального обеспечения у государств есть строго определенный выбор. Рассмотрим нормы ст. 15 раздела III Конвенции № 102 «Пособия по болезни». Так, обеспечению подлежат следующие лица:

- установленные категории работающих по найму, составляющие не менее 50 % от общего числа работающих по найму;
- установленные категории самодельного населения, составляющие не менее 20 % от общего числа жителей;
- все жители, средства которых за время охватываемого случая не превышают пределов, устанавливаемых согласно положениям ст. 67;
- в случаях, когда находится в силе предусматриваемое ст. 3 заявление, установленные категории работающих по найму, составляющие не менее 50 % от общего числа работающих по найму на промышленных предприятиях, на которых занято не менее 20 чел. [4].

Таким образом, у государств есть выбор. Так, при охвате только наемных работников система социального обеспечения должна распространять свое действие на 50 % представителей этой категории. Если в стране выбрана система, при которой защищено все население, включая лиц самостоятельно-го труда и сельскохозяйственный сектор, то системой должно быть охвачено 20 % населения. Если предусмотрена система с проверкой нуждаемости (для малоимущих лиц), то должны учитываться все граждане. Для развивающихся стран предусмотрен специальный временный стандарт.

Такой метод установления стандартов имеет специфические требования. Прежде всего нужна надлежащая статистика, так как без нее невозможно установить, выполняются ли положения ст. 15. Наличие адекватной статистики до сих пор остается основной проблемой во многих странах. Сложности возникают и из-за того, что для высоко-развитых стран такие стандарты по социальному обеспечению являются низкими.

После принятия Конвенции № 102 сложно принять другую, более прогрессивную общую конвенцию. Более высокие требования к социально-обеспечительным нормам (стандартам) уже были изложены в других конвенциях МОТ, каждая из которых относится к отдельному социальному риску (старость, безработица и т. д.). В связи с тем что эти соглашения не носят всесторонний исчерпывающий характер, они получили наименование конвенций третьего поколения.

Их цель – повысить уровень международных стандартов по социальному обеспечению, которые были закреплены в довоенных конвенциях, а именно: повысить уровень защиты в отношении защищаемых лиц, уровень социальных выплат, пересмотреть виды социальных выплат, усовершенствовать общие принципы управления и финансирования (которые согласуются с принципами, используемыми в Конвенции № 102).

После ратификации любой конвенции МОТ государство-член должно периодически подавать доклады по соблюдению соответствующей конвенции. Данные доклады изучаются комитетом экспертов по применению конвенций и рекомендаций, который состоит из 20 независимых членов. При необходимости комитет может запросить у правительства информацию о применении соответствующей конвенции. Замечания могут быть в форме обзоров, опубликованных в докладах, или прямых запросов, адресованных соответствующим правительствам. Комитет может потребовать предоставить дальнейшую информацию, указать правительству на необходимость изменений или прокомментировать меры, принятые для эффективности действия конвенции.

Заключения комитета экспертов передаются комитету Международной конференции труда, доклад которого, в свою очередь, представляется на Международной конференции труда, на которой и выносится в случае нарушения стандартов окончательное решение.

Несмотря на то что существует возможность возбуждения дела в Международном суде в Гааге, на практике наиболее радикальной санкцией является «назвать и пристыдить» на Международной конференции труда. Большинство государств-членов стараются избегать дискуссий о несоблюдении конвенции на пленарном заседании конференции. Для этого ведется постоянный диалог между органами МОТ, в частности Секретариатом МОТ, и правительствами государств-членов.

Система контроля Международной организации труда состоит из коллективных процедур. Для отдельных лиц практически отсутствуют возможности для подачи жалоб и докладов. В конвенциях не закрепляется процедура подачи индивидуальных жалоб, а контролирующие органы МОТ

не рассматривают и не учитывают индивидуальные жалобы. Это объясняется тем фактом, что конвенции были разработаны для возложения обязательств на государства. При таком подходе государство является ответственным за поддержание определенного уровня социального обеспечения. Минимальные стандарты требуются для защиты определенных категорий населения и определенного уровня социальных выплат.

Отдельные граждане не могут подавать жалобы в отношении стандартов по социальному обеспечению на то, что не учитывается их индивидуальное положение. Стандарты составляются исходя из общей ситуации. Более того, для цели требуются статистические данные, которые им часто недоступны.

В некоторых странах граждане могут ссылаться на международные нормы (стандарты) в национальных судах, однако это достаточно сложно.

Конвенции МОТ оказывают влияние на законодательство отдельных стран еще до ратификации и вне зависимости от нее. Аналогичную роль играют и рекомендации, которые в отличие от конвенции не подлежат ратификации и выступают как руководство для проведения определенной политики, законодательства и практических действий.

МОТ в Рекомендации № 202 о минимальных уровнях социальной защиты [6] и Комитет ООН в Международном пакте ООН об экономических, социальных и культурных правах [7, р. 67] декларируют, что социальное обеспечение должно быть правом человека, но в силу природы оно не может применяться как таковое, поэтому необходимы уточнения в комментариях, руководствах или рекомендациях. Несмотря на то что акты по правам человека, устанавливающие социально-обеспечительные стандарты, – комментарий ООН к ст. 9 Международного пакта ООН об экономических, социальных и культурных правах [8] и Рекомендация МОТ № 202 – имеют более слабое юридическое значение, чем конвенции МОТ (так как они не разработаны в виде такого юридического акта, как договор), они прямо рекомендуют государствам реализовывать защиту социального обеспечения в форме юридических прав. Таким образом, подход, основанный на правах человека, функционирует с точки зрения принципов и методов предоставления докладов.

Необходимо отметить, что принципы, указанные в комментариях ООН к ст. 9 Международного пакта ООН об экономических, социальных и культурных правах подобны тем, которые считаются основополагающими в конвенциях МОТ. Это принципы ответственности государства за социальное обеспечение, необходимости участия социальных партнеров и необходимости устойчивого управления.

Конвенции МОТ подвергаются критике за то, что их нормы сложно имплементировать в странах

с низким доходом и они предоставляют населению ограниченную защиту. Эти признаки ограничивают возможность строго обязывать все государства-члены следовать нормам конвенции МОТ и осуществлять за ними контроль.

Поэтому подход к социальному обеспечению как к праву человека более гибок. Он предоставляет государствам максимум пространства для применения собственного подхода, а также поощряет их организовывать адекватную защиту всех лиц в пределах ресурсов государства. Такой подход обеспечивает более строгий контроль, так как от государств не требуется делать больше, чем они могут, и им предоставляется возможность объяснять, почему они делают определенный выбор.

Несмотря на то что Международный пакт ООН об экономических, социальных и культурных правах и Рекомендация № 202 МОТ создают больше условий для государств-членов, контроль за исполнением, а также необходимость государств объяснять их слабее, чем при подходе, применяемом в конвенциях МОТ. Конечно, обязательства государства-члена при подходе с точки зрения прав человека отличается от тех, которые предусмотрены при подходе в конвенциях МОТ. Однако их действия можно анализировать, включая то, что они сделали с учетом рекомендации/комментария, что планируют сделать и какими ресурсами располагают. Контроль за действиями и результатами слабее при подходе в конвенциях МОТ, хотя в данном случае отсутствует транспортная система докладов и доклады международного комитета публикуются.

Международные акты дают детальный перечень областей, в которых государства-члены должны осуществлять действия с применением максимума усилий, без дискриминации и с предоставлением юридических прав лицам. Подобные акты являются очень важным дополнением к действующим, но их исполнение требует соответствующего контроля, при котором возможно использование более современных и гибких методов. Это, например, подача докладов однородной группой экспертов из одинакового региона вместо комитета экспертов по применению конвенций и рекомендаций. Тем не менее необходимо требовать публичного представления докладов, выводов экспертов. В дополнение негосударственные организации должны обладать правом комментировать доклады своих стран с точки зрения применяемых актов.

Количество ратификаций международных конвенций по социальному обеспечению зависит от региона и исторического периода. Например, в 1950-е и 1960-е гг. западноевропейские страны стремились показать, что нормы их законодательства соответствуют стандартам, закрепленным в Конвенции № 102. С 1990-х гг. эти страны начали неохотно принимать новые нормы, особенно в виде конвенций.

В настоящее время многие страны Восточной и Центральной Европы ратифицировали конвенции МОТ, в частности Конвенцию № 102, при вступлении в Европейский союз. Этим они показали, что их можно отнести к развитым странам с достойным минимальным уровнем социальной защиты. Более того, принятие Конвенции № 102 демонстрирует международному сообществу, что страна серьезно занята обеспечением своего населения международно признанной социальной защитой.

Однако в настоящее время сократилось количество процедур ратификации актов по международным стандартам социального обеспечения. Важная причина этого явления – процесс глобализации, который приводит к увеличению конкуренции между странами, вследствие чего государства пытаются снизить издержки на труд, включая расходы на социальное обеспечение. В этих целях были перестроены системы социального обеспечения. Многие развитые страны стали проявлять нежелание оставаться связанными международными стандартами социальной защиты, так как те усложняют адаптацию к новым тенденциям. Начиная с 1980-х гг. поддержка новых конвенций практически отсутствовала.

Другой проблемой является то, что существующие конвенции связаны с социальными рисками и способами защиты, которые устаревают, так как относятся к индустриальной экономике 1950–60-х гг. Со времени индустриального обще-

ства в странах с высоким уровнем доходов получили развитие и обрели значимость сфера услуг и сфера информации. Экономика таких стран характеризуется распространением временных, нетипичных форм занятости. На рынке труда появились социально уязвимые категории населения, нуждающиеся в защите.

В то же время промышленная деятельность увеличилась в странах с низким уровнем дохода на душу населения, но такие экономики в большинстве своем являются неформальными, что ведет к другому виду проблемам в принятии и имплементации конвенций. Как отметил комитет экспертов, развивающиеся страны могли бы предпринимать больше шагов в направлении социальной защиты населения. К сожалению, расширение охвата социального обеспечения – это далеко не приоритет в национальной политике большинства развивающихся стран, особенно азиатских и арабских.

Страны с низким доходом повлияли на тот факт, что один из пяти человек в мире имеет социальное обеспечение, а у 80 % населения и вовсе отсутствует адекватная социальная защита. Такие страны тратят очень низкий процент своего ВВП на социальную защиту. Здесь есть возможность для достижения более высокого уровня защиты [9; 10].

По прошествии 70 лет после принятия Филладельфийской декларации 1944 г. МОТ признала, что цель обеспечения базового дохода для всех, кто в этом нуждается, не достигнута [11].

Выводы

Международная организация труда использует систему конвенций, в которых закреплены минимальные нормы (стандарты) социального обеспечения. Такая система имеет важное ограничение, так как только государства-члены, которые ратифицировали соответствующую конвенцию, обязаны выполнять ее. Несмотря на то что конвенции содержат минимальные стандарты, до сих пор существуют пробелы в охвате всех категорий населения, некоторые нормы конвенций устаревают. Ценность конвенций заключается в том, что они требуют от государств соблюдать нормы для достижения определенного уровня социального обеспечения. Принципы, выводимые из конвенций, дают возможность скорректировать толкование и применить их в контексте современной ситуации. Комментарий к ст. 9 Международного пакта ООН об экономических, социальных и культурных правах, в которой закреплено право на социальное обеспечение, содержит требование к государствам-членам о создании собственных систем социального обеспечения. Такой подход предоставляет больше возможностей отдельным государствам, и его легче корректировать.

Рекомендация № 202 МОТ предусматривает более гибкий подход, чем в Конвенции № 102. В ней

излагаются определенные принципы для дальнейшего развития системы социального обеспечения. Сближение норм конвенций и норм других международных актов о правах человека по социальному обеспечению сложно осуществить практически, так как используются две разные юридические техники. Однако они в определенной степени дополняют друг друга.

Конвенции содержат важные нормы, влияющие на государства-члены, которые их ратифицировали. Ведь при подходе к социальному обеспечению как к праву человека на государства не могут быть наложены требуемые к исполнению обязательства.

Комментарий к ст. 9 Международного пакта ООН об экономических, социальных и культурных правах гласит о том, что необходимо требовать минимума защиты для каждого из существенных элементов. Таким образом, можно выделить два направления развития международного правового регулирования в сфере социального обеспечения:

- при подходе к социальному обеспечению как к праву человека от государства требуется выполнение минимальных стандартов в этой области;
- при конвенциональном подходе к социальному обеспечению государства призывают к дальней-

шему активному развитию системы социального обеспечения.

Такой подход имеет преимущество: он связывает все страны, которые ратифицировали Международный пакт ООН об экономических, социальных и культурных правах.

Полезным инструментом для реализации норм права является требование к государствам-членам подавать доклады о состоянии социального обеспечения, так как оно дает просторство для совершенствования национальной системы и подачи докладов о национальной ситуации.

К сожалению, исполнение обязанности государств подавать доклады и соблюдать рекомендации контролирующих органов все еще проблематично. Важнейшей причиной этого является то, что обычно государство не имеет преимуществ от принятия международных стандартов по социальному обеспечению.

Международным организациям, на наш взгляд, следует рассмотреть вопрос об увеличении поощрений для государств за принятие и исполнение международных стандартов по социальному обеспечению.

Библиографические ссылки

1. Лушникова М. В. Теория и футурология международного трудового права и международного права социального обеспечения: актуальные проблемы // Международное, российское и зарубежное законодательство о труде и социальном обеспечении: современное состояние (сравнительный анализ) : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. 22, 25–28 мая. М., 2011. 2011. С. 6–19.
2. Pennings F. J. L. What is wrong with international standards on social protection? // What's wrong with international law? / Ceric Ryngaert, Erik Molenaar & Sarah Nouwen (eds.). Boston, 2015. P. 166–185.
3. Kulke U. The Present and Future Role of ILO Standards in Realizing the Right to Social Security // Int. Soc. Secur. Rev. 2007. Vol. 60, issue 2–3. P. 119–141.
4. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957. С. 351–372.
5. Ratifications of C102 – Social Security (Minimum Standards) Convention, 1952. No. 102 // International Labour Organization : [сайт]. URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:11300:0::NO::P11300_INSTRUMENT_ID:312247 (date of access: 05.01.2017).
6. Рекомендация о минимальных уровнях социальной защиты (Рекомендация 202) // International Labor Organization : [сайт]. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/_ed_norm/_norm_normes/documents/normativeinstrument/wcms_r202_ru.pdf (дата обращения: 27.01.2017).
7. Social Security and the Rule of Law : report of the Committee of Expert on the Application of Conventions and Recommendations. Geneva, 2011.
8. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Тридцать девятая сессия. 5–23 ноября 2007 года. Замечание общего порядка № 19. Право на социальное обеспечение (статья 9) // Организация объединенных наций : [сайт]. URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=4slQ6QSmIbEDzFEovLCuW1a0Szab0oXTdImnsJZZVQdrCvvLm0yy7YCiVA9YY61ZutzzyESnwJztIx%2bouTDC%2bVmcKYstiGELWmyHXp1a0TYQbzx92z08%2fWI%2b79G8tWS> (дата обращения 13.01.2017).
9. Townsend P. (ed.) Building Decent Societies. Rethinking the Role of Social Security in Development. Geneva, 2009.
10. Ginneken W. Van. Social Security for the Excluded Majority. Geneva, 1999.
11. Director General ILO, Decent Work. Geneva, 1999.

References

1. Lushnikova M. V. [The theory and futurology of international labor law and international social security law: current Issues]. *Mezhdunarodnoye, rossiyskoye i zarubezhnoye zakonodatel'stvo o trude i sotsial'nom obespechenii : sovremennoye sostoyaniye (sravnitel'nyy analiz)* : materialy VII Mezhdunarodnoi nauchn.-prakt. konf. Moscow, 2011. P. 6–19 (in Russ.).
2. Pennings F. J. L. What is wrong with international standards on social protection? // What's wrong with international law? / Ceric Ryngaert, Erik Molenaar & Sarah Nouwen (eds.). Boston, 2015. P. 166–185.
3. Kulke U. The Present and Future Role of ILO Standards in Realizing the Right to Social Security // Int. Soc. Secur. Rev. 2007. Vol. 60, issue 2–3. P. 119–141.
4. [Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states]. Vol. 16. Moscow, 1957. P. 351–372 (in Russ.).
5. Ratifications of C102 – Social Security (Minimum Standards) Convention, 1952. No. 102 // International Labour Organization. URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:11300:0::NO::P11300_INSTRUMENT_ID:312247 (date of access: 05.01.2017).
6. Social Protection Floors Recommendation, 2012 (No. 202). URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/_ed_norm/_norm_normes/documents/normativeinstrument/wcms_r202_ru.pdf (date of access: 27.01.2017) (in Russ.).
7. Social Security and the Rule of Law: report of the Committee of Expert on the Application of Conventions and Recommendations. Geneva, 2011. P. 67.
8. Economic and Social Council. General comment. No. 19. The right to social security (art. 9). URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=4slQ6QSmIbEDzFEovLCuW1a0Szab0oXTdImnsJZZVQdrCvvLm0yy7YCiVA9YY61ZutzzyESnwJztIx%2bouTDC%2bVmcKYstiGELWmyHXp1a0TYQbzx92z08%2fWI%2b79G8tWS> (date of access: 13.01.2017) (in Russ.).
9. Townsend P. (ed.). Building Decent Societies. Rethinking the Role of Social Security in Development. Geneva, 2009.
10. Ginneken W. Van. Social Security for the Excluded Majority. Geneva, 1999.
11. Director General ILO, Decent Work. Geneva, 1999.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

УДК 347.441.4

ТОЛКОВАНИЕ ДИСПОЗИТИВНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ ДОГОВОРА

*И. А. КОЗИКОВА*¹⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Поднимается вопрос о пределах свободы договора в контексте толкования норм гражданского права в качестве диспозитивных или императивных. На основе анализа доктринальных источников и правоприменения систематизируются позиции исследователей в отношении свободы договора и модели императивности правовых предписаний. Выявляются правовые и социально-экономические предпосылки для введения базовой презумпции диспозитивности в качестве принципа гражданского права, вносятся и обосновываются конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства Республики Беларусь в части внесения изменений в ст. 2 ГК в целях легализации диспозитивности как принципа гражданского права. Разработан механизм реализации принципа диспозитивности, который рекомендуется закрепить на уровне постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь «О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров».

Ключевые слова: гражданско-правовой договор; свобода договора; диспозитивность; метод; принцип гражданского права.

Образец цитирования:

Козикова И. А. Толкование диспозитивности в гражданском праве как основа реализации свободы договора // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 42–49.

For citation:

Kozikava I. A. The interpretation of dispositivity as a basis for the realization of contract freedom. *J. Belarus. State Univ. Law.* 2017. No. 2. P. 42–49 (in Russ.).

Автор:

Ирина Александровна Козикова – аспирантка кафедры гражданского права юридического факультета. Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент Е. А. Салей.

Author:

Iryna Kozikava, postgraduate student at the department of civil law, faculty of law.
zna4ok@gmail.com

THE INTERPRETATION OF DISPOSITIVITY AS A BASIS FOR THE REALIZATION OF CONTRACT FREEDOM

I. A. KOZIKAVA^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

In article the author brings up a question of limits of freedom of the contract in the context of interpretation of norms of civil law as dispositive or imperative. On the basis of the analysis of doctrinal sources and law enforcement, positions of researchers concerning freedom of the contract and model of imperativeness of legal instructions are systematized. Legal and social-economic prerequisites for introduction of a basic presumption of a dispositivity as the principle of civil law are revealed, specific proposals on improvement of the current legislation of Republic of Belarus, regarding modification of Art. 2 of Civil Code for the purpose of legalization of a dispositivity as the principle of civil law are made and proved. In development of this proposal the mechanism of realization of the principle of a dispositivity which is recommended for fixing at the level of the resolution of the Plenum of the Supreme Economic Court of Republic of Belarus «About using of the provisions of the Civil code of the Republic of Belarus regulating the conclusion, change and cancellation of contracts» is developed.

Key words: civil contract; freedom of the contract; dispositivity; method; principle of civil law.

Проблематика договорной свободы весьма актуальна для современного белорусского гражданского права. Принцип свободы договора – основное начало гражданского законодательства. Он закреплен в ст. 2 и 391 Гражданского кодекса (далее – ГК) Республики Беларусь. Вопрос о свободе договорных отношений не является новым и исследовался многими авторами, в том числе на уровне диссертационных исследований. В Беларуси изучением тематики договорной свободы занимались, в частности, В. Н. Годунов, Н. Л. Бондаренко, Е. А. Попова¹. С развитием экономических отношений и правосознания изменяется проблематика договорной свободы, пересматриваются устоявшиеся подходы, выявляются новые актуальные аспекты. Это связано и с различиями в подходах к толкованию свободы договора в странах СНГ.

При вступлении в договорные отношения, формировании и регулировании условий договора стороны руководствуются собственной волей и нормами, закрепленными в действующих актах законодательства. Как отмечают М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, поведение контрагентов регулируется как самим договором, так и распространяющими на него свое действие нормативными актами. В первом случае регуляторы поведения сторон создаются их собственной волей, во втором – такой же регулятор выражает исключительно волю органа, принявшего нормативный акт. Именно такой характер носят императивные нормы. Промежуточное положение занимают регуляторы, созданные, с одной стороны, в результате совместной воли компетентного органа власти или

управления, с другой – в результате согласованной воли самих контрагентов. К числу таких регуляторов относятся прежде всего диспозитивные нормы. Имеется в виду то, что контрагенты по соглашению между собой включают в договор созданную ими модель поведения либо модель, которая в качестве альтернативы предложена принявшим диспозитивную норму органом [1, с. 69].

В соответствии с п. 3 ст. 391 ГК Республики Беларусь условия договора определяются по решению сторон в порядке и пределах, предусмотренных законодательством (ст. 392). В случаях, когда условия договора предусмотрены нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут установить условие, отличное от предусмотренного в ней, если это не противоречит законодательству. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой. При этом из ст. 392 ГК Республики Беларусь следует, что договор должен отвечать обязательным для сторон правилам (императивным нормам), установленным правовыми актами (законодательством). Заметим, что большинство норм ГК Республики Беларусь, регулирующих договорные отношения, формально обозначены как императивные в силу отсутствия в них формулировки: «если иное не установлено соглашением сторон». М. И. Брагинский и В. В. Витрянский применительно к ГК Российской Федерации отмечают, что в ч. 1 и 2 в составе норм, регулирующих отдельные виды договоров, оказалось около 1600 императивных и около 200 диспозитивных норм. При

¹Годунов В. Н. Принцип свободы договора и его реализация в законодательстве Республики Беларусь // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2012. Вып. 23. С. 144–164; Годунов В. Н. Общие положения о договоре: некоторые аспекты по законодательству Республики Беларусь // Правовая реальность в фокусе юридической науки и университетского просвещения : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Владивосток, 25–26 сент. 2008 г.). Владивосток, 2009. С. 312–314; Годунов В. Н. Гражданско-правовой договор: вопросы совершенствования общих положений // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. Минск, 2014. Вып. 3. С. 39–58; Бондаренко Н. Л. Принцип свободы договора в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Минск, 2001; Попова Е. А. Заключение договора в обязательном порядке : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Минск, 2004.

этом авторы подчеркивают, что выбор диспозитивной нормы определенного варианта из множества возможных не случаен. Он, как правило, основан на обобщении договорной практики и представляет собой типичное, многократно проверенное решение. В отношении императивных норм указано, что отсутствие ссылки на возможность предусмотреть в договоре иное должно свидетельствовать о ее безусловной обязательности для контрагентов [1, с. 71]. Полагаем, что с таким мнением нельзя согласиться в полной мере. Безусловно, при указании в норме формулировки «если иное не предусмотрено соглашением сторон» законодатель должен был опираться на обобщенную договорную практику. Однако представляется, что значительное количество имеющихся в ГК формально-императивных норм сформированы без учета многообразия и вариативности развития договорных отношений, в большей мере это касается сферы предпринимательских отношений субъектов хозяйствования. Таким образом, существо норм не пропорционально форме их выражения.

В Республике Беларусь при принятии ГК по аналогии с Российской Федерацией сложился дуалистический подход: с одной стороны, в ст. 2 ГК Республики Беларусь провозглашена свобода договора, с другой стороны, в соответствии со ст. 391 и 392 ГК Республики Беларусь установлена модель императивности правовых предписаний, которая может быть изменена только в том случае, если законодательство это допускало. В отношении ГК Российской Федерации одним из его разработчиков, С. А. Хохловым, подобный подход объяснялся тем, что в условиях еще не отработанной в России рыночной системы у законодателя презумпция диспозитивности норм договорного права вызвала опасения, так как она могла способствовать неконтролируемому снижению договорной дисциплины, монопольным и другим злоупотреблениям на рынке товаров, работ и услуг. Хотя, как замечает С. А. Хохлов, закрепление в общих положениях о договорах нормы, устанавливающей, что положения кодекса и других законов о договорах предполагаются диспозитивными, если иное прямо не предусмотрено соответствующей нормой либо не вытекает из ее существа, являлось предметом дискуссий [2, с. 251–252]. После вступления ГК Российской Федерации в силу устаревшая советская методология квалификации норм одними авторами поддерживалась (М. И. Брагинский, В. В. Витрянский [1, с. 71], Е. А. Суханов [3, с. 63]), другими – критиковалась (М. Г. Розенберг [4, с. 58], О. Н. Садилов [5, с. 4–9]). В последние годы с обоснованием необходимости перехода к опровержимой презумпции диспозитивности норм договорного

права выступали А. Г. Карапетов, А. И. Савельев, Э. А. Евстигнеев¹.

Трактовка подхода, предложенного законодателем (на уровне основополагающего законодательного акта в сфере гражданско-правового регулирования в совокупности с устоявшимся доктринальным подходом к пониманию императивности норм), привела к узкому формальному толкованию подобных норм судами, при котором не учитывается действие принципа свободы договора и ограничивается действие свободы договора в части права сторон на определение условий договора по своему усмотрению. Представляется, что подход белорусского законодателя и сложившаяся судебная практика обусловлены в первую очередь историческим доминированием советских идеологических установок, согласно которым пропагандировалась идея о запрете всего, что прямо не разрешено. Все нормы, в которых отсутствует оговорка, разрешающая сторонам согласовать иное, воспринимаются как однозначный императивный приказ.

Как отмечает А. Г. Карапетов, в развитых зарубежных странах автономия воли сторон договора признается фундаментальным принципом обязательственного права. Она является базовой опровержимой презумпцией, из которой законодатели и суды исходят при формировании законодательного регулирования и разрешения споров в области договорного права. Презумптивный статус принципа свободы договора в классической западно-европейской традиции означает следующее:

1) если не приведены серьезные аргументы из области политики права в пользу ограничения автономии воли, законодатель и суды не должны ограничивать волю сторон;

2) бремя аргументации лежит на том, кто предлагает ввести соответствующее ограничение.

В законодательстве большинства европейских стран не принято безоговорочно помечать диспозитивные нормы обязательственного права оговоркой о праве сторон согласовать иное, так как подразумевается диспозитивность норм договорного права по общему правилу. При этом в ряде стран императивными могут быть признаны только те нормы этой части ГК, в которых прямо текстуально обозначена их императивная природа [6]. Суды многих государств исходят из закрепленной в законе (в Эстонии, Чехии, Украине) или признаваемой в судебной практике в качестве неписаного принципа (во Франции, Германии) опровержимой презумпции их диспозитивности [7]. Действующий подход законодателя и формально-атрибутивное разделение норм договорного права не позволяют быстро реагировать на изменения в экономической

¹Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы : в 2 т. М., 2012. Т. 2.; Евстигнеев Э. А. Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2015.

сфере. Как справедливо отмечает А. С. Комаров, принятый в российском праве механический подход к выявлению диспозитивных норм существенно нарушает баланс между экономической свободой и государственным вмешательством (в пользу последнего) на практике [7]. Это в полной мере справедливо и для характеристики белорусского гражданского законодательства. Используемая юридическая техника создала предпосылки для того, чтобы традиционное для частного права общее правило диспозитивности норм стало выглядеть как исключение, в то время как императивное регулирование приобрело видимость общего правила. В связи с толкованием безусловности императивных норм происходит отрыв законодательного регулирования от потребностей весьма динамично развивающегося экономического оборота. С учетом направленности политики на привлечение в Республику Беларусь иностранных инвесторов с каждым годом заключается все больше сложных контрактов. Применительно к таким договорам большое количество формально-императивных норм может стать особенно острой проблемой. Это связано с тем, что при заключении контрактов на крупные суммы субъекты хозяйствования максимально детализируют условия заключаемого договора, вследствие чего нередко возникает необходимость в отступлении от императивного законодательного регулирования для удовлетворения потребностей сторон. Стороны должны быть вольны определять права и обязанности по гражданско-правовому договору, если только их воля не нарушает политико-правовые интересы и конституционные ценности.

В России вопрос о необходимости изменения подхода, сложившегося уже в качестве традиционного, был выведен за рамки чисто доктринальной дискуссии и рассмотрен в постановлении Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС) от 05.11.2013 № 9738/13. В постановлении было отмечено, что «принцип свободы договора является фундаментальным частноправовым принципом, основополагающим началом для организации современного рыночного оборота, его ограничения могут быть допущены лишь в крайних случаях в целях защиты интересов и экономических ожиданий третьих лиц, слабой стороны договора (потребителей), основ правопорядка или нравственности или интересов общества в целом» [8]. Однако, несмотря на неоспоримо верный посыл постановления Президиума ВАС и закрепление свободы договора в качестве основополагающего в ГК Российской Федерации, до 2014 г. судебная практика практически не изменилась. ВАС Российской Федерации 14 марта 2014 г. принял постановление Пленума № 16 «О свободе договора и ее пределах» (далее – постановление Пленума

№ 16) [9], продолжив определение нового вектора в решении вопроса о признании нормы диспозитивной либо императивной с минимальной опорой на ее формальные признаки. Как отмечают А. Г. Карапетов и Р. С. Бевзенко, подходы, сформулированные в постановлении Пленума № 16, соответствуют общепринятому европейскому опыту определения границ свободы договора. Они могут позволить российскому договорному праву начать раскрывать свои преимущества и завоевывать доверие участников оборота [7]. Анализ постановления Пленума № 16 позволяет выделить следующие основные положения:

1) норма, определяющая права и обязанности сторон договора, толкуется судом исходя из ее сущности и целей законодательного регулирования, т. е. суд принимает во внимание не только буквальное значение содержащихся в ней слов и выражений, но и те цели, которые преследовал законодатель, устанавливая данное правило;

2) судом должны приниматься во внимание общие пределы договорной свободы (наличие или отсутствие нарушения особо охраняемых законом интересов, грубого нарушения баланса интересов сторон, императивности сущности законодательного регулирования и др.);

3) характер нормы определяется следующим образом: производится анализ на предмет наличия прямого указания на императивность нормы и прямо выраженный запрет на изменение (например, предусмотрено, что такое соглашение ничтожно, запрещено или не допускается, указано на право сторон отступить от содержащегося в норме правила только в ту или иную сторону, названный запрет иным образом недвусмысленно выражен в тексте нормы); если таковое отсутствует, то анализируются пределы договорной свободы; если указанных оснований ограничения договорной свободы нет, норма признается диспозитивной;

4) основная роль в определении природы норм отведена судам, которые основываются на целевом (телеологическом) толковании.

Зафиксировано, что при возникновении спора об императивном или диспозитивном характере нормы, регулирующей права и обязанности по договору, суд должен указать, каким образом сущность законодательного регулирования данного вида договора и необходимость защиты соответствующих особо значимых охраняемых законом интересов (или недопущение грубого нарушения баланса интересов сторон) определяют императивность либо пределы диспозитивности этой нормы. Для точечного блокирования злоупотребления свободой договора в указанном постановлении призвано применять ст. 10 ГК Российской Федерации (запрет на злоупотребление правом), ст. 169 ГК Российской Федерации (недействительность

сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности), ст. 428 ГК Российской Федерации (договор присоединения). Заметим, что в России постановление Пленума ВАС не является нормативным правовым актом. Тем не менее оно оказывает влияние на формирование судебной практики, а соответственно, заслуживает внимания со стороны белорусского законодателя. В Беларуси судебная практика основывается на буквальном толковании норм договорного права. При отсутствии в норме прямого указания на допустимость ее изменения соглашением сторон такая норма применяется как императивная.

С нашей точки зрения, представляется оправданным подход, согласно которому отсутствие в норме формального указания на возможность изменений не должно означать, что согласование любого иного правила сторонами применительно к конкретным договорным отношениям будет являться несправедливым и неразумным. Договорные отношения сторон – многоаспектное и вариативное явление, которое основано на свободе волеизъявления. Этот факт обуславливает целесообразность предоставления сторонам договора права на самостоятельное определение условий договора и регулирование возникших взаимоотношений. В отношении изложенных мнений о пределах договорной свободы представляется, что посыл на их использование уже существует в виде норм, которые прямо легитимируют определенную свободу суда в ограничении свободы договора. Так, защита особо охраняемых законом интересов, безусловно, необходима для реализации доктрины защиты слабой стороны и обеспечения публичных (общественных) интересов, а защита баланса интересов сторон по своей сути является недопущением злоупотребления правом, что в полной мере применимо и в Беларуси, поскольку имеет правовую основу, находящую выражение в п. 2 ст. 398 ГК Республики Беларусь «Договор присоединения», ст. 9 ГК Республики Беларусь «Пределы осуществления гражданских прав». Указанные пределы применяются в зависимости от фактических обстоятельств. Определение характера нормы, исходя из существа соответствующего договорного отношения, направлено на выявление идеи правового регулирования. Эта идея заложена законодателем и носит более общий характер. Полагаем, что при определении характера нормы в первую очередь должна быть выявлена сущность договорного правоотношения на основе системного толкования норм договорного права и принципов гражданского права, а впоследствии – приняты во внимание конкретные обстоятельства взаимоотношений сторон. При этом предписание законодателя к необходимости выявления существа правоотношения, основанного на договоре, имеет место и на уровне

ГК (п. 2 ст. 171, п. 2 ст. 319, п. 2 ст. 519, п. 2 ст. 556, п. 4 ст. 859, п. 2 ст. 909 ГК Республики Беларусь).

Для обоснования допустимости и целесообразности толкования нормы не на основании ее формальных признаков, а путем восприятия ее существа действенным является механизм прикладной оценки на предмет целевой направленности. Например, в ст. 667 ГК Республики Беларусь предусмотрено, что подрядчик обязан возвратить остаток материала либо с согласия заказчика уменьшить цену (смету) работы с учетом стоимости остающегося у подрядчика неиспользованного материала. Очевидно, что, несмотря на используемую законодателем формальную императивность нормы, предложенные варианты не могут быть оценены как единственно возможные на практике. Стоимость материалов может быть выше, чем стоимость работ, в этом случае уже подрядчик обязан будет заплатить определенную сумму заказчику. Стороны могут также изначально договориться о низкой цене работ при условии, что все сэкономленные материалы подрядчик может оставить себе. Критической оценке может подвергнуться и норма об одностороннем отказе от исполнения договора возмездного оказания услуг (ст. 736 ГК Республики Беларусь). В отношении вариативности поведения сторон применительно к договору возмездного оказания услуг стороны могли бы предусмотреть равные условия одностороннего отказа как для заказчика, так и для исполнителя. Заметим, что по аналогичной норме (ст. 782 ГК Российской Федерации) в постановлении Пленума № 16 прямо указано на необходимость рассмотрения данной нормы в качестве диспозитивной. Ст. 782 ГК Российской Федерации дает каждой из сторон договора возмездного оказания услуг право на немотивированный односторонний отказ от исполнения договора и предусматривает неравное между сторонами распределение неблагоприятных последствий прекращения договора. Однако положения ст. 787 не исключают возможность согласования сторонами договора иного режима определения последствий отказа от договора (например, полное возмещение убытков при отказе от договора как со стороны исполнителя, так и со стороны заказчика). Положения статьи не исключают также возможность установления сторонами порядка осуществления права на отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг (в частности, односторонний отказ стороны от договора, исполнение которого связано с осуществлением обеими его сторонами предпринимательской деятельности, может быть обусловлен необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне). Примеров таких формально-императивных норм в ГК Республики Беларусь множество, что свидетельствует о недостаточной гибкости договорного права,

поддерживаемой судебными органами практикой буквального толкования.

Критически оценивая возможность установления аналогичного с российским законодательством правового регулирования в отношении толкования характера договорных норм, можно сказать, что основным опасением является то, что признание за судами широких полномочий по оценке правовой природы договорных норм может привести к усилению влияния субъективного фактора и принятию различных по сути решений. Вместе с тем российские авторы высказывают мнение о том, что механизмы судебного воздействия уже закреплены в законодательстве. При этом постановление предлагает сделать технику реализации судебной дискрекции более рациональной и транспарентной и обязать суды прямо мотивировать, какие политико-правовые соображения легли в основу их решения заблокировать договорную свободу [7]. Следует заметить, что положительные комментарии российских юристов [10] в отношении сложившейся в России практики применения постановления Пленума № 16 с момента его вступления в силу позволяют с большей уверенностью говорить о целесообразности установления аналогичного подхода к оценке регулирования в Республике Беларусь.

Исходя из изложенного, можно констатировать, что ключевым является вопрос о соотношении пределов свободы договора и критериев толкования норм гражданского права в качестве диспозитивных.

Традиционно диспозитивность рассматривается как специфическая черта метода правового регулирования, которая не оспаривается в литературе [11, с. 23; 12, с. 34; 13, с. 43; 14, с. 85–91]. При этом вопрос о том, является ли диспозитивность принципом гражданского права, является дискуссионным. Даже при рассмотрении его как принципа существуют различные точки зрения. Отдельные авторы полагают, что диспозитивность – принцип исключительно гражданского права [15, с. 49; 16], другие – что диспозитивность является принципом осуществления гражданских прав [17, с. 48], третьи – что диспозитивность является и свойством метода гражданско-правового регулирования, и принципом права [18, с. 47; 19].

Обратим внимание на то, что диспозитивность не закреплена прямо в ст. 2 ГК Республики Беларусь при перечислении основных начал гражданского законодательства. Но при этом указано, что участники гражданских правоотношений приобретают и осуществляют гражданские права своей волей и в своих интересах. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. Подобная формулировка четко и недвусмысленно отражает специфи-

ку регулирования отношений между субъектами гражданского права и, будучи включенной в статью «Основные начала гражданского законодательства», может рассматриваться как легализованный принцип. Это косвенно подтверждается и ст. 8 ГК Республики Беларусь. Исходя из положений статьи, граждане и юридические лица осуществляют принадлежащие им гражданские права по своему усмотрению. Толкование гражданско-правовых норм и, соответственно, свобода сторон в определении условий договора напрямую предопределяются отношением к пониманию диспозитивности гражданско-правового регулирования. Диспозитивность, трактуемая как метод гражданско-правового регулирования, приводит к узкому формальному подходу при определении характера гражданско-правовых норм, что и имеет место в настоящее время. В случае если диспозитивность признается в качестве принципа гражданского права, то каждая норма должна трактоваться исходя из общей базовой презумпции диспозитивности вне рамок формального подхода.

Представляется, что достаточные основания для ограничения договорной свободы сторон отсутствуют в случае, если условия заключаемого договора не нарушают пределы договорной свободы. Более того, отдельные устоявшиеся подходы (например, к возможности установления задатка в предварительном договоре [20, с. 71]) изменяются и допускаются судебной практикой именно со ссылкой на свободу договора [20, с. 73].

Можно сделать вывод о том, что в Республике Беларусь имеются как правовые, так и социально-экономические предпосылки для придания нового вектора принципу договорной свободы договора и введения базовой презумпции диспозитивности в качестве принципа гражданского права. Для обеспечения реализации сторонами принципа свободы договора и выявления целевой направленности нормы, даже при ее формально императивном закреплении в законодательстве, будет использоваться механизм телеологического толкования. Договорная свобода может быть ограничена точно в ответ на очевидные злоупотребления правом.

Рассматривая возможность и перспективы реализации такого предложения, полагаем, что использовать в качестве инструмента юридической техники внесение изменений в многочисленные формально-императивные нормы ГК Республики Беларусь нецелесообразно, поскольку в различных договорных отношениях сторон одна и та же норма может иметь множественную вариативность по содержанию и изменяться различными способами. В связи с этим прямая фиксация пределов императивности и договорной свободы на уровне Основного Закона невозможна. При этом имеет смысл поставить вопрос о прямом закреплении в законо-

дательстве диспозитивности в качестве принципа гражданского права. Считаю целесообразным дополнить ч. 2 ст. 2 ГК Республики Беларусь нормой следующего содержания: «Участники гражданских правоотношений приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своих интересах. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (принцип диспозитивности)». Часть 3 ст. 2 ГК Республики Беларусь стоит исключить. В развитие данного предложения необходимо разъяснить на уровне постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь № 16 от 16.12.1999 «О применении норм

Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров» механизм реализации принципа диспозитивности и закрепить следующий алгоритм определения характера норм: производить анализ на предмет наличия прямого указания на императивность нормы и прямо выраженный запрет на ее изменение; если таковое отсутствует, то анализировать пределы договорной свободы (наличие или отсутствие нарушения особо охраняемых законом интересов, грубого нарушения баланса интересов сторон, императивности существа законодательного регулирования); если указанные основания ограничения договорной свободы отсутствуют, норма признается диспозитивной.

Библиографические ссылки

1. Брагинский М. И. Договорное право : в 5 кн. М., 1997. Кн. 1 : Общие положения.
2. Хохлов С. А. Концептуальная основа части второй Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 1996. Ч. 2.
3. Гражданское право : в 2 т. / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. М., 2002. Т. 1.
4. Розенберг М. Г. Некоторые актуальные вопросы практики разрешения споров в МКАС при ТПП РФ // Хозяйство и право. 2011. № 4. С. 52–64.
5. Садиков О. Н. Императивные и диспозитивные нормы в гражданском праве // Юрид. мир. 2001. № 7. С. 1–9.
6. Карпетов А. Г. Принцип свободы договора. Что тормозит его применение при заключении сделок по российскому праву // Арбитраж. практика. 2014. № 1. С. 125–128.
7. Карпетов А. Г., Бевзенко Р. С. Комментарий к нормам ГК РФ об отдельных видах договоров // Юридический институт М-Логос : [сайт]. URL: http://www.m-logos.ru/img/file/52512831_karapetov_bevzenko_svboda_dogovora.pdf (дата обращения: 20.02.2017).
8. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации № 9738/13 // Федеральные арбитражные суды РФ : [сайт]. URL: http://arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_376165c4-5dc4-4298-b726-7b23b3a517d4 (дата обращения: 20.02.2017).
9. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации № 16 // Федеральные арбитражные суды РФ : [сайт]. URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/106573.html (дата обращения: 20.02.2017).
10. Карпетов А. Г., Фетисова Е. М. Практика применения арбитражными судами постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Юридический институт М-Логос : [сайт]. URL: http://www.m-logos.ru/img/file/1656772560_statya_a_karapetova_i_e_fetisovoi_o_praktike_primeniya_postanovleniya_plenuma_vas_o_svbode_dogovora.pdf (дата обращения: 20.02.2017).
11. Гражданское право : в 2 ч. / под общ. ред. проф. В. Ф. Чигира. Минск, 2000. Ч. 1.
12. Молчанова Т. Н. Диспозитивность в советском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Свердловск, 1972.
13. Свердлык Г. А. Принципы советского гражданского права. Красноярск, 1985.
14. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972.
15. Толстой Ю. К. Принципы гражданского права // Правоведение. 1992. № 2. С. 49–54.
16. Маковский А. Л. Лекция, прочитанная в Высшем арбитражном суде РФ в декабре 1994 г. // Вестн. ВАС РФ. 1995. № 4. С. 34–41.
17. Гражданское право / под ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгалю, В. А. Плетенева. М., 2001.
18. Брюхов Р. Б. Диспозитивность в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Екатеринбург, 2006.
19. Знак М. А. Диспозитивность договорной ответственности в гражданском праве Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Минск, 2009.
20. Горецкий А., Ошмян Ю. Задаток в предварительном договоре: новеллы судебной практики // Юрист. 2016. № 10. С. 71–74.

References

1. Braginsky M. I. [Contract Law]: in 5 books. Moscow, 1997. Book 1 : [General provisions] (in Russ.).
2. Hohlov S. A. [The conceptual basis of part two of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, 1996. Part 2 (in Russ.).
3. [Civil law] : in 2 vol. Ed. by E. A. Sukhanov. Moscow, 2002. Vol. 1 (in Russ.).
4. Rozenberg M. G. [Some actual questions of the dispute solution in MKAS TPP RF]. *Hozyaistvo i pravo*. 2011. No. 4. P. 52–64 (in Russ.).
5. Sadikov O. N. [Imperative and dispositive provisions in the civil law]. *Yuridicheskii mir*. 2001 No. 7. P. 1–9 (in Russ.).
6. Karapetov A. G. [Principle of contract freedom. What inhibits its implementation while contract formation under the Russian law]. *Arbit. praktika*. 2014. No. 1. P. 125–128 (in Russ.).

7. Karapetov A. G., Bevzenko R. S. [Commentary on the norms of the Civil Code of the Russian Federation on certain types of contracts]. URL: http://www.m-logos.ru/img/file/52512831_karapetov_bevzenko_svboda_dogovora.pdf (date of access: 20.02.2017) (in Russ.).
8. Decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 9738/13. URL: http://arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_376165c4-5dc4-4298-b726-7b23b3a517d4 (date of access: 20.02.2017) (in Russ.).
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 16. URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/106573.html (date of access: 20.02.2017) (in Russ.).
10. Karapetov A. G., Fetisova E. H. [Practice of application by arbitration courts of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of March 14, 2014 No. 16 «On Freedom of Contract and Its Limits»]. URL: http://www.m-logos.ru/img/file/1656772560_statya_a_karapetova_i_e_fetisovoi_o_praktike_primeniya_postanovleniya_plenuma_vas_o_svbode_dogovora.pdf (date of access: 20.02.2017) (in Russ.).
11. [Civil law] : in 2 parts / ed. by prof. V. F. Chigir. Minsk, 2000. Part 1 (in Russ.).
12. Molchanova T. N. [Dispositiveness in Soviet Civil Law] : disertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.03. Sverdlovsk, 1972 (in Russ.).
13. Sverdlyk G. A. [Principles of Soviet Civil Law]. Krasnoyarsk, 1985 (in Russ.).
14. Yakovlev V. F. [Civil-law method of regulation of social relations]. Sverdlovsk, 1972 (in Russ.).
15. Tolstoy U. K. [Principles of civil law]. *Pravovedenie*. 1992. No. 2. P. 49–54 (in Russ.).
16. Makovsky A. L. [Lectures being read at Supreme Arbitration Court RF in the December 1994]. *Vestn. VAS RF*. 1995. No. 4. P. 34–41 (in Russ.).
17. [Civil Law]. Ed. by T. I. Illarionova, B. M. Gongalo, V. A. Pleteneva. Moscow, 2001 (in Russ.).
18. Bryukhov R. B. [Dispositiveness in Civil Law of Russia]: disertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.03. Ekaterinburg, 2006 (in Russ.).
19. Znak M. A. [Possibility of contractual liability in the civil law of the Republic of Belarus] : avtoreferat dissertatsii ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.03. Minsk, 2009 (in Russ.).
20. Goretsky A., Oshmyan Ju. [Deposit in the preliminary contract: novels of judicial practice]. *Jurist*. 2016. No. 10. P. 71–74 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 20.03.2017.
Received by editorial board 20.03.2017.*

УДК 347.1

ПОНЯТИЕ ФИНАНСОВОГО ЧАСТНОГО ОТНОШЕНИЯ (ПРАВООТНОШЕНИЯ)

С. П. ПРОТАСОВИЦКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется понятие финансового частного отношения (правоотношения) на основе триады философских категорий (вещи, свойства, отношения). Отмечается, что ключевым свойством субъектов финансов, порождающим такие отношения, выступает обладание финансовым имуществом. Выделяются два типа финансовых частных отношений. В отношениях первого типа владельцу финансового имущества корреспондирует каждый, кто не обладает этим конкретным имуществом. Отношения второго типа выражают совместное обладание одним финансовым имуществом. Автор приходит к выводу о том, что финансовое частное отношение – это связь частных субъектов финансов, детерминированная обладанием финансовым имуществом. Выявляется, что правовую форму финансовым частным отношениям придают частноправовые свойства субъектов финансов. Правовое регулирование данных отношений состоит в моделировании частных финансовых правоотношений. На основании анализа устанавливается, что финансовое частное правоотношение – это связь субъектов частного права, детерминированная их частноправовыми свойствами, сопутствующими обладанию финансовым имуществом.

Ключевые слова: обладание финансовым имуществом; финансовое частное отношение; финансовое частное правоотношение.

CONCEPT OF FINANCIAL PRIVATE (LEGAL) RELATIONSHIP

S. P. PRATASAVITSKI^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The concept of financial private (legal) relationship is researched on the basis of the triad philosophical categories (things, attributes and relationship). It is noted that a key attribute of subject of finance which generates such a relationship appears possession of financial property. There are two types of private financial relationship. In the first type of the relationship, a possessor of financial property has a correspondent who does not have this particular property. The second type of relationship is expressed by joint possession of the same financial property. In the view of the author private financial relationship is a relationship of private subjects of finance determined by possession of financial property. Private-law attributes of subjects of finance give legal form to financial private relationship. The author concludes that financial private legal relationship is a relationship of subjects of private law determined by their private-law attributes associated with possession of financial property.

Key words: possession of financial property; financial private relationship; financial private legal relationship.

Финансы, как объект частноправового регулирования, представляют собой систему – общую целостность элементов, организованную посредством соподчинения частному праву. Ее компоненты – объекты и субъекты финансов, а также финан-

совые частные отношения. В научном познании последних мы опираемся на триаду философских категорий: вещи, свойства, отношения. А. И. Уемов отмечает: «Всякая наука, каков бы ни был ее предмет, изучает вещи, их свойства и отношения. Можно

Образец цитирования:

Протасовицкий С. П. Понятие финансового частного отношения (правоотношения) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 50–53.

For citation:

Pratasavitski S. P. Concept of financial private (legal) relationship. *J. Belarus. State Univ. Law*. 2017. No. 2. P. 50–53 (in Russ.).

Автор:

Сергей Петрович Протасовицкий – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского права юридического факультета.

Author:

Sergey Pratasavitski, PhD (law), docent; associate professor at the department of civil law, faculty of law.
sp@pershae.by

изучать главным образом вещи, преимущественно отдельные свойства или отношения, но нельзя изучать что-либо иное, кроме вещей, свойств и отношений» [1, с. 3].

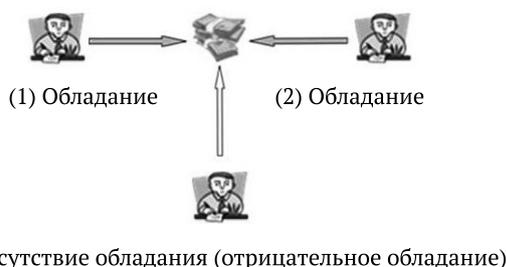
В общем смысле вещь – это все, что может быть объектом мысли. В философском плане вещь подразумевает и субъект финансов, т. е. участника финансовых частных отношений.

Новая философская энциклопедия дает следующее определение: «Свойство – характеристика объекта <...>, определяющая его вид, тип, поведение и пр.» [2, с. 510]. Именно свойства вещей объясняют отношения между ними. Г. В. Ф. Гегель отмечал, что «вещь обладает свойствами; они суть <...> ее определенные соотношения с другим; свойство имеется лишь как некоторый способ отношения друг к другу. <...> Разные вещи находятся благодаря их свойствам в существенном взаимодействии» [3, с. 581, 585]. По мнению А. И. Умова, «свойство является тем, что объединяет отдельные вещи в систему, т. е. удовлетворяет определению отношения» [1, с. 64]. Следовательно, финансовые частные отношения детерминированы свойством их участников.

Субъекты финансов имеют множество свойств, но в данной работе согласно предмету исследования выделим одно свойство – обладание финансовым имуществом. Именно оно порождает финансовые частные отношения.

Их частная природа исключает субъектов, осуществляющих в них государственные функции. Иначе говоря, финансовые частные отношения возникают только между частными субъектами финансов. Финансовое качество отношений объясняется свойством обладания. Финансовые отношения существуют в процессе изменения монетарного состояния субъекта. В данном исследовании процесс – это последовательность монетарных состояний. В каждом из них субъект обладает финансовым имуществом.

Поскольку финансовые частные отношения детерминированы обладанием финансовым имуществом, они имеют два структурных типа (см. рисунок). Первый составляют отношения «обладание – отсутствие обладания» (1 – 3, 2 – 3), второй – «обладание – обладание» (1 – 2).

Структура обладания финансовым имуществом
Structure of possession of financial property

В отношениях первого типа владельцу финансового имущества корреспондирует каждый, кто не обладает этим конкретным имуществом. Отношения второго типа выражают совместное обладание одним финансовым имуществом, например отношения сособственников, лиц на стороне кредитора или должника, сторон обязательства (финансовое требование и долг в последнем случае рассматриваются в единстве).

Г. В. Лейбниц заметил, что «всякое отношение – это либо отношение сравнения, либо отношение связи (сopcoours). Отношение сравнения дает различие и тождество <...> что приводит к понятиям тождественного и различного, сходного и несходного. Связь содержит в себе <...> совместное существование» [4, с. 365]. «При наличии взаимосвязи между вещами, – пишет А. И. Умов, – изменение одной вещи вызывает изменение другой. Взаимоотношение же не означает, что изменение одной вещи определяет какое-то изменение другой. <...> Поэтому категории связи и отношения нельзя отождествлять друг с другом» [1, с. 50–51]. Вместе с тем некоторые авторы занимают однозначную позицию, усматривая сущность отношения либо в сравнении, либо в связи. «Сущность отношения состоит в сопоставлении, или сравнении, двух вещей друг с другом», – утверждал Дж. Локк [5, с. 372]. С точки зрения Н. М. Коркунова, «всякое отношение предполагает связь, зависимость и вытекающую из этой зависимости возможность воздействия. Где нет зависимости, нет и отношения» [6, с. 201].

Существенным признаком финансовых частных отношений выступает обладание финансовым имуществом. Изменение в обладании невозможно без изменения на стороне одного из корреспондентов владельца. Отчуждение финансового имущества сопровождается его приобретением (т. е. возникновением обладания у того, кто корреспондировал владельцу в отношениях первого типа). Погашение финансового долга означает изменение не только на стороне должника, но и на стороне кредитора – корреспондента должника (владельца долга) – в отношениях второго типа. Значит, финансовые частные отношения являются собой не сравнение (различие, тождество), а связь (совместное существование) субъектов финансов.

Таким образом, финансовое частное отношение – это связь частных субъектов финансов, детерминированная обладанием финансовым имуществом.

Будучи участниками отношений, субъекты финансов избирают один из альтернативных вариантов финансового поведения. Мы наблюдаем бездействие (пассивное поведение) либо действие, которое направлено на конкретное изменение монетарного состояния (активное поведение). Финансовое поведение зависит от хаотичной внешней среды и индивидуальных свойств субъекта, что

может вызвать социальный беспорядок, поэтому финансовые частные отношения подлежат правовому регулированию.

Последнее заключается в наделении субъектов финансов частнопровыми свойствами:

1) признанию за ними финансовой частной правоспособности;

2) императивном и диспозитивном определении прав и обязанностей, а также основания их возникновения и прекращения.

Юридические свойства субъектов финансов придают финансовым частным отношениям правовую форму. Другими словами, правовое регулирование данных отношений состоит в моделировании частных финансовых правоотношений.

Правоотношение является традиционным предметом научного внимания в правоведении. В то же время, как верно отмечает В. А. Белов, «ни в теории права, ни в цивилистической науке до сих пор так и не достигнуто единство мнений по важнейшим вопросам учения о правоотношении (гражданском правоотношении); так, продолжает оставаться открытым даже вопрос о том, а что, собственно, следует понимать под правоотношением (гражданским правоотношением)» [7, с. 454].

Согласно Н. М. Коркунову, «юридические отношения предполагают юридическую связь зависимости в форме правообязанности и обусловленное этой зависимостью правопритязание или право, полномочие» [6, с. 203]. «Эта связь, – писал Я. М. Магазинер, – заключается в том, что когда на одном лице обязанность, то у другого есть право на то самое, к чему обязано другое. Равным образом и наоборот: когда у одного лица есть право, т. е. когда у одного есть возможность действовать определенным образом, то другой – связан необходимостью действовать в согласии с этой возможностью, т. е. не препятствовать ей (*non facere*), терпеть ее осуществление (*pati*) или содействовать ее осуществлению (*facere*)» [8, с. 221–222]. Н. Г. Александров понимал под правовым отношением особую связь, характеризующуюся наличием у одного лица возможности, защищаемой государственным принуждением, требовать от другого лица такого поведения, которое является должным при данных обстоятельствах [9, с. 9]. С. С. Алексеев, в свою очередь, усматривал в правоотношении индивидуализированную общественную связь между управомоченными и обязанными лицами [10, с. 82]. Подобную позицию занимает и Л. А. Чеговадзе: «Правовое отношение – это социальная связь его участников посредством принадлежности субъективных прав и/или обязанностей» [11, с. 60].

Многие авторы определяют правоотношение через общественное отношение. О. С. Иоффе видел в правоотношении «условие существования или преобразования, способ движения и конкре-

тизации, средство закрепления общественных отношений» [12, с. 527]. С. Ф. Кечекьян считал, что правоотношения – это специфические общественные отношения, возникающие в результате осуществления норм права, а также форма экономических и иных общественных отношений, которые отражаются в правоотношениях как их содержание [13, с. 5, 8]. С точки зрения Ю. К. Толстого, правоотношения – особые идеологические отношения, посредством которых норма права регулирует фактические общественные отношения [14, с. 20]. На взгляд Р. О. Халфиной, правоотношения представляют собой общественные отношения, урегулированные нормой права [15, с. 51].

По мнению Ю. Г. Ткаченко, «не существует правовых в собственном смысле отношений, а есть лишь правовой способ регулирования общественных отношений» [16, с. 102]. Вместе с тем исследователь называет правоотношением модель индивидуального поведения людей, возникающую на основе общей модели – нормы права [16, с. 115]. «Правоотношение-модель» с точки зрения структуры есть совокупность прав и юридических обязанностей субъектов, состоящая из соединений права с обязанностью, права с правом, обязанности с обязанностью, сепаратных прав и сепаратных обязанностей» [16, с. 174].

«Под правоотношением, – полагает В. Н. Протасов, – в юриспруденции понимается на самом деле не отношение в его собственном, структурном смысле, не правовая связь, а единство этой связи и тех явлений, которые предполагаются в качестве элементов правоотношения. Другими словами, последнее рассматривается юридической наукой как некая целостность, имеющая свой состав и свою структуру» [17, с. 42].

Анализируя существующие подходы к понятию правоотношения, В. А. Белов выделяет четыре теории: преобразования, удвоения (социальной связи), а также формальную и синтетическую (комплексную) [7, с. 454–462]. В работе исследователь приходит к выводу о том, что правоотношение «не может быть сведено ни к самому общественному отношению, урегулированному нормами права, ни к особому общественному отношению идеологического порядка. Оно может быть охарактеризовано скорее как возможная (должная или запрещенная) форма (структурная модель) фактического (жизненного) отношения, выражающаяся в системе социальных представлений о возможном и должном поведении участников этого отношения. <...> Правоотношение – это всего лишь идеальная (умозрительная, мыслимая) “связка” из субъективного права и обеспечивающей его реализацию юридической обязанности, представляющая собою отражение объективно существующих взаимосвязей между различными сторонами конкретных

фактических отношений “в зеркале” той оценки, которая дается поведению их участников правовыми нормами» [7, с. 458, 463].

Следуя нашему понятию финансового частного отношения и учитывая выход на первый план юридических свойств субъектов финансов, мы можем заключить, что финансовое частное правоотношение – это связь субъектов частного права, детерминированная их частнопровыми свойствами, которые сопутствуют обладанию финансовым имуществом.

Обладание финансовым активом невозможно без наличия субъективного права на него, а финансовым долгом – без юридической обязанности. Иначе говоря, обладание обусловлено частнопровыми свойствами обладателя. Финансовых частных отношений вне правовой формы не бывает. Как писал О. С. Иоффе, «некоторые обществен-

ные отношения вначале существуют сами по себе и лишь при определенных условиях преобразуются в правовые отношения или выступают в качестве одного из оснований их возникновения, тогда как другие общественные отношения только и могут существовать как отношения правовые, прекращая свое существование вместе и одновременно с тем, как они утрачивают юридический характер» [12, с. 523].

Таким образом, финансовое частное отношение – это связь частных субъектов финансов, детерминированная обладанием финансовым имуществом. Оно существует исключительно в правовой форме, принимая вид финансового частного правоотношения, под которым мы понимаем связь субъектов частного права, детерминированную их частнопровыми свойствами, которые сопутствуют обладанию финансовым имуществом.

Библиографические ссылки

1. Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963.
2. Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010. Т. 3.
3. Гегель Г. В. Ф. Сочинения : в 14 т. М., 1937. Т. 5.
4. Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. М., 1983. Т. 2.
5. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. М., 1985. Т. 1.
6. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М., 2010.
7. Белов В. А. Гражданское право : в 4 т. М., 2016. Т. 1.
8. Магазинер Я. М. Избранные труды по общей теории права. СПб., 2006.
9. Александров Н. Г. Юридическая норма и правоотношение. М., 1947.
10. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2.
11. Чеговадзе Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения. М., 2004.
12. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2009.
13. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.
14. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л., 1959.
15. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.
16. Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980.
17. Протасов В. Н. Правоотношение как система. М., 1991.

References

1. Uemov A. I. [Things, attributes and relationship]. Moscow, 1963 (in Russ.).
2. [New encyclopedia of philosophy] : in 4 vol. Moscow, 2010. Vol. 3 (in Russ.).
3. Hegel G. W. F. [Works] : in 14 vol. Moscow, 1937. Vol. 5 (in Russ.).
4. Leibniz G. W. [Works] : in 4 vol. Moscow, 1983. Vol. 2 (in Russ.).
5. Locke J. [Works] : in 3 vol. Moscow, 1985. Vol. 1 (in Russ.).
6. Korkunov N. M. [Lectures on the general theory of law]. Moscow, 2010 (in Russ.).
7. Belov V. A. [Civil law] : in 4 vol. Moscow, 2016. Vol. 1 (in Russ.).
8. Magazinier Ia. M. [Selected works on the general theory of law]. Saint Petersburg, 2006 (in Russ.).
9. Aleksandrov N. G. [Legal rule and legal relationship]. Moscow, 1947 (in Russ.).
10. Alekseev S. S. [General theory of law] : in 2 vol. Moscow, 1982. Vol. 2 (in Russ.).
11. Chegovadze L. A. [Structure and a state of civil legal relationship]. Moscow, 2004 (in Russ.).
12. Ioffe O. S. [Selected works on civil law. From the history of the civil law science thought. Civil relationship. Criticism of «Business law» theory]. Moscow, 2009 (in Russ.).
13. Kechek'ian S. F. [Legal relationship in socialist society]. Moscow, 1958 (in Russ.).
14. Tolstoi Iu. K. [On the theory of legal relationship]. Leningrad, 1959 (in Russ.).
15. Khal'fina R. O. [General doctrine of legal relationship]. Moscow, 1974 (in Russ.).
16. Tkachenko Iu. G. [Methodological issues of the theory of legal relationship]. Moscow, 1980 (in Russ.).
17. Protasov V. N. [Legal relationship as a system]. Moscow, 1991 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 23.02.2017.
Received by editorial board 23.02.2017.

УДК 347.783.55

СУЩНОСТЬ ОСНОВНЫХ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ОТРАЖАЮЩИХ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТОВАРА

О. О. ЯДРЕВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается правовая охрана объектов интеллектуальной собственности, которые отражают географическое место происхождения товара. Они включают указание происхождения товара, географическое указание и наименование места происхождения товара. На основании изучения международных актов и позиций ученых устанавливаются различные точки зрения по вопросу сущности правовой охраны указания происхождения товара. По результатам их сопоставления впервые выделяются критерии, различные сочетания которых обуславливают возможность охраны обозначения в качестве указания происхождения товара, а также географического указания и наименования места происхождения товара. На основании исследования национальных законодательств зарубежных стран производится классификация основных систем правовой охраны обозначений географического места происхождения товара. Проведенный анализ позволяет выстроить систему правовой охраны обозначений географического места происхождения товара при помощи объектов интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: географическое происхождение; интеллектуальная собственность; указание происхождения товара; географическое указание; наименование места происхождения товара.

DISCLOSURE OF MAJOR OBJECTS OF INTELLECTUAL PROPERTY, REFLECTING THE GEOGRAPHICAL ORIGIN OF GOODS

A. A. YADREUSKI^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article deals with the legal protection of intellectual property objects, which reflect the geographical place of origin – the indication of source, geographical indications, appellation of origin. Based on the study of international acts and positions of scientists identified the author of various points of view on the nature of the legal protection of indications of source. As a result of comparing them for the first time highlighted criteria, different combinations of which stipulate the possibility of protection of designation as an indication of source, geographical indications, appellations of origin. Based on the study of national legislations of foreign countries the author classifies the main systems of legal protection of geographical designations. The analysis allows to build a system of legal protection of geographical designations by means of intellectual property objects.

Key words: geographical origin; intellectual property; indication of origin; geographical indications; appellations of origin.

При индивидуализации товара существенное значение имеет отражение места его происхождения (производства, изготовления), так как по-

требитель может соотносить с таким местом качество и иные характеристики товара. В некоторых случаях такое отражение может осуществляться

Образец цитирования:

Ядревский О. О. Сущность основных объектов интеллектуальной собственности, отражающих географическое происхождение товара // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 54–58.

For citation:

Yadreuski A. A. Disclosure of major objects of intellectual property, reflecting the geographical origin of goods. *J. Belarus. State Univ. Law*. 2017. No. 2. P. 54–58 (in Russ.).

Автор:

Олег Олегович Ядревский – преподаватель кафедры гражданского права юридического факультета.

Author:

Aleh Yadreuski, lecturer at the department of civil law, faculty of law.
oleg501@yandex.ru

при помощи объектов интеллектуальной собственности. На международном уровне старейшим из таких объектов является указание происхождения товара (далее – УПТ). Нормы об УПТ закреплены в Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. (далее – Парижская конвенция), а также в Мадридском соглашении о пресечении ложных или вводящих в заблуждение указаний происхождения на товарах 1891 г. (далее – Мадридское соглашение). Однако ни первый, ни второй документ не содержат определения этого объекта. В своем комментарии к Парижской конвенции Г. Боденхаузен указал, что под УПТ обычно понимаются все выражения или все знаки, используемые для того, чтобы показать, что данный продукт произведен определенной страной или группой стран, в конкретном регионе или ином определенном месте [1, с. 33]. Такой же подход доминирует в публикациях Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). Согласно данному подходу, даже если товар не обладает какими-либо свойствами, связанными с местом его происхождения, обозначение данного места на товаре будет охраняться как УПТ. Таковую же позицию можно встретить в многочисленных публикациях западных и российских исследователей [2, S. 3; 3, с. 64]. В частности, ее придерживается известный российский цивилист А. П. Сергеев [4, с. 607].

Несмотря на доминирование такого подхода, интересной представляется точка зрения российского исследователя А. Н. Григорьева. По его мнению, «в действительности мы можем говорить об УПТ как правовой категории только тогда, когда имеется сложившаяся репутация этого товара применительно к данному географическому месту. Как показывает практика, один лишь факт, что предприятие выбрало конкретное географическое место для своей деятельности (производства или оказания услуг), еще не делает это географическое имя УПТ» [5, с. 17]. Другими словами, без определенной репутации географическое обозначение является указанием на место нахождения изготовителя или продавца, его адресом, служащим информацией общего характера [6, с. 8]. На основе изложенного исследователь приходит к выводу о том, что географическое обозначение «может стать УПТ <...> только в процессе деятельности предприятия и только тогда, когда у потребителя выработается четкая взаимосвязь между местом производства или реализации товара и его свойствами» [7, с. 18].

Аналогичной точки зрения придерживаются и некоторые зарубежные исследователи, которые относят к УПТ обозначения, указывающие на географический объект, который имеет определенную репутацию, связанную с географическим местом [8, р. 109]. Более того, данный подход, как указывает К. Бретхауер, используется в практике охраны УПТ

в Германии, где определяющее значение для признания обозначения УПТ имеет восприятие его таковым среднестатистическим потребителем. Если обозначение является малоизвестным и не воспринимается как географическое, то к нему не применяются положения о защите от ложных УПТ [9].

Для лучшего понимания данной точки зрения рассмотрим суть правовой охраны УПТ. Парижской конвенцией запрещено использование ложных либо вводящих в заблуждение указаний о месте происхождения продукта. Необходимость этого запрета обусловлена прежде всего тем, что потребителю должна быть предоставлена достоверная информация о продукте, включая и место его происхождения. Такая информация необходима не сама по себе, а прежде всего в связи с тем, что у потребителя место происхождения товара ассоциируется с его свойствами, пусть даже и общего характера (например, высокое качество немецких товаров). Это формирует репутацию или так называемый гудвилл обозначения, что характерно для правовой охраны любых средств индивидуализации (товарных знаков, фирменных наименований). Если же у потребителя представление о месте происхождения товара не связано с какими-либо свойствами, что в большей степени характерно для малоизвестных указаний, то такое обозначение для него не будет являться средством индивидуализации товара.

В целях более удобного восприятия данной позиции предлагаем ввести несколько понятий:

- 1) «объективный критерий» – для характеристики связи свойств товара с местом его происхождения;
- 2) «субъективный критерий» – для характеристики восприятия потребителем обозначения как географического наименования;
- 3) «объективно-субъективный критерий» – для характеристики связи свойств товара с местом его происхождения, которая воспринимается потребителем.

По мнению А. Н. Григорьева, УПТ может охраняться лишь для обозначений с объективно-субъективным критерием. В то же время нельзя исключать ситуацию, когда товар производится на территории малоизвестного географического объекта и его свойства отчасти обусловлены местом происхождения, что в большей степени характерно для сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров (например, недавно открытый источник минеральной воды). В этой ситуации из трех критериев присутствует только объективный. Однако если такому обозначению не будет предоставляться правовая охрана в рамках запрета указания ложных обозначений, то это может привести к значительному ущербу для производителей. В случае появления контрафактных товаров

у потребителя сформируется ложное представление о свойствах подлинного товара. То есть и такому обозначению необходимо обеспечить охрану в качестве УПТ.

Если же говорить об обозначениях, формально не являющихся ложными, но способных ввести в заблуждение (например, названия маленьких городов в США, аналогичных названиям европейских столиц), то здесь у обозначения должен наличествовать субъективный критерий, поскольку при формально истинном указании на место происхождения у потребителя могут возникнуть ошибочные представления о его происхождении, что в дальнейшем приведет к ошибочному представлению о свойствах товара.

Таким образом, полагаем, что правовая охрана УПТ направлена прежде всего на защиту товаров, которые обладают некоторыми свойствами, связанными с местом их происхождения. При этом неважно, имеется ли у потребителей соответствующая взаимосвязь между происхождением товара и его свойствами, главное, чтобы такая взаимосвязь существовала объективно (объективный критерий).

Эта позиция распространяется только в отношении запрета ложных обозначений. Обозначения, которые способны ввести потребителя в заблуждение относительно места происхождения, должны восприниматься как территория определенного географического объекта, на которой производится товар (субъективный критерий).

Полагаем, что такой подход позволяет наиболее точно отразить сущность УПТ как одного из объектов промышленной собственности согласно Парижской конвенции и Мадридскому соглашению.

Следует отметить, что УПТ чаще всего охраняется в рамках законодательства о защите прав потребителей (от ложных и вводящих в заблуждение обозначений), а также в рамках законодательства о запрете недобросовестной конкуренции. В то же время в некоторых странах УПТ является единственным объектом интеллектуальной собственности для отражения географического происхождения товара. В Германии это отражено в национальном законодательстве в соответствии с национальным законом о товарных знаках (*Gesetz über den Schutz von Marken und sonstigen Kennzeichen*).

Сегодня понятие УПТ в международном, региональном и национальном законодательстве, а также в публикациях вытесняется понятием «географическое указание» (далее – ГУ) в терминологии Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашения ТРИПС) 1994 г. Этот термин используется лишь для товаров с определенным качеством, репутацией либо иными свойствами, которые имеют значительную связь с географическим происхождением. Из со-

держания п. 2 ст. 22 Соглашения ТРИПС можно сделать вывод о том, что такая охрана предоставляется как против всех действий, являющихся актами недобросовестной конкуренции, так и против всякого использования географического происхождения продукта, которое может ввести потребителей в заблуждение.

Для большинства товаров правовой режим охраны ГУ сходен с соответствующим правовым режимом в отношении УПТ по Парижской конвенции и Мадридскому соглашению. И в том и в другом случае обязательным является лишь объективный критерий, т. е. обусловленность характеристик товара его географическим происхождением. Для обозначений, способных ввести в заблуждение, важен также субъективный критерий. В определении ГУ в Соглашении ТРИПС содержится формулировка «значительная степень обусловленности свойств товара географическим происхождением». Это обстоятельство отсутствует в трактовке УПТ. На официальном сайте ВОИС в разделе «Географические указания. Часто задаваемые вопросы» отмечается, что в отличие от ГУ в терминологии Соглашения ТРИПС УПТ «не подразумевает наличия особых качеств, репутации или характеристик продукта, которые были бы в значительной степени обусловлены местом его происхождения» [10]. Как отмечалось ранее, при охране обозначения в качестве УПТ характеристики товара могут быть связаны с его географическим происхождением лишь в самом общем виде. Кроме того, понятие «географическое происхождение» трактуется некоторыми авторами лишь как зависимость свойств товара от природных условий [11].

Можно сделать вывод о том, что понятие ГУ в терминологии Соглашения ТРИПС является несколько более узким, чем понятие УПТ по Парижской конвенции. Ст. 23 Соглашения ТРИПС предусматривает дополнительный объем правовой охраны ГУ для вин и крепких спиртных напитков. Объем их правовой охраны приближается к такому объекту, как наименование места происхождения товара (далее – НМПТ).

Следует отметить, что правовая охрана НМПТ на международном уровне была предоставлена Лиссабонским соглашением об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации 1958 г. (далее – Лиссабонское соглашение). Главным отличием НМПТ от УПТ и ГУ является то, что для признания обозначения НМПТ свойства товара должны определяться главным образом географической средой, включая природные и человеческие факторы. Для охраны обозначений с такими характеристиками необходимо предоставлять владельцам охраняемый документ, который закрепляет особые свойства товара и предоставляет право использовать такое обозначение только

его обладателям. Указанное обозначение, помимо прочего, должно быть известно потребителям. Следовательно, в качестве НМПТ может охраняться только обозначение с объективно-субъективным критерием. Это обуславливает и объем правовой охраны, так как запрещается использование не только ложных либо вводящих в заблуждение обозначений, но и любых обозначений, которые неправомерно используют репутацию товара с НМПТ.

На дипломатической конференции ВОИС 20 мая 2015 г. был принят Женевский акт Лиссабонского соглашения о НМПТ и ГУ (далее – Женевский акт), который представляет собой измененное Лиссабонское соглашение. Основным его новшеством стало предоставление возможности для ГУ международной регистрации наряду с НМПТ. Определение географического указания весьма схоже с определением, которое дается в Соглашении ТРИПС. Отличием является то, что в соответствии с Женевским актом ГУ, также как и НМПТ, подлежит регистрации с выдачей охранного документа.

Следует отметить, что подобная система аналогична системе, существующей в рамках Европейского союза на основании Регламента ЕС № 1151/2012 «О правовой охране географических указаний и обозначений происхождения сельскохозяйственных и пищевых продуктов». Данный регламент использует термины «охраняемое НМПТ» (*protected designation of origin, PDO*) и «охраняемое ГУ» (*protected geographical indication, PGI*). Вместе с тем оба термина могут быть использованы лишь в отношении сельскохозяйственных продуктов и продовольственных товаров.

В соответствии с Регламентом ЕС № 1151/2012 и охраняемое НМПТ, и охраняемое ГУ должны представлять собой наименование, используемое для обозначения товара, происходящего с территории определенного объекта, местности, а в исключительных случаях – с территории определенной страны. При этом для охраняемого НМПТ качества или характеристики товара определяются главным образом географической средой, включая природные и человеческие факторы, а все стадии производственного процесса осуществляются на территории указанного географического объекта. Для охраняемого ГУ качества, репутация или иные свойства товара должны быть существенно связаны с его географическим происхождением и как минимум одна из стадий производственного процесса должна осуществляться на этой территории. Объем правовой охраны этих наименований не отличается и сводится к охраняемому НМПТ в терминологии Лиссабонского соглашения.

В случае с НМПТ, как и в случае с ГУ, в терминологии Женевского акта и Регламента 1151/2012 речь идет об обозначении товара с определенными свойствами, исключительно, главным образом или

в значительной степени обусловленными его географическим происхождением. Необходимость их правовой охраны в порядке регистрации вызвана, во-первых, необходимостью подтверждения наличия свойств обозначаемого товара, а во-вторых, воспрепятствованием неправомерному использованию репутации обозначения. Неправомерное использование обозначения может приводить как к ослаблению репутации, так и к превращению НМПТ либо ГУ в родовое понятие. Правовая охрана НМПТ и ГУ закреплена в законодательстве многих европейских стран (например, во Франции).

В странах общего права (в частности, в США) до настоящего времени не выделяется каких-либо специальных объектов для отражения географического происхождения товара. В этой сфере действует лишь законодательство о противодействии недобросовестной конкуренции (против использования рекламных материалов, образцов или фотографий изделий конкурента в целях выдать свою продукцию за продукцию конкурента). Чтобы обеспечить защиту обозначений географического места происхождения товара от расплывчатости и гарантировать особые свойства товара, в этих странах широко используется система сертификационных знаков – обозначений, право использования которых предоставляется уполномоченными государственными органами лишь тем производителям, которые соответствуют определенным требованиям. Используются также товарные знаки, прежде всего коллективные, для обозначения товаров, выпускаемых несколькими субъектами и обладающих едиными признаками [3, с. 69].

К настоящему времени в мире сформировалось несколько основных систем охраны обозначений товаров с определенными свойствами, обусловленными географическим происхождением:

1) немецкая. Не выделяет специального объекта для обозначения товаров с особыми свойствами. Основным средством охраны являются УПТ;

2) французская. Для обозначения товаров с особыми свойствами имеются специальные объекты – НМПТ и ГУ;

3) американская. Охрана обозначений товаров с особыми свойствами осуществляется в рамках закона о запрещении недобросовестной конкуренции и закона о сертификационных и коллективных знаках.

Таким образом, можно представить следующую систему охраны обозначений географического места происхождения товаров при помощи объектов интеллектуальной собственности:

1) обозначения, не обладающие объективным критерием любой, даже самой общей, степени, не подлежат правовой охране в качестве объектов интеллектуальной собственности, так как не являются средством индивидуализации товара;

2) обозначения, обладающие объективным критерием любой степени, охраняются в качестве УПТ в государствах – участниках Парижской конвенции и иных государствах, где предусмотрена их охрана от ложного использования. Если указанные обозначения обладают также и субъективным критерием, то они охраняются в государствах – участниках Мадридского соглашения и иных государствах, в которых предусмотрена охрана от вводящего в заблуждение использования;

3) обозначения, обладающие объективным критерием в значительной степени, охраняются в качестве ГУ в государствах – участниках ВТО и государствах, имеющих статус наблюдателя в ВТО, а также в иных государствах, где предусмотрена их охрана от ложного использования. Если указанные обозна-

чения обладают также и субъективным критерием, то они охраняются от использования, вводящего в заблуждение (такие же обозначения охраняются в качестве ГУ в государствах ЕС по смыслу Регламента 1151/2012 и Женевского акта). Вместе с тем для подтверждения объективного критерия данными документами предусмотрена регистрация ГУ;

4) обозначения, обладающие объективным, субъективным и объективно-субъективным критерием, охраняются в качестве НМПТ в государствах – участниках Лиссабонского соглашения, государствах ЕС в соответствии с Регламентом 1151/2012, а также в других государствах, где предусмотрена их охрана против неправомерного использования репутации таких обозначений наряду с перечисленной охраной ГУ.

Библиографические ссылки

1. *Боденхаузен Г.* Парижская конвенция по охране промышленной собственности. М., 1977.
2. *Spuhler O.* Das System des internationalen und supranationalen Schutzes von Marken und geographischen Herkunftsangaben. Berlin, 2000.
3. *Тыцкая Г. И., Мамиофа И. Э., Мотылева В. Я.* Правовая охрана товарных знаков, фирменных наименований, указаний и наименований места происхождения товаров в капиталистических и развивающихся странах. М., 1985.
4. *Сергеев А. П.* Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 1999.
5. *Григорьев А. Н.* Критерии охраны географических указаний // Интеллектуал. собственность. 1995. № 5–6. С. 15–19.
6. *Григорьев А. Н.* Охрана географических указаний. М., 1995.
7. *Григорьев А. Н.* Соотношение товарного знака и географического указания // Патенты и лицензии. 1994. № 7. С. 17–21.
8. *Gevers F.* Trademarks and Geographic Names // Symposium of the international protection of geographical indications. (Santenay, 9 and 10 Novemb., 1989). Geneva, 1990. P. 109–120.
9. *Brethauer C.* Der Schutz der geographischen Herkunftsangaben // Just law Rechtsanwälte : [site]. URL: <http://www.markenrecht.justlaw.de/geographische-herkunftsangaben.htm> (date of access: 05.07.2016).
10. Часто задаваемые вопросы: географические указания // WIPO. Всемирная организация интеллектуальной собственности : [сайт]. URL: http://www.wipo.int/geo_indications/ru/faq_geographicalindications.html (дата обращения: 07.07.2016).
11. *Josling T.* What is in a name. The economics, law and politics of Geographical indications for food and beverages [Electronic resource] // IIIS Discuss. Pap. № 109. URL: <http://tcd.ie/iiis/documents/discussion/pdfs/iiisd109pdf> (date of access: 07.07.2016).

References

1. Bodenhausen G. [Paris convention for the protection of industrial property]. Moscow, 1977 (in Russ.).
2. Spuhler O. The system of international and supranational protection of trademarks and geographical indications of origin. Berlin, 2000 (in Ger.).
3. Тыцкая Г. И., Мамиофа И. Э., Мотылева В. Я. [Legal protection of trademarks, trade names, indications and appellations of origin in capitalist and developing countries]. Moscow, 1985 (in Russ.).
4. Sergeev A. P. [Intellectual property rights in the Russian Federation]. Moscow, 1999 (in Russ.).
5. Grigor'ev A. N. [Criteria for the protection of geographical indications]. *Intellektual'naja sobstv.* 1995. No. 5–6. P. 15–19 (in Russ.).
6. Grigor'ev A. N. [Protection of geographical indications]. Moscow, 1995 (in Russ.).
7. Grigor'ev A. N. [The ratio of trademarks and geographical indications]. *Pat. licenzii.* 1994. No. 7. P. 17–21 (in Russ.).
8. Gevers F. Trademarks and geographic names. Symposium of the international protection of geographical Indications (Santenay, 9 and 10 Novemb., 1989). Geneva, 1990. P. 109–120.
9. Brethauer C. Protection of geographical indications. Just law rechtsanwälte. URL: <http://www.markenrecht.justlaw.de/geographische-herkunftsangaben.htm> (date of the access: 05.07.2016) (in Ger.).
10. [Frequently asked questions: geographical indications]. *WIPO. World Intellectual Property Organization* : [site]. URL: http://www.wipo.int/geo_indications/ru/faq_geographicalindications.html (date of the access: 07.07.2016) (in Russ.).
11. Josling T. What is in a name. The economics, law and politics of Geographical indications for food and beverages. *IIIS Discuss. Pap.* No. 109. URL: <http://tcd.ie/iiis/documents/discussion/pdfs/iiisd109pdf> (date of access: 07.07.2016).

Ф И Н А Н С О В О Е П Р А В О И Н А Л О Г О В О Е П Р А В О

FINANCE LAW AND TAX LAW

УДК 346(476)

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН¹

О. М. КУНИЦКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проводится анализ влияния законодательных инициатив по совершенствованию национальных инновационных систем некоторых зарубежных стран с инновационной экономикой на формирование государственно-частного партнерства в сфере инновационной деятельности. Показывается, что в Республике Беларусь в настоящее время не решен вопрос об определении правовой природы данного вида партнерства, не изучены особенности его правового регулирования во взаимосвязи с формированием национальной инновационной системы. Автор приходит к выводу о том, что с научной точки зрения целесообразно, а с практической – необходимо изучать зарубежный опыт правового регулирования государственно-частного партнерства в сфере инновационной деятельности тех стран, которые достаточно успешно и в течение продолжительного времени внедряют данную инициативу. Исследование базируется на той позиции, что, с одной стороны, эффективные национальные инновационные системы зарубежных стран способствуют развитию государственно-частного партнерства в сфере инновационной деятельности, а с другой – такое партнерство может стать основой совершенствования национальной инновационной системы государства. Исследование проводится с учетом результатов переосмысления выработанной к настоящему времени научной доктрины правового регулирования государственно-частного партнерства и инновационной деятельности, что

---

¹Статья подготовлена на основе результатов, полученных в рамках научно-исследовательской работы (№ ГР 20164676 от 29.12.2016 г.), проводимой по заказу Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь.

Образец цитирования:

Куницкая О. М. Государственно-частное партнерство и национальные инновационные системы в праве зарубежных стран // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 59–63.

For citation:

Kunitskaya O. M. Public-private partnership and national innovation systems in the right of foreign countries. *J. Belarus. State Univ. Law.* 2017. No. 2. P. 59–63 (in Russ.).

Автор:

Ольга Михайловна Куницкая – кандидат юридических наук; доцент кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности.

Author:

Olga Kunitskaya, PhD (law); associate professor at the department of financial law and legal regulation of economic activity, faculty of law.
volhakun@mail.ru

является необходимым для дальнейшего обновления соответствующего законодательства, исключения имеющихся правовых пробелов и коллизий, разработки основополагающих подходов правового регулирования государственно-частного партнерства в сфере инновационной деятельности.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; инновационная деятельность; национальная инновационная система.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AND NATIONAL INNOVATION SYSTEMS IN THE RIGHT OF FOREIGN COUNTRIES

O. M. KUNITSKAYA^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article analyzes the impact of legislative initiatives on improving national innovation systems of some foreign countries with innovative economies on the formation of public-private partnership in the field of innovation. In the Republic of Belarus, the issue of determining the legal nature of public-private partnership in the sphere of innovative activity, the main features of its legal regulation in connection with the formation of a national innovation system has not yet been resolved. This makes it possible to draw a conclusion about the scientific feasibility and practical necessity of studying the foreign experience of the legal regulation of public-private partnership in the sphere of innovation activities of those countries that have successfully implemented public-private partnership over a long period of time. This research is based on the position that, on the one hand, effective national innovation systems of foreign countries contribute to the development of public-private partnership in the field of innovation, and on the other hand, public-private partnership can become the basis for improving the national innovation system of the state. The research is carried out taking into account the results of the rethinking of the scientific doctrine of the legal regulation of public-private partnership and innovation that has been developed to date, which is necessary for the further updating of the relevant legislation, the elimination of existing legal gaps and collisions, the development of basic approaches to the legal regulation of public-private partnership in the field of innovation activities.

Key words: public-private partnership; innovation; national innovation system.

Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) – важное средство вовлечения частного бизнеса в процесс создания инновационно ориентированной экономики. Ускоренное внедрение ГЧП – одна из системных задач деятельности Правительства Республики Беларусь в 2016–2020 гг. [1]. Основы осуществления ГЧП закреплены в гл. 1 Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. (далее – Государственная программа) [2].

Указанные положения отражены в нормах ст. 2 Закона Республики Беларусь от 30.12.2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве» (далее – Закон о ГЧП) [3], и в ст. 4, 8 Закона Республики Беларусь от 10.07.2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон об инновационной деятельности) [4].

В п. 3 ст. 22 модельного Инновационного кодекса для государств – участников СНГ, принятого постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ от 28.11.2014 г. № 41-23 [5] (далее – Инновационный кодекс СНГ), указывается, что национальная инновационная система (далее – НИС) функционирует с учетом ГЧП и выгодного взаимодействия субъектов государственного управления, субъектов научной, научно-технической, образовательной, инвестици-

онной и инновационной деятельности. Согласно ст. 1 Инновационного кодекса СНГ под НИС понимается совокупность государственных органов (организаций), которые регулируют отношения в сфере инновационной деятельности, а также совокупность юридических и физических лиц, осуществляющих и/или обеспечивающих инновационную, научную, научно-техническую и образовательную деятельность в пределах национальных границ. К НИС относится и комплекс институтов правового, финансового и социального характера, которые обеспечивают инновационный процесс и функционирование системы в целом. В ст. 1 Закона об инновационной деятельности изложено определение данного понятия, оно уже не включает институты правового, финансового и социального характера, обеспечивающие инновационный процесс и функционирование НИС.

В условиях недостаточного опыта реализации механизмов ГЧП в Республике Беларусь представляется целесообразным проанализировать зарубежные законодательные инициативы по развитию ГЧП в инновационной сфере и основные подходы к формированию НИС.

Суть ГЧП в инновационной сфере должна состоять в согласовании интересов его участников, координации их действий при доведении новшеств до возможности их применения, максимально

эффективном использовании финансовых и интеллектуальных ресурсов для реализации инновационных проектов. Партнеры с разной степенью активности могут участвовать во всех этапах инновационного проекта.

Взаимоотношения участников ГЧП в инновационной сфере, как правило, обусловлены спецификой инновационного процесса, а также совместной разработкой и внедрением передовых технологий [6, с. 24].

Применительно к опыту некоторых зарубежных стран ученые-экономисты представляют ГЧП не как традиционную экономическую форму (в этом смысле к ГЧП относится партнерство в коммунальной и транспортной сферах, строительстве), а как инструмент НИС – инновационное государственно-частное партнерство (далее – ИГПЧ). Высокая степень экономических рисков отдельных участников НИС обуславливает потребность в кооперировании ради получения требуемых уровней эффективности затрат на инновации, т. е. объединения их в ГЧП. Благодаря партнерству достигается значительная экономия совокупных издержек участников, на несколько лет сокращаются сроки реализации проектов, риски распределяются в пользу наиболее подходящих для этой цели участников ГЧП [6, с. 15].

Правовое обеспечение ГЧП в инновационной сфере в том или ином государстве зависит от его политики и общей стратегии (модели) поддержки инновационной деятельности. Во многом это определяет НИС.

Стратегия централизованного регулирования предполагает, что существенно возрастает роль государства в активизации инновационной деятельности. Такая тенденция характерна для Японии, Франции, Нидерландов и других стран. Государству принадлежит ведущая роль в выборе приоритетов научно-технического развития [7].

В стратегии децентрализованного регулирования на первое место в научно-технической и инновационной деятельности выходят субъекты хозяйствования, государство стремится создать для них благоприятные правовые, экономические и другие условия (в США, Великобритании и др.). Децентрализованная модель НИС США ранее была в меньшей степени ориентирована на активное участие государства и реализацию программ ГЧП по сравнению с Китаем, Японией и странами Европы. НИС США связана со значительным реформированием именно этого элемента системы [6, с. 9].

Смешанная стратегия используется в странах, где в экономике значительную часть составляет государственный сектор. Правительство использует стратегию активного вмешательства в государ-

ственные предприятия. К остальным предприятиям применяется стратегия децентрализованного регулирования (например, в Швеции) [7].

В мировой практике богатейшим положительным опытом тесного взаимодействия науки, бизнес-сообщества и государства обладает США. На базе территориальной концентрации специализированных поставщиков и производителей, связанных технологической цепочкой, возникают инновационные кластеры, главная цель которых – мотивация университетов, научно-исследовательских центров и компаний на создание и коммерциализацию инновационных технологий (например, Силиконовая долина) [8, с. 99–100].

НИС США содержит в себе все элементы инновационного цикла: фундаментальную и прикладную науку, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР), различные структуры финансирования и налаженную систему коммерциализации инноваций [9, с. 70].

Развитию ГЧП в инновационной сфере США способствуют законодательные инициативы, ставящие целью оптимизировать процессы коммерциализации результатов научных исследований и разработок в готовые продукты, стимулировать кооперацию в процессе распространения новшеств [10, с. 45].

Начало этому процессу положил ряд законодательных актов. Первым стал акт Бая – Доула¹ (1980) о поправках к закону о патентах и товарных знаках (*The Bayh-Dole Actor Patent and Trademark Law Amendments Act of 1980*). Он предоставил университетам возможность получать права интеллектуальной собственности на разработки за счет средств федерального бюджета США. Это способствовало эффективному взаимодействию между правительством, университетами и частным сектором в части передачи прав собственности и поощрения лицензирования федеральных изобретений частному сектору [11].

Закон Стивенсона – Уайдлера² о технологических нововведениях 1980 г. (*The Stevenson-Wydler Technology Innovation Act of 1980*) дополнил закон Бая – Доула в части прав на результаты интеллектуальной собственности, не относящиеся к патентным. Он был направлен на содействие в передаче технологий из сферы науки в производство с активным участием в этом федеральных лабораторий. Оба закона были направлены на увеличение эффективности следующих процессов:

- использования частным сектором плодов научных исследований и разработок, полученных при поддержке федерального правительства;

- передачи технологий, полученных в ориентированных на конкретные цели исследованиях

¹Инициировали сенаторы Б. Бай и Б. Доул.

²Инициировали сенаторы А. Стивенсон и Д. Уайдлер.

и разработках, посредством финансовой помощи либо в форме инвестиций в национальные лаборатории, их персонал и инфраструктуру (закон Стивенсона – Уайдлера) [11].

Закон о национальных кооперативных исследованиях 1984 г. (*National Cooperative Research Act of 1984*) вывел за рамки действия антitrustовского законодательства создание научно-исследовательских консорциумов с участием промышленных компаний и университетов на доконкурентных стадиях исследований и разработок. При помощи этого закона были сняты препятствия для формирования венчурных организаций.

Закон о трансфере федеральных технологий 1986 г. (*Federal Technology Transfer Act of 1986*) предоставил федеральным лабораториям возможность заключать с частным сектором кооперативные соглашения по НИОКР. Эти соглашения создали новый правовой инструмент взаимодействия государственного и частного сектора в США в сфере коммерциализации технологий.

Закон о торговле и конкуренции 1988 г. (*Omnibus Trade and Competitiveness Act of 1988*) закрепил нормы о создании центров трансфера промышленных технологий и промышленных услуг, призванных содействовать достижению соглашения в процессе передачи технологий.

В 1980–2000 гг. благодаря указанным законодательным актам, а также закону о национальной конкурентоспособности при передаче технологий 1989 г. (*National Competitiveness Technology Transfer Act of 1989*), и закону о национальных кооперативных исследованиях и производстве 1993 г. (*The National Cooperative Research and Production Act of 1993*) в США была сформирована юридическая сторона взаимодействия участников инновационной деятельности.

В последующие годы законодательство США – закон о конкурентоспособности Америки в XXI в. 2007 г. (*America Competes Act of 2007*), закон о создании в Америке возможностей для значительного содействия в вопросах технологий, образования и науки 2011 г. (*America Creating Opportunities to Meaningfully Promote Excellence in Technology, Education and Science of 2011*) и др. – было направлено на улучшение функционирования ГЧП в инновационной сфере [12, с. 52].

В настоящее время многие европейские страны (Австрия, Бельгия, Дания, Франция, Германия, Португалия, Испания, Великобритания) закрепили американскую правовую модель стимулирования и ускорения коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности [13, с. 65]. Это важнейшая составляющая НИС любой страны.

На европейском уровне проблема инновационной деятельности впервые была озвучена в 1995 г., после чего были созданы первые документы, опре-

делившие приоритетные направления по распространению инноваций в странах – членах ЕС: Зеленый документ по проблемам инноваций 1995 г. (*Green Paper on Innovation, 1995*), Первый план действий по распространению инноваций в Европе 1996 г. (*The First Action Plan for Innovation in Europe, 1996*) и др. Однако впервые европейская инновационная политика была сформулирована в Лиссабонской стратегии, которая была одобрена главами государств и правительств стран ЕС в 2000 г. Лиссабонская стратегия направлена на создание к 2010 г. в Европе конкурентоспособной, динамически развивающейся инновационной политики, которая опирается на знания экономики [13, с. 66].

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что законодательство об инновациях в зарубежных странах направлено на создание благоприятной среды для развития взаимовыгодной кооперации между частным и государственным секторами, на обеспечение эффективности использования частным сектором плодов научных исследований и разработок, полученных при поддержке правительства, а также передачи технологий, полученных в ориентированных на конкретные цели исследованиях и разработках, посредством финансовой помощи либо в форме инвестиций в национальные лаборатории, их персонал и инфраструктуру [13, с. 67–68].

Если в данном контексте говорить о Республике Беларусь, то возникает вопрос о зрелости и готовности НИС к развитию инновационного ГЧП. Централизованная модель НИС Беларуси определяет специфику форм взаимодействия ее участников. На первый план выходит решение задачи по развитию участников НИС – университетов, бизнеса, государства – и правового регулирования их связей в рамках ГЧП.

Система ГЧП в инновационной сфере служит механизмом реализации цели эффективного и сбалансированного объединения субъектов НИС. Многие из опыта современного реформирования НИС США с использованием ИГЧП имеет значение для экономики [6, с. 322].

Проведенный анализ показывает тесную связь и взаимовлияние НИС и ГЧП. Правовое обеспечение ГЧП в инновационной сфере в том или ином государстве зависит от его политики и общей стратегии (модели) поддержки инновационной деятельности. Во многом это определяет НИС.

Совершенствование НИС в Республике Беларусь должно быть основано на принятии нормативных правовых актов, направленных на активизацию всех участников инновационной деятельности на принципах ГЧП. При этом формирование правовых основ ГЧП в сфере инновационной деятельности должно происходить с учетом особенностей ее осуществления и правового регулирования.

Библиографические ссылки

1. О Программе деятельности Правительства Республики Беларусь на 2016–2020 годы, утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 5 апр. 2016 г., № 274 // Совет Министров Республики Беларусь : [сайт]. URL: http://www.government.by/upload/docs/pdp2016_2020.pdf (дата обращения: 05.03.2017).
2. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 31 янв. 2017 г., № 31 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. URL: http://www.pravo.by/upload/docs/op/P31700031_1486414800.pdf (дата обращения: 25.02.2017).
3. О государственно-частном партнерстве : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2015 г., № 345-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. URL: http://www.pravo.by/upload/docs/op/H11500345_1451595600.pdf (дата обращения: 03.03.2017).
4. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 425-3, в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2016 г., № 364-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=H11200425> (дата обращения: 03.03.2017).
5. Постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ «О модельном Инновационном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств» // Право Беларуси : [сайт]. URL: <https://www.lawbelarus.com/006743> (дата обращения: 17.01.2017).
6. Фролов А. В. Государственно-частное партнерство в инновационной экономике США : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.14. М., 2015.
7. Мамедов А. А. Инновационная деятельность в России: проблемы правового регулирования // *Налоги*. 2009. № 5. URL: <http://www.center-bereg.ru/l2110.html> (дата обращения: 17.02.2017).
8. Гарусова Л. Н., Климова Е. Ю. Инновационное развитие современного университета: опыт США // *Вестн. Владивосток. гос. ун-та экономики и сервиса*. 2013. № 4. С. 94–110.
9. Калинин В. Важнейшие условия формирования национальной инновационной системы в Российской Федерации // *Власть*. 2011. № 6. С. 69–71.
10. Волинкина М. В. Правовая модель регулирования инновационных отношений // *Инновации*. 2010. № 6. С. 43–48.
11. Законодательная основа инновационной деятельности в США. Информационно-аналитические материалы Государственной думы Российской Федерации // Государственная дума : [сайт]. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4581/15937> (дата обращения: 17.02.2017).
12. Судариков А. Л., Грибов А. В. Государственно-частные партнерства в сфере науки, технологий и инноваций: зарубежный опыт // *Инновации*. 2012. № 7. С. 47–59.
13. Грибанов Д. В. Зарубежный опыт правового регулирования отношений в сфере инновационного развития // *Вестн. Тюмен. гос. ун-та*. 2011. № 3. С. 64–69.

References

1. Program of the Government of the Republic of Belarus for 2016–2020. Decree of the Council of Ministers of the Republic of Belarus, 5 April, 2016, No. 274. URL: http://www.government.by/upload/docs/pdp2016_2020.pdf (date of access: 05.03.2017) (in Russ.).
2. About the State Program of Innovative Development of the Republic of Belarus for 2016–2020. Decree of the President of the Republic of Belarus. Belarus, 31 January 2017, No. 31. URL: http://www.pravo.by/upload/docs/op/P31700031_1486414800.pdf (date of access: 25.02.2017) (in Russ.).
3. On public-private partnership. Law of the Republic of Belarus, 30 December, 2015, No. 345-3. URL: http://www.pravo.by/upload/docs/op/H11500345_1451595600.pdf (date of access: 03.03.2017) (in Russ.).
4. On the state innovation policy and innovation activity in the Republic of Belarus. Law of the Republic of Belarus, 10 July, 2012, No. 425-3, as amended by the Law of the Republic of Kazakhstan. Belarus from 11.05.2016, № 364-3. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=H11200425> (date of access: 03.03.2017) (in Russ.).
5. Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States «On the Model Innovation Code for the Member States of the Commonwealth of Independent States». URL: <https://www.lawbelarus.com/006743> (date of access: 17.01.2017) (in Russ.).
6. Frolov A. V. [Public-Private Partnership in the US Innovation Economy] : Dissertations Doct. econ. of sciences: 08.00.14. Moscow, 2015 (in Russ.).
7. Mamedov A. A. [Innovative activity in Russia: problems of legal regulation]. *Nalogi*. 2009. No. 5. URL: <http://www.center-bereg.ru/l2110.html> (date of access: 17.02.2017) (in Russ.).
8. Garusova L. N., Klimova E. Y. [Innovative development of a modern university: the US experience]. *Vestnik Vladivost. Gos. Univ. ekonomiki i serv.* 2013. No. 4. P. 94–110 (in Russ.).
9. Kalinov V. [The most important conditions for the formation of a national innovation system in the Russian Federation]. *Vlast*. 2011. No. 6. P. 69–71 (in Russ.).
10. Volinkina M. V. [Legal model of innovation relations regulation]. *Innovacii*. 2010. No. 6. P. 43–48 (in Russ.).
11. The legislative basis of innovation in the United States. Information and analytical materials of the State Duma of the Russian Federation. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4581/15937> (date of access: 17.02.2017) (in Russ.).
12. Sudarikov A. L., Gribovski A. V. [Public-private partnerships in the field of science, technology and innovation: foreign experience]. *Innovacii*. 2012. No. 7. P. 47–59 (in Russ.).
13. Gribanov D. V. [Foreign experience of legal regulation of relations in the sphere of innovative development]. *Vestnik Tumenskogo Gos. Univ.* 2011. No. 3. P. 64–69 (in Russ.).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.231

МЕХАНИЗМ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПНЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ И УЧЕТ ЭТИХ ОСОБЕННОСТЕЙ В КОНСТРУКЦИЯХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*И. О. ГРУНТОВ*¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечается, что суть уголовного закона обусловлена многими обстоятельствами. Немаловажное значение при этом имеет конструкция уголовно-правовых норм. Обращается внимание на процесс создания конкретной конструкции состава преступления, при котором необходимо учитывать особенности структуры объекта уголовно-правовой охраны и механизм его изменения преступным воздействием. Рассматриваются структура объекта уголовно-правовой охраны и механизм изменения его общественно опасным посягательством. На конкретных примерах показана необходимость при создании конструкции состава преступления учитывать особенности структуры объекта уголовно-правовой охраны и механизм его изменения преступным воздействием.

Ключевые слова: объект преступления; общественное отношение; структура объекта; ущерб; конструкция состава посягательства.

Образец цитирования:

Грунтов И. О. Механизм изменения объекта преступным воздействием и учет этих особенностей в конструкциях составов преступлений // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 64–76.

For citation:

Grountov I. O. The mechanism of change of an object criminal influence and the accounting of these features in designs of crime components. *J. Belarus. State Univ. Law.* 2017. No. 2. P. 64–76 (in Russ.).

Автор:

Игорь Олегович Грунтов – доктор юридических наук, доцент; заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета.

Author:

Igor Grountov, doctor of science (law), docent; head of the department of criminal law, faculty of law.
crimlaw.bsu@tut.by

THE MECHANISM OF CHANGE OF AN OBJECT CRIMINAL INFLUENCE AND THE ACCOUNTING OF THESE FEATURES IN DESIGNS OF CRIME COMPONENTS

I. O. GROUTOV^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

A lot of circumstances are determined criminal law essentiality. Constructions of statutes of criminal law as crucial factors govern criminal law essentiality. Special aspects of structure of the criminal law defended object and mechanism of its change by criminal influence must be factored as a crucial thing into designing of a corpus delicti. In article questions of structure of an object of criminal legal protection and the mechanism of change of an object are considered by socially dangerous encroachment. It is shown that during creation of a concrete design of corpus delicti it is necessary to consider features of structure of an object of criminal legal protection and the mechanism of its change by criminal influence.

Key words: object of crime; social relation; structure of object of crime; composition of a corpus delicti.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) наряду с другими кодексами создает основу деятельности всех государственных органов в сфере борьбы с преступностью. От содержания норм УК зависит эффективность деятельности правоприменительных органов.

Суть уголовного закона обусловлена многими обстоятельствами. Немаловажное значение имеет то, каким образом сконструированы уголовно-правовые нормы. При описании конкретных составов посягательств, как правило, применяются довольно известные методы конструирования: логический, системный, грамматический и др.

В процессе создания конкретной конструкции состава преступления необходимо учитывать особенности структуры объекта уголовно-правовой охраны и механизм его изменения преступным воздействием.

Уголовное право предусматривает средства защиты не только от преступлений, но и от опасного деяния невменяемых лиц, от поведения граждан в состоянии крайней необходимости, делового риска и др. В связи с этим важно различать понятия «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления», так как их объем не совпадает.

Механизм изменения объекта преступным воздействием рассматривался многими исследователями и связывался с процессом воздействия на структуру объекта [1, с. 177]. В. Я. Таций отмечает, что определение субъектного состава охраняемых общественных отношений и их социальных функций позволяет установить механизм причинения ущерба объекту. В одних случаях ущерб причиняется путем непосредственного воздействия на сам субъект общественного отношения (например, террористический акт, убийство, телесное повреждение), в других – его причиняет сам субъект, являющийся непосредственным участником охраняемого общественного отношения.

В последнем случае ущерб наносится путем самоисключения участника общественно полезного и охраняемого уголовным законом отношения

из этого отношения. Виновное лицо не исполняет либо ненадлежаще исполняет возложенные на него обязанности, чем и разрывает эту социальную связь. Преступление совершается как бы изнутри общественного отношения одним из его участников. Такой механизм причинения ущерба охраняемому отношению возможен только при совершении преступления специальным субъектом.

Если общественно опасное посягательство осуществляется путем воздействия на самих участников общественных отношений, выступающих в качестве объекта определенного преступления, то имеет место уже иной механизм причинения ущерба; субъект, подвергшийся преступному посягательству занимает иное правовое положение. Такие преступления совершаются извне лицами, не являющимися участниками охраняемого отношения. Во всех таких случаях преступник разрывает те или иные общественные отношения и причиняет им вред посредством разрушающего воздействия. Участник охраняемого общественного отношения, которому причинен вред, всегда выступает как потерпевший от преступления. Такими субъектами отношений могут быть не только отдельные граждане, но и их коллективы, юридические лица и т. д. [2, с. 29–30].

В. К. Глистин, говоря о механизме причинения вреда объекту преступления, отмечает, что посягательство в объективной действительности всегда непосредственно воздействует либо на личность, либо на предмет (вещь, благо), либо на определенную деятельность. Отдельные элементы – не механическое соединение составных частей, а лишь различные свойства единого явления. Исключение из отношения или изменение одного из элементов влечет трансформацию всего отношения. «Предметы, вещи, являясь носителями определенных общественных отношений, служат основой, базой отношений между лицами, звеном, которое определяет положение субъектов в конкретной их связи, характер их деятельности по поводу данного предмета. Вне связи с субъектами предмет сам по

себе, не имея значимости для людей, безразличен для них и, следовательно, для права. Посягательство на предмет – всегда посягательство на отношение, существующее по поводу данного предмета» [3, с. 123–124].

В конструировании состава посягательства важным является понимание связи между объектом посягательства, деянием и общественно опасными последствиями.

Ряд исследователей в области теории уголовного права под преступными последствиями понимают вред объекту преступления. Например, А. Н. Трайнин отмечает: «Единственное, от чего уголовный закон охраняет и может охранять объект, – это от ущерба. <...> Ущерб, причиненный объекту посягательства, каковы бы ни были формы и объем этого ущерба <...> и является последствием, образующим необходимый элемент каждого преступления» [4, с. 139–140]. В. Г. Смирнов считает, что «последствия преступления – это объективный ущерб, который причиняется деянием лица объекту посягательства – определенным общественным отношениям, охраняемым уголовным законом» [5, с. 261].

А. А. Пионтковский определяет преступные последствия как «предусмотренные уголовным законом изменения в окружающем мире, которые производятся под влиянием действия или бездействия лица и которые принадлежат к объективным признакам состава преступления. Эти преступные последствия прямо или косвенно причиняют ущерб тем или иным охраняемым законом объектам или, по крайней мере, создают опасность такого причинения» [6, с. 174]. По мнению И. С. Тишкевича, преступное последствие – это «вред, причиняемый социалистическим общественным отношениям преступным действием или бездействием» [7, с. 69].

Аналогичным образом данное понятие определяется и в более поздний период времени в российской учебной литературе: отмечается, что преступные последствия «надо толковать как следствие, вызванное человеческим действием, точнее, вызванные этими действиями изменения в объекте <...> преступный результат есть ущерб, причиненный, прежде всего, субъектам (участникам) общественных отношений, охраняемых уголовным правом» [8, с. 153].

В других изданиях преступные последствия понимаются как «причиненные действием (бездействием) вредные изменения в охраняемых уголовным законом объектах» [9, с. 227], «общественно опасные изменения в окружающем нас мире, вызванные деянием лица» [10, с. 418].

В отечественной учебной литературе того же периода времени это понятие трактуется аналогичным образом: «вред, причиняемый общественным

отношениям, образует преступные последствия» [11, с. 108]. Э. А. Саркисова под этим явлением понимает «существенный вред, причиненный преступлением объекту, охраняемому уголовным законом» [12, с. 139]; Н. А. Бабий – «предусмотренный уголовным законом существенный вред, причиняемый участникам общественных отношений путем посягательства на принадлежащие им социальные блага» [13, с. 73].

Другая группа авторов предлагает различать понятия «преступный вред» и «преступные последствия». Н. Д. Дурманов по этому поводу пишет: «...всякое специфическое человеческое, т. е. волевое, действие или бездействие всегда направляется на определенный объект, а действие или бездействие, коим совершается преступление, не может явиться исключением, под результатом следует понимать те качественные изменения, которые причинены объекту посягательства действием или бездействием субъекта. <...> Приняв изложенную точку зрения, легко разграничить действие и результат. Всякого рода воздействие на объект, хотя бы оно и производило некоторые несущественные изменения в объекте, должно быть отнесено к действию. Изменения качественного порядка (соответствующие описанным в диспозиции закона) образуют результат» [14, с. 56–57].

В. С. Прохоров в связи с этим отмечает: «если способность причинить ущерб объекту – общее свойство любого преступления, то характер ущерба и его размер зависят от особенностей деяния и условий, при которых оно совершается. Так как общественные отношения не обладают предметной материальностью, непосредственное определение характера причиняемого им ущерба исключается. Именно поэтому о характере и размере ущерба, причиненного объекту, судят по характеру деяния и тем изменениям, которые оно производит во внешнем мире» [15, с. 329]. Поэтому нужно разграничивать преступные последствия как ущерб объекту преступления и преступные последствия как тот материальный, политический, моральный и иной вред, причиненный участникам общественных отношений и тем социальным ценностям, по поводу которых устанавливаются эти отношения.

По поводу этих понятий В. Б. Малинин и А. Ф. Парфенов пишут: «...говоря о преступных последствиях в их реальном, действительном смысле, мы всегда имеем ввиду только сам факт порождаемых преступлением изменений окружающего мира. И не более того. Столь же несомненно, надо полагать, и то, что понятием преступного вреда фиксируется уже не столько сам факт изменений, сколько их значение для людей. Нюанс весьма существенный. Свидетельствуя об относительной самостоятельности названных понятий, он позволяет утверждать, что преступные последствия есть

часть объективной стороны состава преступления, в то время как преступный вред – характеристика, непосредственно касающаяся другого элемента состава – объекта посягательства» [16, с. 84]. Аналогичных взглядов придерживаются и некоторые другие ученые [17–19].

Третья группа исследователей считает, что общественно опасные последствия в структуре состава преступления занимают пограничное положение, связывают объект и объективную сторону. Так, по мнению А. И. Бойко, «вес последствий в структуре состава и вредоносности всего посягательства объясняется “двухэлементностью” данного признака, его срединным звучанием, связующей ролью между объектом и объективной стороной [20, с. 51–52]. Своим происхождением (причиняющий аспект) последствия обязаны деянию, а их содержание (в аксиологическом плане) обусловлено особенностями охраняемых общественных отношений». Общественно опасные последствия в структуре состава преступления занимают пограничное положение, связывают объект и объективную сторону [20, с. 56].

Сравнивая подходы ученых к пониманию преступных последствий, необходимо отметить следующее. В соответствии с ч. 1 ст. 11 УК преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное под угрозой наказания. В уголовном законе дано определение малозначительного посягательства, не являющегося преступлением. Под ним понимается «деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам». Следовательно, общественно опасным признается поведение, которое причинило или могло причинить существенный вред охраняемым уголовным законом интересам. Следовательно, любое преступление всегда причиняет существенный вред объекту преступления.

Как уже отмечалось, механизм причинения вреда объекту преступления предопределен структурой общественных отношений, взаимосвязью их элементов. Первый элемент общественных отношений можно представить следующим образом: люди – субъекты отношений, их поведение образует субстанцию – ткань отношений. Второй элемент заключается во взаимосвязи между субъектами, образующей общественное отношение. Поскольку людям незачем вступать в пустые беспредметные отношения, общественные отношения всегда предполагают существование предмета (объекта) отношения – той социальной ценности, существование которой связывает людей друг с другом [21; 22].

Нарушение общественного отношения может иметь место в случае посягательства на субъект общественного отношения. Воздействие может

быть физическим, например при убийстве, причинении телесного повреждения, или психическим, например при клевете, оскорблении или угрозе насилием.

Причинение вреда общественному отношению может состоять в разрыве социальной связи как содержания общественного отношения. Подобное посягательство может происходить в следующих ситуациях:

1) невыполнение лицом возложенной на него обязанности, например оставление в опасности (ч. 1, 2 ст. 159 УК); уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении (ст. 174 УК);

2) исключение лицом самого себя из определенного отношения, например при побеге из исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, арестного дома или изпод стражи (ст. 413 УК);

3) принятие неправомерного акта, изменяющего социальный статус субъекта, например вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта (ст. 392 УК) [23, с. 48].

Посягая на субъект общественного отношения или разрывая социальную связь как содержание этого отношения, причиняется вред и социальной ценности, существование которой связывает людей друг с другом. Предмет объекта – определенная социальная ценность, по поводу которой люди вступают в отношения. Она часто имеет материализованную оболочку, представляет собой вещь в реальной действительности, является доступной для восприятия извне, измерения и фиксации [24, с. 100]. В научной литературе социальную ценность именуют предметом преступления. При воздействии на предмет преступления всегда причиняется вред социальной ценности (предмету отношения), по поводу которой существует общественное отношение. Как отмечает А. В. Корнеева, способы воздействия на предмет преступления могут быть различными: возможно изменение социального статуса вещи (например, при хищении имущества) или вида и содержания предмета (например, при служебном подлоге). Кроме того, может иметь место посягательство на физическое свойство вещи (например, при уничтожении или повреждении имущества) [23, с. 48] и др.

Преступные последствия, как обязательный признак объективной стороны преступления, в законе описываются несколько иначе. При описании объективной стороны в качестве преступных последствий в законе указывается одно из обстоятельств:

1) физический вред, который причиняется субъекту общественного отношения (например, при

убийстве – смерть, при посягательстве против здоровья – телесное повреждение);

2) материальный либо имущественный вред предмету преступления (например, при уничтожении, повреждении имущества или его хищении);

3) вред социальной ценности, существование которой связывает людей друг с другом (например, при злоупотреблении властью или служебными полномочиями – причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам).

При характеристике некоторых последствий в законе могут сочетаться описание имущественного вреда предмету преступления и вред социальной ценности, по поводу которой возникли общественные отношения. Например, бездействие должностного лица влечет ответственность, если такое деяние причинило ущерб в крупном размере или существенный вред правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам (ч. 2 ст. 425 УК).

Сравнивая структуру объекта преступления с тем, что понимается в законе под преступными последствиями, необходимо отметить, что объект и объективная сторона тесно связаны между собой. Последствие преступления закон трактует как вред субъекту или предмету преступления либо социальной ценности, существование которой обуславливает связь между людьми. Одно из этих последствий является обязательным признаком объективной стороны конкретного посягательства. Субъект отношения, предмет преступления и социальная ценность являются обязательными элементами общественного отношения, охраняемого данной уголовно-правовой нормой. В этом проявляется тесная связь между объектом и объективной стороной преступления.

Вместе с тем между этими явлениями имеются существенные отличия. Как отмечается в научной литературе, ущерб, причиняемый предмету посягательства, отличается от ущерба, наносимого объекту преступления, по социальной и юридической природе. Каждое преступное деяние причиняет ущерб объекту преступления, нанесение ущерба предмету факультативно. «Если в ряде случаев ущерб, который причинен посягательством, описывается в конкретных составах преступлений Особенной части уголовного законодательства (материальные составы), то ущерб, нанесенный объекту преступления, никогда не указывается в законе как признак состава преступления. Каждый состав преступления содержит описание объекта, но не ущерба, причиняемого ему» [15, с. 335].

В законе указывается только непосредственный объект преступления, который охраняется определенной уголовно-правовой нормой, а не конкретный по своему характеру и размеру ущерб этому благу. Такое решение объясняется тем, что уголовным за-

коном охраняются общественные отношения, наиболее важные для нормального функционирования государственной и общественной системы.

Как уже отмечалось, виновный, воздействуя на любой элемент охраняемого общественного отношения (субъект отношения; предмет, по поводу которого оно существует; социальную связь как содержание отношения), фактически разрушает его. Такое поведение признается общественно опасным, так как причиняет существенный вред охраняемым уголовным законом интересам (ст. 11 УК). При этом деяние будет считаться общественно опасным независимо от того, повлекло оно, например, причинение ущерба в крупном размере либо существенного вреда охраняемым интересам или было прервано на стадии приготовления, покушения к такому посягательству.

Преступное последствие, в отличие от преступного вреда, является обязательным элементом только объективной стороны с материальной конструкцией состава преступления. Наступление преступных последствий является моментом фактического окончания преступления. Между деянием и наступившими преступными последствиями следует установить причинную связь. Это обуславливает необходимость различать понятия «преступный вред» и «преступные последствия».

Обобщая сказанное, отметим, что рассмотренные особенности структуры объекта уголовно-правовой охраны, тесная связь между объектом и объективной стороной посягательства, механизм изменения объекта преступным воздействием должны учитываться при конструировании объективных признаков конкретных составов преступлений.

Вместе с тем в действующем УК данные особенности не всегда учитываются в конструкциях составов посягательств в полной мере. Проиллюстрируем это на отдельных примерах.

Пример 1. В ст. 204 УК предусматривается ответственность за отказ в предоставлении гражданину информации. С объективной стороны преступление совершается путем незаконного отказа предоставить гражданину собранные в установленном порядке документы или материалы либо предоставления неполной или умышленно искаженной информации.

Уголовная ответственность по ст. 204 УК наступает, в том случае, если любое из названных деяний повлекло причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина. В научной литературе под существенным вредом при таком посягательстве предлагают понимать различные последствия, например неполучение пенсий или пособий жертвой политических репрессий в результате неполной или ложной информации архивного отдела КГБ о судьбе репрессированных лиц [25, с. 156]. Вред может выра-

зиться в неполучении каких-либо льгот или жилья [26, с. 348]. Последствия могут носить моральный характер в случае неполучения почетных званий, невозможности представить соответствующие документы для защиты своей чести и достоинства [27, с. 230–231]. Субъектом данного преступления является должностное лицо, обладающее информацией, которую оно обязано было предоставить гражданину [28; 29].

Непосредственный объект данного преступления – общественные отношения, обеспечивающие право гражданина на ознакомление с информацией, которая дает возможность осуществить его конституционные права, свободы и законные интересы. Под информацией в данном посягательстве понимают сведения, содержащиеся в документах или иных материалах, которые хранятся в государственных учреждениях или у должностных лиц. Отказ в предоставлении информации является незаконным, если такое решение противоречит требованию определенного нормативного акта. Представление неполной либо искаженной информации означает, что эти сведения отвечают не на все поставленные гражданином вопросы или заведомо не соответствуют действительности.

Сам факт незаконного отказа в предоставлении гражданину собранных в установленном порядке документов или материалов либо в предоставлении неполной или умышленно искаженной информации, затрагивающей его конституционные права, свободы и интересы, препятствует осуществлению последних. В данном случае виновным лицом нарушается общественное отношение, обеспечивающее право гражданина на ознакомление с информацией. В этом заключается общественная опасность данного посягательства.

Однако, несмотря на это, уголовная ответственность за преступление, предусмотренное ст. 204 УК, наступает, если создание препятствий для осуществления гражданином своих конституционных прав и свобод повлекло причинение существенного вреда его правам и законным интересам. Объективная сторона этого посягательства имеет странную конструкцию. Уголовная ответственность за это преступление наступает не в случае прямо причиненного вреда, а когда влечет за собой более отдаленные вредные последствия. Конструкция объективной стороны этого посягательства аналогична тому, как если бы в гл. 24 УК ответственность за хищение предусматривалась не за противоправное, безвозмездное завладение чужим имуществом, а в ситуации, когда такое последствие повлекло в свою очередь существенное нарушение прав потерпевшего (например, трудности с возвратом кредита, уплаты долга и др.).

Ошибка в конструировании объективной стороны данного посягательства влияет на содержание субъективной стороны преступления, пред-

усмотренного ст. 24 УК: по замыслу законодателя оно совершается умышленно, а умысел виновного охватывает все объективные признаки посягательства.

При условии, если объективная сторона этого преступления включает только последствие в виде создания препятствий для осуществления гражданином своих конституционных прав и свобод, содержание субъективных признаков характерно для умысла. В этом случае виновный сознает, что отказ в предоставлении гражданину собранных в установленном порядке документов или предоставление неполной либо умышленно искаженной информации является незаконным, а также предвидит, что такое поведение препятствует осуществлению гражданином своих конституционных прав и свобод, а значит, виновный этого желает, сознательно допускает либо относится к ситуации безразлично.

Установление уголовной ответственности за такое посягательство не в случае прямо причиненного вреда, а в ситуации наступления более отдаленных вредных последствий означает, что у виновного лица может отсутствовать умышленная форма вины. Объективная сторона этого посягательства сконструирована в ст. 204 УК таким образом, что лицо не может психически относиться к содеянному, как это предусмотрено в законодательной модели умысла [26, с. 349]. Сложившееся положение явно противоречит первоначальному замыслу законодателя [30, с. 104–105].

Учитывая эти обстоятельства, желательно внести изменения в диспозицию ст. 204 УК и сформулировать ее следующим образом: «Незаконный отказ должностного лица в предоставлении гражданину собранных в установленном порядке документов и материалов, затрагивающих его права, свободы и законные интересы, либо предоставление ему неполной или умышленно искаженной такой информации, создавшие препятствия осуществлению гражданином своих конституционных прав и свобод» [30, с. 107].

Пример 2. В ч. 1 примечания к гл. 24 УК дано определение хищения имущества. В качестве предмета преступления названо чужое имущество или право на него. В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» [31] разъясняется, что имущество или право на него считается чужим, если на момент завладения виновный не являлся его собственником или владельцем на законных основаниях.

При таком понимании предмета посягательства хищение имущества будет иметь место в том случае, если лицо завладело имуществом или приобрело право на имущество и не является его собственником или владельцем на законных основаниях.

Позиция Верховного Суда Республики Беларусь состоит в том, что содеянное виновным будет квалифицироваться как хищение имущества, если лицо завладело вещью и осознавало, что не является ее собственником или владельцем на законных основаниях. Но достаточно ли этого для признания содеянного в качестве хищения?

В действительности лицо может завладевать чужим имуществом или правом на него, не являясь собственником или владельцем этого имущества на законных основаниях, но при этом уголовно-правовая оценка будет разной. Она зависит от того, находилось ли чужое имущество в момент завладения у собственника или владельца на законных основаниях, или выбыло из обладания собственника или иного законного владельца при обстоятельствах, не свидетельствующих о наличии волеизъявления этих лиц об отказе от прав на данную вещь, или было брошено.

Преступление, предусмотренное ст. 215 УК «Присвоение найденного имущества», является одним из видов преступлений против собственности и заключается в присвоении в особо крупном размере найденного заведомо чужого имущества или клада.

В отличие от хищения в подобной ситуации виновный не совершает действий по изъятию имущества у собственника или иного законного владельца: имущество выбывает из обладания этих лиц в силу ряда причин (забыто, утеряно и т. п.) и находится в безнадзорном состоянии. При этом имущество, находящееся в пределах его надлежащего или обычного хранения (например, на территории склада, предприятия и т. д.), не может признаваться выбывшим из обладания собственника или иного законного владельца.

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) различает брошенную вещь и находку. В ст. 227 ГК отмечается, что движимые вещи, брошенные или иным образом оставленные собственником в целях отказа от права собственности на них, могут быть обращены другими лицами в свою собственность в порядке, установленном п. 2 ст. 227 ГК.

В гражданском праве находкой признают найденную вещь, которая выбыла из обладания собственника или иного законного владельца при обстоятельствах, не свидетельствующих о наличии волеизъявления этих лиц об отказе от прав на данную вещь. В соответствии со ст. 228, 229 ГК нашедший потерянную вещь обязан немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, собственника вещи или кого-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить и возвратить найденную вещь собственнику.

Если вещь найдена в помещении или транспорте, она подлежит сдаче лицу, представляющему

владельца этого помещения или транспортного средства. В этом случае лицо, которому сдана находка, приобретает права и несет обязанности лица, нашедшего вещь.

Нашедший вещь обязан заявить о находке в орган внутренних дел или орган местного управления и самоуправления, если лицо, имеющее право потребовать возврата найденной вещи, или место его пребывания неизвестны.

Нашедший вещь вправе хранить ее у себя, сдать на хранение в орган внутренних дел, орган местного управления и самоуправления или указанному ими лицу.

Скоропортящаяся вещь или вещь, издержки по хранению которой несоизмеримо велики по сравнению с ее стоимостью, может быть реализована нашедшими вещь с получением письменных доказательств, удостоверяющих сумму выручки. Деньги, вырученные от продажи найденной вещи, подлежат возврату лицу, уполномоченному на ее получение. Нашедший вещь отвечает за ее утрату или повреждение лишь в случае умысла или грубой неосторожности и в пределах стоимости вещи.

Порядок приобретения права собственности на находку предусматривает ст. 229 ГК. Если в течение шести месяцев с момента заявления о находке в орган внутренних дел или орган местного управления и самоуправления лицо, уполномоченное на получение утерянной вещи, не будет установлено и не заявит о своем праве на вещь нашедшему ее лицу в орган внутренних дел либо орган местного управления и самоуправления, нашедший вещь приобретает право собственности на нее. Если нашедший вещь откажется от приобретения ее в собственность, найденная вещь поступает в коммунальную собственность.

Гражданское законодательство предусматривает возможность возмещения расходов, связанных с находкой, и вознаграждения лицу, нашедшему вещь. Право на вознаграждение не возникает, если нашедший вещь не заявил о находке или попытался ее утаить (ст. 230 ГК).

В соответствии со ст. 215 ГК уголовно наказуемым является присвоение найденного заведомо чужого имущества или клада, если их сумма в 1000 и более раз превышает размер базовой величины, установленной на день совершения преступления [32].

С учетом сказанного необходимо отметить, что сущность преступления против собственности состоит в разрушении фактического отношения собственности: преступник, завладевая имуществом, уничтожает это отношение (без конкретной вещи нет факта отношения собственности). В связи с этим для понимания преступления против собственности важно определить юридические признаки объекта посягательства. Они должны

быть четко определены в законе. При совершении хищения виновным лицом должны осознаваться все объективные обстоятельства содеянного, в том числе и признаки, характеризующие предмет посягательства. Чрезмерно широкие границы определения этого элемента объекта преступления влияют на содержание интеллектуального признака умысла, что в итоге ведет к неправильной уголовно-правовой оценке содеянного.

Для того чтобы устранить этот недостаток, в п. 7 примечания к гл. 24 УК следует дать определение предмета хищения, указав его юридические признаки. Предлагаем следующую формулировку: «Предметом хищения является такое имущество, которое в момент завладения находилось у собственника или владельца на законных основаниях и не выбыло из обладания этих лиц в силу ряда причин (забыто, утеряно и т. п.) и не было ими брошено» [30, с. 107].

Пример 3. Ответственность за коммерческий подкуп предусматривается в ч. 1 ст. 252 УК. С объективной стороны данное преступление состоит в совершении двух вариантов поведения: получении работником индивидуального предпринимателя или юридического лица материальных ценностей за деяние в интересах дающего, связанное с выполнением этим лицом определенной работы и заведомо способное причинить вред охраняемым правом интересам собственника или его клиентов; в предоставлении такого вознаграждения.

Конструкция объективной стороны этого преступления является формальной. Характеристика деяния состоит в получении лицом незаконного материального вознаграждения. Способ его получения и форма, в которую оно облекается, не имеют значения для юридической оценки содеянного.

Признаком объективной стороны преступления является получение работником субъекта хозяйствования вознаграждения за планируемое или уже совершенное деяние в интересах дающего лица. Посягательство имеет место, если работник индивидуального предпринимателя или юридического лица получает вознаграждение не за уже совершенное или планируемое не любое деяние, а за действие или бездействие, связанное с исполняемой им работой.

Определяющим фактором данного преступления является обусловленность получения лицом материального блага и совершение деяния в интересах дающего. Предварительная обусловленность представления работником субъекта хозяйствования материального блага и использования им служебного или рабочего положения в интересах дающего является обязательным признаком коммерческого подкупа.

Сущность данного посягательства состоит в подкупе работника индивидуального предпри-

нимателя или юридического лица. В связи с этим совершение деяния в интересах другого лица, а затем без какой-либо обусловленности получение от него материального блага не может рассматриваться как коммерческий подкуп.

В соответствии со ст. 252 УК ответственность наступает при получении субъектом незаконного материального блага не за совершенное или планируемое любое деяние в интересах дающего, а за действие или бездействие, заведомо способное причинить вред интересам собственника предприятия или его клиентам. Деяние признается таковым, если оно – очевидно как для виновного, так и для других лиц – по своим объективным свойствам способно причинить вред интересам, указанным в законе лицам. Данное преступление считается юридически оконченным с момента получения хотя бы части материальных ценностей или услуг имущественного характера [33].

Субъективная сторона получения незаконного вознаграждения характеризуется прямым умыслом: лицо сознает, что получает деньги, ценные бумаги, иное имущество или услуги имущественного характера за совершенное или планируемое деяние по службе или работе и что такое деяние способно причинить вред интересам собственника или его клиентам, и при этом желает получения незаконного материального вознаграждения.

В ч. 1 ст. 252 УК в качестве второго варианта поведения предусматривается ответственность за предоставление незаконного материального вознаграждения работнику субъекта хозяйствования. Объективная сторона предоставления незаконного вознаграждения предполагает его вручение получателю независимо от того, каким способом это произошло.

Непосредственным объектом этого посягательства являются общественные отношения, охраняющие установленный порядок ведения конкурентной хозяйственной и предпринимательской деятельности в рыночных условиях. Получение коммерческого подкупа работником индивидуального предпринимателя или юридического лица нарушает порядок ведения честной конкурентной хозяйственной и предпринимательской деятельности в рыночных условиях. Такой же ущерб охраняемому общественному отношению причиняет посягательство в виде дачи коммерческого подкупа.

Описание предмета получения коммерческого подкупа и дачи его в законе осуществлено по-разному. В одной ситуации говорится о коммерческом подкупе, в другой – о предоставлении такого вознаграждения.

Например, в ч. 1 ст. 430 УК предусматривается ответственность за получение взятки. В диспозиции этой статьи довольно подробно описываются объективные признаки такого посягательства. В ч. 1

ст. 431 УК устанавливается ответственность за дачу взятки, а не за представление такого вознаграждения. Эти две конструкции составов преступлений отражают механизм взлома общественного отношения, охраняемого правовыми нормами. Данные обстоятельства составляют содержание умысла должностного лица, берущего взятку, и субъекта, ее предоставляющего.

Умыслом взяткодателя охватываются все объективные признаки ч. 1 ст. 430 УК, т. е. лицо сознает, что передает должностному лицу материальные ценности или предоставляет ему выгоды имущественного характера за совершенное или планируемое деяние по службе или за покровительство либо попустительство по службе в интересах дающего. Если бы в ч. 1 ст. 431 УК речь шла только о даче материального вознаграждения, то и умыслом должны были охватываться только эти (более узкого плана) объективные признаки.

Сходная ситуация сложилась и с конструкцией ч. 1 ст. 252 УК (в части деяния дающего лица). Субъектом предоставления вознаграждения является лицо, в интересах которого планируется или уже совершено деяние работником частного предпринимателя или организации за материальное подношение. Именно эти реалии и должна отражать конструкция всех признаков предмета данного посягательства в ч. 1 ст. 252 УК.

В связи с этим, на наш взгляд, в ч. 1 ст. 252 УК вместо выражения «либо предоставление такого вознаграждения» при описании посягательства следует использовать формулировку «либо дача коммерческого подкупа».

Пример 4. Ответственность за нарушение ветеринарных правил предусматривается в ст. 284 УК. Объективная сторона посягательства состоит в следующем:

- 1) нарушение ветеринарных или зоотехнических правил;
- 2) наступление последствий в виде распространения заразных болезней животных либо причинение ущерба в крупном размере;
- 3) наличие причинной связи между нарушением правил и наступившими последствиями.

В научной литературе непосредственным объектом этого преступления являются «общественные отношения, обеспечивающие безопасное состояние животного мира. Нарушение ветеринарных или зоотехнических правил может повлечь распространение заразных болезней» [34, с. 667]. Некоторые исследователи отмечают, что «опасность данного преступления определяется тем, что нарушение ветеринарных правил может вызвать распространение заразных болезней среди животных (в том числе и диких) и причинить значительный вред здоровью людей, а равно отдельным отраслям сельскохозяйственного произ-

водства. <...> Преступление <...> посягает на экологическую безопасность животного мира. При этом объектом уголовно-правовой охраны являются как домашние животные (лошади, коровы, козы, бараны, собаки, куры, утки, гуси и т. д.), так и дикие, т. е. проживающие в природной среде в состоянии естественной свободы (например, лоси, олени, козули)» [31, с. 531–532].

Заразные заболевания животных могут причинять различный по характеру и тяжести вред жизни и здоровью человека, физическому развитию животных, собственности и окружающей среде. Уголовно-правовые нормы не могут охранять общественные отношения, обеспечивающие безопасное состояние животного мира. Корректнее ставить вопрос об общественных отношениях, обеспечивающих безопасное состояние социальной ценности, защиту от заразных заболеваний животных. При этом необходимо говорить не о полной защите этой ценности, а о поддержании достаточного для функционирования экологической среды уровня защищенности социальных ценностей (жизни и здоровья человека, физического развития животных, собственности и окружающей среды) [35, с. 174].

Такое понимание позволило А. А. Пухову раскрыть содержание видового объекта и уголовно-правовой охраны посягательства, которое связано с возникновением заразных болезней животных, и определить ветеринарно-санитарную безопасность как объект уголовно-правовой охраны. По мнению исследователя, «ветеринарно-санитарная безопасность <...> представляет собой совокупность общественных отношений, обеспечивающих минимальный уровень защищенности жизненно важных интересов человека, общества и государства (неприкосновенность жизни и здоровья человека, нормальное физическое развитие животных, сохранность собственности физических и юридических лиц, благоприятная окружающая среда) от угроз, связанных с возникновением и (или) распространением заразных болезней животных» [36, с. 5].

Исследователь правильно, с нашей точки зрения, определяет механизм причинения вреда охраняемым отношениям при распространении заразных болезней животных. При этом, учитывая специфические особенности профилактики, лечения и ликвидации заразных болезней животных под наблюдением человека и в условиях естественной свободы, характер принимаемых мер и круг лиц, обязанных реагировать на возникновение их очагов, а также масштаб экономических потерь, автор дифференцирует механизм взлома охраняемого объекта при распространении заразных болезней домашних и диких животных [37; 38].

Методологически правильный подход к пониманию содержания объекта уголовно-правовой охраны и механизма причинения вреда охраняемым отношениям при распространении заразных болезней животных создал объективные предпосылки для того, чтобы ученый разработал иную конструкцию состава ст. 284 УК. А. А. Пуховым предложена материальная модель объективной стороны и произведена следующая дифференциация ответственности:

- в ч. 1 ст. 284 УК – нарушение ветеринарно-санитарных правил, повлекшее по неосторожности возникновение и (или) распространение заразной болезни, опасной исключительно для животного, либо причинение ущерба в крупном размере;

- в ч. 2 ст. 284 УК – возникновение и (или) распространение заразной болезни, опасной (общей) для животного и человека, либо заболевание человека либо причинение ущерба в особо крупном размере;

- в ч. 3 ст. 284 УК – нарушение ветеринарных правил, повлекшее смерть человека. Помимо того, автором предложена новая ст. 284-1 УК, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение ветеринарно-санитарных правил среди домашних животных, а также за нарушение правил охраны диких животных от заразных болезней, создавшее угрозу возникновения эпизоотии.

Пример 5. Ответственность за нарушение правил, установленных для борьбы с сорной растительностью, болезнями и вредителями растений, повлекшее по неосторожности гибель растительности или животных с причинением ущерба в крупном размере, устанавливается в ч. 1 ст. 280 УК.

Объективная сторона преступления, предусмотренного этой статьей, включает:

- 1) деяние, нарушающее правила, установленные для борьбы с сорной растительностью, болезнями и вредителями растений;

- 2) последствия в виде гибели растительности или животных с причинением ущерба в крупном размере;

- 3) причинную связь между деянием и наступившим последствием.

В научной литературе непосредственным объектом этого преступления называют «общественные отношения, обеспечивающие безопасное состояние растительности и животных. Несоблюдение правил, установленных для борьбы с сорной растительностью, болезнями и вредителями растений, оказывает негативное влияние на состояние флоры, нарушает нормальное функционирование животного мира, создает угрозу экологической безопасности» [34, с. 646].

«Это преступление посягает на экологическую безопасность в части охраны естественной растительности, а равно искусственных насаждений,

в том числе в городах и населенных пунктах, от болезней и вредителей. <...> Предметом преступления <...> являются сельскохозяйственные культуры, дикорастущие леса и растения, различные насаждения, лианы и пр., находящиеся в процессе произрастания» [35, с. 554–555].

Нарушение правил, установленных для борьбы с сорной растительностью, болезнями и вредителями растений, могут причинять различный по характеру и тяжести вред жизни и здоровью человека [39, с. 118–120; 40; 41], физическому развитию животных [42, с. 396, 400, 404, 406], собственности и окружающей среде. Как уже отмечалось, уголовно-правовые нормы не могут охранять общественные отношения, обеспечивающие безопасное состояние растительности и животных. В такой ситуации корректнее говорить не о полной защите этой ценности, а о поддержании уровня защищенности социальных ценностей (жизни и здоровья человека, физического развития животных, собственности и окружающей среды) от сорной растительности, болезней и вредителей растений, достаточного для функционирования экологической среды.

Диспозиция ст. 280 УК бланкетная и отсылает к различным подзаконным актам, положениям, инструкциям и распоряжениям, обязательным для «для определенной территории и вида растительности или растительного сообщества, т. е. совокупности видов растений, находящихся на одном участке в определенных отношениях между собой и с условиями окружающей среды, например, лес, степь, луг» [35, с. 555].

Для рационального использования сенокосов и пастбищ специалисты хозяйств должны иметь подробные сведения об их состоянии. В них должны содержаться данные о произрастании в угодьях ядовитых, вредных и сорных растений, а также рекомендации по их ликвидации. Эти сведения следует ежегодно дополнять и уточнять описанием каждого производственного участка, «так как ботанический состав травостоя со времени обследования может резко измениться под влиянием неправильного выпаса скота, ухода за ним и других факторов. Без этого нельзя разрабатывать и применять меры ухода за пастбищем (борьбу с сорными растениями, удобрение травостоя и т. д.), а также принимать решения о его назначении (пастбищное, сенокосное, сенокосно-пастбищное)» [42, с. 466–467]. Такие правила не распространяются на растительность, не включенную в хозяйственный оборот.

Профилактика, меры борьбы с сорной растительностью, болезнями и вредителями растений под наблюдением человека в процессе сельскохозяйственной деятельности и в условиях дикорастущих растений существенно различаются. Их спе-

цифика, как правило, закреплена в нормативных правовых актах. Исходя из этого, следует говорить об особенностях содержания объекта посягательства, описанного в ст. 280 УК. В качестве объекта правовой охраны можно назвать:

1) общественные отношения, обеспечивающие минимальный уровень защищенности жизни и здоровья человека, нормального физического развития животных, собственности и окружающей среды от болезней и вредителей растений и сорной растительности в процессе сельскохозяйственной деятельности;

2) общественные отношения, обеспечивающие минимальный уровень защищенности жизни и здоровья человека, нормального физического развития животных, собственности и окружающей среды от болезней и вредителей растений и сорной растительности в условиях дикорастущих растений.

Механизм изменения объекта правовой охраны, характер и особенности общественно опасных последствий, объективная возможность установления причинной связи между нарушением правил борьбы с болезнями и вредителями растений или сорной растительностью и наступлением последствий, круг лиц, обязанных соблюдать фитосанитарные

меры безопасности в процессе сельскохозяйственной деятельности или в условиях дикорастущих растений должны быть отражены при конструировании состава (составов) посягательств. На наш взгляд, интерес в решении этого вопроса представляет подход, предложенный А. А. Пуховым при рассмотрении им проблемы уголовно-правовой охраны ветеринарно-санитарной безопасности [36, с. 5–7].

Таким образом, учет особенностей структуры объекта уголовно-правовой охраны и механизма его изменения преступным воздействием является важной, но не единственной предпосылкой для правильного конструирования состава конкретного преступления. Помимо рассмотренных особенностей механизма изменения преступным воздействием объекта уголовно-правовой охраны, конструирование состава преступления должно происходить с учетом содержания принципов уголовного закона: виновной ответственности [43], справедливости [44], гуманизма, равенства, неотвратимости ответственности и законности. При этом социальная обусловленность создаваемых моделей составов посягательств должна проверяться методом социологического опроса граждан [45].

Библиографические ссылки

1. Винокуров В. Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика. М., 2010.
2. Тацкий В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988.
3. Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л., 1979.
4. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957.
5. Советское уголовное право. Часть Общая / под ред. М. Д. Шаргородского, Н. А. Беляева. Л., 1960.
6. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961.
7. Уголовное право БССР. Часть Общая / под общ. ред. И. И. Горелика. Минск, 1978.
8. Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М., 1999.
9. Курс уголовного права. Общая часть : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. Том 1 : Учение о преступлении.
10. Уголовное право России: Общая часть / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006.
11. Бабий Н. А., Барков А. В., Грунтов И. О. и др. Уголовное право. Общая часть. Минск, 2002.
12. Саркисова Э. А. Уголовное право. Общая часть. Минск, 2005.
13. Бабий Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть. Минск, 2006.
14. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М. ; Л., 1948.
15. Курс советского уголовного права : в 5 т. / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1968. Т. 1 : Часть Общая.
16. Калинин В. Б., Парфенов А. Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004.
17. Мамедов А. Соотношение и взаимосвязь объекта и объективной стороны преступления // Уголов. право. 1999. № 2. С. 55–58.
18. Шаратов Р. Классификация составов преступлений на формальные и материальные: миф или реальность? // Уголов. право. 2000. № 3. С. 51–54;
19. Новоселов Г. Без преступных последствий нет преступления // Рос. юстиция. 2001. № 3. С. 56.
20. Бойко А. И. Преступное бездействие. СПб., 2003.
21. Бойцов А. И., Волгарев И. В., Волженкин Б. В. и др. Уголовное право России: Общая часть. СПб., 2006.
22. Коржанский Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Волгоград, 1976.
23. Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 2007.
24. Гельфер М. А. Объект преступления. М., 1982.
25. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред.: И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1997.
26. Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. Т. 3 : Особенная часть.
27. Уголовный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий / под ред. А. И. Рарога. М., 2006.
28. Ахраменка Н. Ф., Бабий Н. А., Барков А. В. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Минск, 2003.

29. Ахраменко Н. Ф., Бабий Н. А., Барков А. В. и др. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Минск, 2007.
30. Грунтов И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве. Минск, 2012.
31. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 21 дек. 2001 г. № 15 (с изм. и доп. от 26 сент. 2002 г. ; 25 сент. 2003 г. ; 28 сент. 2006 г. ; 27 сент. 2007 г.) // Верховный суд Республики Беларусь : [сайт]. URL: http://www.court.gov.by/jurisprudence/Post_plen/criminal/vsprop/b0fe95ca82137cse.html (дата обращения: 10.01.2017) (in Russ.).
32. Грунтов И. О. Уголовная ответственность за корыстные посягательства на собственность, не связанные с изъятием имущества // Право Беларуси. 2002. № 3. С. 65–68.
32. Грунтов И. О. Коммерческий подкуп как преступление // Судовы веснік. № 3. 1995. С. 41–42.
34. Ахраменко Н. Ф., Барков А. В., Хомич В. М. и др. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под ред. А. В. Баркова. 2-е изд., с изм. и доп. Минск, 2010.
35. Курс уголовного права: в 5 т. / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2012. Т. 4 : Особенная часть.
36. Пухов А. А. Уголовно-правовая охрана ветеринарно-санитарной безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Минск, 2015.
37. Пухов А. А. Общая характеристика объекта нарушения ветеринарных правил // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 4 апр. 2013 г.). Минск, 2013. С. 183–184.
38. Пухов А. А. Непосредственный объект нарушения ветеринарных правил // Современные проблемы юридической науки : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей, посв. 70-летию юрид. фак. и 20-летию юрид. образования в ЮУрГУ (Челябинск, 3–4 мая 2013 г.) : в 2 ч. Челябинск, 2013. Ч. 2. С. 219–220.
39. Артамонов В. И. Растения и чистота природной среды. М., 1986. С. 118–120.
40. Артамонов В. И. Растения и чистота природной среды. 2-е изд. перераб. и доп. Л., 1991.
41. Мельников Н. Н., Волков А. И., Короткова О. А. Пестициды и окружающая среда. М., 1977.
42. Журба О. В., Дмитриев М. Я. Лекарственные, ядовитые и вредные растения. М., 2002.
43. Грунтов И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Минск, 2014.
44. Грунтов И. О. Содержание принципа справедливости уголовного закона и конструировании составов посягательств и правовых норм // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 14–15 окт. 2016 г.). Минск, 2016. С. 34–41.
45. Грунтов И. О. Конструирование составов посягательств в соответствии с принципом виновной ответственности и социологический опрос граждан как критерий обусловленности принятого решения // Соціальна функція кримінального права: проблеми наукового забезпечення, законотворення та правозастування: матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Харків, 12–13 жовт. 2016 р.). Харків, 2016. С. 48–52.

References

1. Vinokurov V. N. [Object of the crime: theory, legislation, practice]. Moscow, 2010 (in Russ.).
2. Tatsiy V. Ya. [The object and subject of crime in Soviet criminal law]. Kharkov, 1988 (in Russ.).
3. Glistin V. K. [The problem of protection of public relations by criminal law (object and qualification of crimes)]. Leningrad, 1979 (in Russ.).
4. Traynin A. N. [General doctrine of the corpus delicti]. Moscow, 1957 (in Russ.).
5. Shargorodsky M. D., Belyaev N. A. (eds.). [Soviet criminal law. General Part]. Leningrad, 1960 (in Russ.).
6. Piontkovsky A. A. [The doctrine of the crime in Soviet criminal law]. Moscow, 1961 (in Russ.).
7. Gorelik I. I. (ed.). [Criminal law of the BSSR. General Part]. Minsk, 1978.
8. Kozachenko I., Neznamova Z. A. (eds.). [Criminal law. General Part]. Moscow, 1999 (in Russ.).
9. Kuznetsova N. F., Tyazhkova I. M. (eds.). [The course of Criminal law. General Part] : in 5 vol. Moscow, 1999. Vol. 1 : [The doctrine of crime] (in Russ.).
10. Kropachev N. M., Volzhenkin B. V., Orekhov V. V. (eds.). [Criminal Law of Russia: General part]. Saint Petersburg, 2006 (in Russ.).
11. Babiy N. A., Barkov A.V., Gruntov I. O., et al. [Criminal law. General part]. Minsk, 2002 (in Russ.).
12. Sarkisova E. A. [Criminal law. General part]. Minsk, 2005 (in Russ.).
13. Babiy N. A. [The Criminal Law of the Republic of Belarus. General part]. Minsk, 2006 (in Russ.).
14. Durmanov N. D. [The concept of crime]. Moscow ; Leningrad, 1948 (in Russ.).
15. Belyaev N. A., Shargorodsky M. D. (eds.). [Course of Soviet Criminal law] : in 5 vol. Leningrad, 1968. Vol. 1 : [General Part] (in Russ.).
16. Malinin V. B., Parfenov A. F. [Objective side of crime]. Saint Petersburg, 2004 (in Russ.).
17. Mamedov A. [Correlation and interrelation of the object and the objective element of the crime]. *Ugolov. pravo.* 1999. No. 2. P. 55–58 (in Russ.).
18. Sharapov R. [Classification of the composition of crimes for formal and material: myth or reality?]. *Ugolov. pravo.* 2000. No. 3. P. 51–54 (in Russ.).
19. Novoselov G. [There is no crime without criminal consequences]. *Ros. Yustitsiya.* 2001. No. 3. P. 56 (in Russ.).
20. Boyko A. I. [Criminal omission]. Saint Petersburg, 2003 (in Russ.).
21. Boytsov A. I., Volgarev I. V., Volzhenkin B. V., et. al. [The Criminal Law of Russia: General part]. Saint Petersburg, 2006 (in Russ.).
22. Korzhansky N. I. [Object of encroachment and qualification of crimes]. Volgograd, 1976 (in Russ.).
23. Korneeva A. V. [The theoretical basis of the classification of crimes]. Moscow, 2007 (in Russ.).
24. Gel'fer M. A. [The object of crime]. Moscow, 1982 (in Russ.).

25. Kozachenko I. Ya., Neznamova Z. A., Novoselov G. P. (eds.). [Criminal law. The Special part]. Moscow, 1997 (in Russ.).
26. Borzenkov G. N., Komissarov V. S. (eds.). [The Course of Criminal law] : in 5 vol. Moscow, 2002. Vol. 3 : [The Special Part] (in Russ.).
27. Rarog A. I. (ed.). [The Criminal Code of the Russian Federation. The article is a scientific and practical commentary]. Moscow, 2006 (in Russ.).
28. Akhramenka N. F., Babiy N. A., Barkov A. V., et al. [Commentary on the Criminal Code of the Republic of Belarus]. Minsk, 2003 (in Russ.).
29. Akhramenka N. F., Babiy N. A., Barkov A. V., et al. [Scientific and practical commentary to the criminal code of the Republic of Belarus]. Minsk, 2007 (in Russ.).
30. Gruntov I. O. [The principle of personal guilty responsibility in Criminal law]. Minsk, 2012 (in Russ.).
31. About criminal law administration by courts in stealing of a property cases: Resolut. Plenum Supreme Court Repub. Belarus, Dec. 21, 2001. No. 15. (With amend. and addit. dated Sept. 26, 2002, Sept. 25, 2003, Sept. 28, 2006, Sept. 27, 2007). URL: http://www.court.gov.by/jurisprudence/Post_plen/criminal/vsprop/b0fe95ca82137cce.html (date of access: 10.01.2017) (in Russ.).
32. Gruntov I. O. [Criminal liability for lucrative encroachment of a property, not related to the stealing of a property]. *Pravo Bel.* 2002. No. 3. P. 65–68 (in Russ.).
33. Gruntov I. O. [Commercial bribery as a crime]. *Sudovy vesnik.* No. 3. 1995. P. 41–42 (in Russ.).
34. Akhramenka N. F., Barkov A. V., Khomich V. H., et al. [Scientific and practical commentary to the Criminal Code of the Republic of Belarus]. 2nd ed. Minsk, 2010 (in Russ.).
35. Borzenkov G. N., Komissarov V. S. (eds.). [The Course of Criminal law] : in 5 vol. Moscow, 2012. Vol. 4 : [The Special Part] (in Russ.).
36. Pukhov A. A. [Criminal-legal protection of veterinary and sanitary safety] : avtoreferat dissertatsii ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.08. Minsk, 2015 (in Russ.).
37. Pukhov A. A. [Universal characteristics of the object of a crime of veterinary rules]. *Problemy bor'by s prestupnost'yu i podgotovki kadrov dlya pravookhranitel'nykh organov: Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Minsk, 4 April, 2013). Minsk, 2013. P. 183–184 (in Russ.).
38. Pukhov A. A. [The immediate object of violation of veterinary rules]. *Sovremennye problemy yuridicheskoi nauki : materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. molodykh issledovatelei, posv. 70-letiyu yurid. fak. i 20-letiyu yurid. obrazovaniya v YuUrGU (Chelyabinsk, 3–4 May 2013)* : in 2 part. Chelyabinsk, 2013. Part 2. P. 219–220 (in Russ.).
39. Artamonov V. I. [The plants and the purity of the natural environment]. Moscow, 1986 (in Russ.).
40. Artamonov V. I. [The plants and the purity of the natural environment]. 2nd ed. Leningrad, 1991 (in Russ.).
41. Melnikov N. N., Volkov A. I., Korotkova O. A. [Pesticides and the environment]. Moscow, 1977 (in Russ.).
42. Zhurba O. V., Dmitriev M. Ya. [Medicinal, poisonous and harmful plants]. Moscow, 2002 (in Russ.).
43. Gruntov I. O. [Principle of personal guilty responsibility in criminal law] : avtoreferat dissertatsii ... d-ra yuridicheskikh nauk : 12.00.08. Minsk, 2014 (in Russ.).
44. Gruntov I. O. [The content of the principle of the justice of criminal law and the design of a corpus delicti and legal norms]. *Sovershenstvovanie ugolovnogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya v sovremennykh usloviyakh* : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Minsk, 14–15 Oct., 2016) . Minsk, 2016. P. 34–41 (in Russ.).
45. Gruntov I. O. Construction of offenses formulations in accordance with the principle of guilty responsibility and sociological survey of citizens as a criterion of relevancy of the taken decision. *Social'na funkciya kriminal'nogo prava: problemi naukovogo zabezpechennya, zakonotvorenniya ta pravozastuvannya* : materialy mizhnar. nauk.-prakt. konf. (Kharkiv, 12–13 zhovt. 2016 r.). Kharkov, 2016. P. 48–52 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 25.01.2017.
Received by editorial board 25.01.2017.

УДК 343.351

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРАЖИ В УГОЛОВНЫХ ЗАКОНАХ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И. О. ГРУНТОВ¹⁾, С. А. ЕЛИСЕЕВ²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, 36, 634050, г. Томск, Россия

Рассматриваются вопросы понимания и определения кражи в уголовных законах России и Беларуси в историческом и современном аспектах. Предлагаются пути совершенствования составов посягательств за этот вид преступлений против собственности.

Ключевые слова: статуты ВКЛ; уложение; кодекс; кража; тайное; похищение.

DETERMINATION OF THEFT IN RUSSIA AND BELARUS CRIMINAL CODES: HISTORY AND ACTUALNESS

I. O. GROUTOV^a, S. A. YELISEYEV^b

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

^bNational Research Tomsk State University, Lenina Avenue, 36, 634050, Tomsk, Russia

Corresponding author: I. O. Gruntov (crimlaw.bsu@tut.by)

In the article questions of understanding and determination of theft in criminal codes of Russia and Belarus are considered. Directions of improvement of crimes statutes for this type of property crimes are offered.

Key words: Grand Duchy of Lithuania Statutes; Penal code of the Russian Empire; theft; covert embezzlement; stealage.

Изучение российских и белорусских уголовных законов в историческом аспекте показывает, что, устанавливая ответственность за те или иные преступления, законодатель всегда стремился определить (с необходимой для соответствующего времени полнотой) признаки запрещенных общественно опасных деяний. Так, в Русской Правде понятие такого преступления, как кража (в разных ее видах) раскрывали с помощью слов «украдут», «крадет». В этом памятнике права кража и преступник, ее совершивший, получили наименования «татьба»

и «тать» [1, с. 28]. Терминами «татьба», «татба», «тать» оперировали также Псковская и Новгородская судные грамоты, Соборное уложение 1649 г., при этом последнее ввело в язык уголовного закона понятие «кража», которое, как и термин «татьба», означало тайное завладение чужим имуществом. Уголовно-правовые нормы, предусматривавшие ответственность за татьбу, кражу, формулировались в Соборном уложении в виде повествовательных предложений: «...которые <...> тати крадут <...> а будет кто у кого покрадет на поле хлеб жатой,

Образец цитирования:

Грунтов И. О., Елисеев С. А. Определение кражи в уголовных законах России и Беларуси: история и современность // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 77–81.

For citation:

Gruntov I. O., Yeliseyev S. A. Determination of theft in Russia and Belarus criminal codes: history and actualness. *J. Belarus. State Univ. Law*. 2017. No. 2. P. 77–81 (in Russ.).

Авторы:

Игорь Олегович Грунтов – доктор юридических наук, доцент; заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета.

Сергей Александрович Елисеев – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой уголовного права юридического института.

Authors:

Igor Gruntov, doctor of science (law), docent; head of the department of criminal law, faculty of law.
crimlaw.bsu@tut.by

Sergey Yeliseyev, doctor of science (law), full professor; head of the department of criminal law, Institute of law.

или сено, или украдом учнет хлеб жати <...> а будет кто у кого татиным обычаем выловит ис пруда или в саду рыбу» (ст. 1, 89, 90 гл. 21 Соборного уложения).

В Артикуле воинском 1715 г. для обозначения тайного завладения чужим имуществом использовались слова «воровство», «кража», «украдет», «украсть», при этом термин «воровство» утратил свое прежнее значение – наименования какого-либо общественно опасного деяния, которое названо в этом документе преступлением. Артикул не приводил обобщенного понятия о составе кражи; его статьи об ответственности за тайное завладение чужим имуществом отличались многословием и казуистичностью. Многословным было определение кражи в Указе от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов». Кража (по терминологии указа воровство – кража) имела место в случаях, «буде кто у кого тайным образом возмет деньги или иное движимое имение, без воли и согласия того, чьи те деньги или движимое имение; оно спрячет или продаст, или заложит, или инако употребит в свою пользу» [2]. Эта формулировка была воспроизведена в Своде законов уголовных, изданном в 1832 г. [3].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. кража определялась как «всякое, каким бы то ни было образом, но втайне, без насилия, угроз и вообще без принадлежащего к свойству разбоя или грабежа обстоятельств, похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества» (ст. 1644 в ред. 1866 и 1885 гг.). О тайном похищении чужого движимого имущества как одной из форм воровства говорилось в ст. 581 Уголовного уложения 1903 г. [4, с. 120].

Уголовный кодекс (далее – УК) РСФСР 1922 г. на основе Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовного уложения 1903 г. определил кражу как «тайное похищение имущества, находящегося в обладании, использовании или ведении другого лица или учреждения» (ст. 180). Как «тайное похищение чужого имущества» кража была определена и в УК РСФСР 1926 г. (ст. 162). УК РСФСР 1960 г. под кражей понимал «тайное похищение» государственного, общественного, личного имущества (ч. 1 ст. 89, ч. 1 ст. 144). Как видим, долгое время в российском уголовном законодательстве определение кражи в своей основе не изменялось. Оно было изложено одним и тем же языком, по существу, кратко, но достаточно емко обрисовывало суть объективной стороны преступления. Но в УК РФ 1996 г. определение кражи претерпело заметное изменение: законодатель отказался от использования термина «похищение» и определил кражу через родовый признак («хищение») и видовое отличие («тайное»).

Сопоставление примечания 1 к ст. 158 УК и ч. 1 этой статьи приводит к выводу о том, что кража –

это тайное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинивших ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Свою историю имеет и понимание, и определение кражи в уголовном законодательстве Беларуси. Судебник 1468 г. – первый кодифицированный закон в области уголовного и уголовно-процессуального права Великого княжества Литовского (ВКЛ) – стал основой для дальнейшей систематизации законодательства, которая осуществлена в статутах 1529, 1566 и 1558 гг. [5]. В Судебнике 1468 г. только в ст. 13 и 14 устанавливалась ответственность за татьбу (кражу) денег, скота и лошади. В законе определение кражи не давалось.

В разделе VII «О земских насилиях, о побоях и об убийствах шляхтичей» Статута ВКЛ 1529 г. (ст. 21 и 27) говорилось «о разбойном нападении на дороге» и «о нападении и краже чего-нибудь», в разделе XII «О захвате и о навязках» (ст. 1–5) – о захвате лошади или табуна лошадей на своей земле либо другого скота. Разграничение в законе между кражей, грабежом и присвоением не проводилось. В разделе XIII «О грабежах и навязках» Статута ВКЛ 1566 г. (ст. 1–5) предусматривалась ответственность за грабеж, захват и кражу скота и другого имущества. Соотношение между этими видами посягательств против собственности в законе также не проводилось.

Наиболее продолжительное время на территории Беларуси действовал Статут 1588 г. В разделе XIII этого закона «О грабежах и навязках» (ст. 1–4) устанавливалась ответственность за грабеж и кражу имущества, весьма подробно регламентировался вопрос об определении размера вреда, причиненного кражей и другими посягательствами против собственности (ст. 5–14). О краже говорилось в отдельных статьях раздела XIV «О злодействе всякого рода» (например, в ст. 9). Определение кражи в законе не давалось.

После присоединения Беларуси и Литвы к Российской империи Статут 1588 г. продолжал действовать в Витебской и Могилевской губерниях до 1831 г., в Виленской, Гродненской и Минской – до 1840 г. Третий Статут ВКЛ подготовлен под управлением канцлера ВКЛ А. Б. Валовича и подканцлера Л. И. Сапеги на солидном теоретическом уровне и впитал в себя многие правовые идеи того времени. Как отмечается в научной литературе, по своей сути этот закон стал программным правовым документом, ориентированным в будущее [5].

В УК БССР 1928 г. понятие кражи не раскрывалось. Диспозиции статей, предусматривавших ответственность за кражу, были назывными. Так, в ст. 240–244 этого кодекса говорилось: «кража имущества из частных хранилищ» (ст. 240); «кража

имущества из государственных, общественных или кооперативных учреждений или складов» (ст. 241); «кража крупного скота, кроме лошадей» (ст. 242); «кража лошадей» (ст. 243); «кража электрической энергии» (ст. 244) [6].

В УК БССР 1961 г. кража была определена как тайное похищение имущества (ст. 87 в ред. закона от 1 марта 1994 г.). Определяет кражу как тайное похищение имущества и УК Республики Беларусь (ст. 205). Принимая во внимание определение хищения (примечание 1 к гл. 24 УК Республики Беларусь), одной из форм которого является кража, приходим к выводу о том, что белорусский законодатель под кражей понимает умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом с корыстной целью путем тайного похищения.

С законодательными определениями кражи как тайного хищения чужого имущества, тайного похищения имущества, казалось бы, можно согласиться. Они исторически устоялись в текстах уголовных законов России и Беларуси, выглядят достаточно ясными, доступными для восприятия, информативными в сочетании с определениями понятия «хищение». Однако нельзя не увидеть, что их ясность и информативность обманчивы. Так, определение кражи в УК РФ как тайного хищения чужого имущества не дает четких ответов на вопросы, из каких элементов состоит действие в составе кражи, что такое тайность изъятия чужого имущества, с какого момента кражу следует считать оконченной, что представляет собой цель в составе кражи. Не дает необходимого ответа на них и видо-родовое определение кражи. Определение понятия «хищение» в УК РФ далеко не безупречно. Формулировка, обрисовывающая действие при хищении как «изъятие и (или) обращение», характеризует преступление не столько с юридической, сколько с внешне-предметной («технологической») стороны. Она способна породить ограниченное представление о действии в составе кражи. Исходя из указанной формулировки можно сделать вывод о том, что кража во всех случаях предполагает физическое изъятие имущества из непосредственного владения собственника или иного владельца и его перемещение в обладание виновного. Поэтому неслучайно Верховный суд РФ вынужден разъяснять, что кражу образует обращение виновным в свою пользу, пользу других лиц имущества, которым он в силу тех или иных обстоятельств фактически владел. Определение хищения как «изъятия и (или) обращения чужого имущества» не проясняет момента окончания кражи и дает основание полагать, что кража окончена: с момента изъятия чужого имущества; с момента обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц; с момента изъятия и (или) обращения чужого имущества

в пользу виновного или других лиц, причинивших ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Но за многие десятилетия в науке уголовного права, в правоприменении сложилось отвечающее потребностям практики представление о моменте окончания кражи: кража окончена, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (так называемая теория завладения). Следует также отметить, что, определяя понятие хищения, российский законодатель использовал неясный термин – «корыстная цель».

В настоящее время, как, впрочем, и в прошлое, между уголовно-правовой нормой об ответственности за кражу и правоприменением в РФ имеется обширная промежуточная ступень в виде руководящих разъяснений пленумов Верховного суда РФ, определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ, научно-практических комментариев уголовного закона, обзоров судебной практики, научной и учебной литературы. Нет необходимости объяснять, что эти источники значимы для понимания предназначения и содержания уголовно-правового запрета. В то же время нельзя не заметить, что в комментариях, монографиях, статьях и учебниках порой высказываются противоречивые суждения, приводятся определения, не согласованные не только со смыслом, но и с содержанием уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за кражу. Так, по-разному интерпретируются действие в составе кражи, момент окончания этого преступления, понятие корыстной цели. При этом к существенным признакам кражи нередко относят время владения похищенным, корыстный мотив, которые не указаны в ее легальном определении. В последнем случае неофициальное толкование, по сути, создает новую уголовно-правовую норму. Между тем известно, что даже официальное толкование призвано объяснять лишь то, что сформулировано в правовой норме; оно не должно содержать самостоятельных правовых предписаний.

Небезупречно и даваемое в УК Республике Беларусь определение кражи. Прежде всего обращает на себя внимание несовершенство словесной формулы «кража – тайное похищение» с семантической стороны. Анализ этого словосочетания показывает, что прилагательное «тайное» является в нем излишним, поскольку в русском языке слова «похищать», «похищение» означают действие, совершаемое тайно, незаметно, скрытно, а слово «похищать» – тайно брать, уносить, уводить, выкрадывать» [7, с. 339].

Несовершенна и логическая форма определения кражи как тайного похищения имущества. В формальной логике существует общее требование к образованию дефиниций, согласно которому не-

известное не может объясняться через неизвестное. В формулировке «кража – тайное похищение» определение, показывающее родовое и видовое отличие кражи, содержит неясный признак «тайное похищение», нуждающийся в толковании. Не проясняет ситуации и видо-родовое определение кражи в качестве формы хищения: «завладения чужим имуществом <...> путем тайного похищения». Более того, оно наделяет понятие кражи, как и в УК РФ, проблемным признаком «корыстная цель».

Конечно, названные недостатки определений кражи в УК РФ и УК Республики Беларусь несущественны. Они так или иначе касаются стилистики языка уголовного закона, логики построения законодательных дефиниций. Определения «кража – тайное хищение», «кража – тайное похищение» понятны не только специалистам, но и всем, кто знакомится с содержанием уголовных кодексов. Также можно сказать, что в кратком и сжатом тексте закона трудно дать исчерпывающее объяснение кражи. И вообще, развернутые определения должна давать наука уголовного права; законодателю следует оперировать лишь четкими и лаконичными формулировками. Руководящие разъяснения по применению закона может давать, при необходимости, Верховный суд. Однако с таким суждением вряд ли можно согласиться. Нельзя забывать о том, что легальное определение кражи, как и любое другое, приводимое непосредственно в тексте правовой нормы, является частью этой нормы. Она (норма) должна нести своим адресатам (как специалистам, так и широкому кругу лиц) максимально точную информацию о допустимом и недопустимом поведении. Как справедливо отмечал И. В. Михайловский, «юридическая норма есть общее правило, по которому что-либо должно происходить в социальной жизни <...> юридические нормы представляют собой обобщения однородных явлений. Конечно, надо избегать и противоположной крайности, а именно чересчур общих определений: это скользкая почва, ведущая к произволу» [8, с. 256, 258–259].

Таким образом, уголовно-правовая норма, запрещающая кражу, должна с необходимой полнотой, доступным языком определить ее существенные признаки. Определение кражи в УК в логической форме должно стать явным и реальным, по содержанию – достаточно конкретным. Это создаст условия для однозначного толкования уголовно-правовой нормы и соблюдения законности при ее применении. Для этого необходимо внести уточнения в законоположение как в УК РФ, так и в УК Республики Беларусь. В частности, в УК РФ необходимо изменить дефиницию понятия «хищение». В определении хищения слова «изъятие», «обращение» следует заменить термином «завладение». В языке уголовного закона, науке российского уголовного права этот термин издавна

имеет определенное юридическое наполнение: он означает как само преступное действие, так и его результат. Термин «завладение» удачно оттеняет момент окончания хищения. Формулировка «завладение чужим имуществом» говорит, что хищение окончено в момент поступления чужого имущества в противозаконное владение виновного. Неслучайно этот термин в свое время был избран для наименования теории, объясняющей момент окончания кражи.

Уточнение необходимо внести и в законодательное определение субъективной стороны хищения. В частности, цель хищения надо абстрагировать от такого личного качества виновного, как корыстность (корыстолюбие). Известно, что состав преступления, как юридическое понятие об определенном общественно опасном деянии, должен нести в себе информацию о его типичных, существенных признаках, одинаково присущих всем преступлениям того или иного вида. Хищение в любой его форме, как известно, влечет уменьшение сферы имущественного обладания потерпевшего, сопровождающееся соответствующим увеличением имущественного обладания виновного, поэтому для субъективной стороны хищения достаточно, чтобы виновный намеревался завладением чужого имущества увеличить сферу своего имущественного обладания. Именно представлением виновного о желаемом результате преступления в виде присвоения чужого имущества, получения возможности обращаться с ним как со своим должно ограничиваться содержание цели в преступлениях, именуемых в УК РФ хищением. Поэтому в определении хищения вместо термина «корыстная цель» следует использовать словосочетание «цель присвоения». При такой обрисовке цель хищения приобретет в его составе характер признака, доступного объективному восприятию и оценке. Термин «цель присвоения» устранил существующее в российской науке уголовного права предположение о том, что для наличия состава хищения обязательна корыстность преступника, находящая выражение в корыстных мотивах содеянного [9].

В определении хищения также надо уточнить, что это преступление причиняет ущерб интересам таких лиц, как собственник и законный владелец имущества. Использованная в УК РФ формулировка «причинение ущерба собственнику или иному владельцу имущества» некорректна. Она дает основание полагать, что потерпевшим от хищения может быть и противозаконный владелец имущества.

Представляется, что в случае внесения предлагаемых изменений в определение хищения дефиниция понятия «кража» приобретет в УК РФ должную ясность и информативность. Из текста ст. 158 УК РФ станет видно, что кража, как тайное хищение чужого имущества, представляет собой

совершенное с целью присвоения (в пользу виновного или других лиц) противоправное безвозмездное тайное завладение чужим имуществом, причинившее ущерб собственнику или законному владельцу этого имущества.

В УК Республики Беларусь необходимо внести уточнения как в определение понятия «хищение», так и в определение кражи. Цель в составе хищения (именуемую, как и в УК РФ, корыстной) необходимо наделить конкретными чертами, придать ей характер признака, доступного объективному восприятию и оценке. Для этого, как уже было сказано, предпочтительнее использовать формулировку «с целью присвоения». Из нее видно, что преступник, совершая хищение, стремится стать как бы собственником чужого имущества, поставить его в исключительную от себя зависимость. При такой обрисовке цели хищения за пределами юридического понятия о нем остаются те отдаленные конкретные результаты, к достижению которых стремится преступник – оставить похищенное в своем обладании, потребить его, передать кому-либо и др.

Определение объективной стороны кражи в ч. 1 ст. 205 УК Республики Беларусь следует привести

в соответствии с определением хищения (примечание 1 к гл. 24 УК Республики Беларусь). Поскольку кража – одна из форм хищения чужого имущества, то в определении ее понятия следует указать как на род – хищение, так и на видовое отличие – тайность хищения чужого имущества. В этом случае определение кражи в УК Республики Беларусь станет таким: кража – это тайное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом в целях присвоения.

Мы также считаем нужным дополнить определение кражи экспликацией, объясняющей (в примечаниях к ст. 158 УК РФ, в примечаниях к гл. 24 УК Республики Беларусь) значение термина «тайное»: завладение имуществом признается тайным, если оно совершается: 1) в отсутствие собственника, законного владельца или иных лиц; 2) в присутствии кого-либо из этих лиц, но незаметно для них; 3) в присутствии кого-либо из этих лиц, когда они не осознают противозаконности действий виновного; 4) в случаях, когда виновный полагает, что его действия незаметны для окружающих; 5) в присутствии лиц, со стороны которых у виновного не было оснований опасаться противодействия или разоблачения.

Библиографические ссылки

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. VI.
2. Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. XXI. № 15147.
3. Свод законов уголовных. СПб., 1832. Ст. 703.
4. Доўнар Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Мінск, 2014.
5. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Белорусской Социалистической Республики. № 30. 12 ноября 1928 г. Отдел I.
6. Словарь современного русского литературного языка. М. ; Л., 1960. Т. 10.
7. Словарь русского языка. М., 1983. Т. 3. С. 339.
8. Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1.
9. Уголовное Уложение 1903 г. Ст. 581, 589, 591.

References

1. Fasmer M. [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1973. Vol. VI.
2. [Complete collection of laws of the Russian Empire]. 1830. Vol. XXI. No. 15147.
3. Code of criminal laws. St. Petersburg, 1832. Article 703.
4. Downar T. I. [History of state and law of Belarus]. Minsk, 2014.
5. Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Belarusian Socialist Republic. No. 30. 12 Novemb., 1928. Division I.
6. [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow ; Leningrad, 1960. Vol. 10.
7. [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 1983. Vol. 3.
8. Mikhailovsky I. V. [Essays on the philosophy of law]. Tomsk, 1914. Vol. 1.
9. The Criminal Code of the Russian Empire 1903. Articles 581, 589, 591.

Статья поступила в редколлегию 25.01.2017.
Received by editorial board 25.01.2017.

УДК 343.985.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ И ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ: ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ НАКАЗАНИЯ

В. С. КРАСИКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются закономерности возникновения и история принудительных работ как меры социальной защиты в уголовном законодательстве советских республик (на примере России и Беларуси) периода их становления (начало XX в.). Отмечается, что принудительные работы обусловили формирование наказаний, не связанных с лишением свободы. Обосновывается тезис о влиянии экономических, политических, социальных условий, а также управленческой деятельности субъекта исполнения на формирование этого правового института, режима его исполнения и применения средств исправления к осужденным.

Ключевые слова: мера социальной защиты; наказание; лишение свободы; принудительные работы; режим; воспитательная работа с осужденными; субъект исполнения наказания; отдельный вид наказания; прогрессивная система отбывания наказания.

FORCED LABOR AND DENIAL OF FREEDOM: THE SOURCES, HISTORY, LEGAL AND ORGANIZATIONAL PATTERNS OF PUNISHMENT

V. S. KRASIKAU^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article examines the patterns of occurrence and history of forced labour as social protection measures in the criminal legislation of the Soviet republics (on the example of Russia and Belarus) since their formation in the early twentieth century, influenced the formation of punishments not related to deprivation of liberty. Substantiated conclusions about the regularities of the influence of economic, political, social conditions and management activities of the subject of performance to the formation of this legal institution, its mode of execution and use of means of correction for convicts.

Key words: measure of social protection; punishment; imprisonment; forced labor; the regime; educational work with prisoners; the subject of punishment; individual punishment; a progressive system of punishment.

Введение

Изучение проблем наказания, не связанного с лишением свободы – актуальная задача современной юридической науки. Она решается путем исследования взаимодействия права с объективными условиями общественной жизни на основе матери-

алистического мировоззрения. Такой подход позволяет установить причины принятия политического решения о применении в рамках уголовной политики нового вида наказания, а также закономерности реализации его на практике.

Образец цитирования:

Красиков В. С. Принудительные работы и ограничение свободы: источники, история возникновения, правовые и организационные закономерности наказания // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 82–87.

For citation:

Krasikau V. S. Forced labor and denial of freedom: the sources, history, legal and organizational patterns of punishment. *J. Belarus. State Univ. Law.* 2017. No. 2. P. 82–87 (in Russ.).

Автор:

Владимир Сергеевич Красиков – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры криминалистики юридического факультета.

Author:

Vladimir Krasikau, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminalistics, faculty of law. krasikau@mail.ru

Наказание, не связанное с лишением свободы, как правовой институт появилось в теории и на практике не в результате длительного изучения его закономерности и необходимости, а на основании политического решения, принятого в ходе реформирования пенитенциарной системы после свержения Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., а также правотворчества органов законодательной и исполнительной власти.

Принудительные работы, как вид наказания, применяемый наряду с лишением свободы в рамках новой уголовной политики, представляет собой исключительный интерес для изучения. Именно здесь лежат предпосылки ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа (по уголовному законодательству Республики Беларусь) и на принудительные работы (по уголовному законодательству Российской Федерации).

Основная часть

Принудительные работы – объект исследования, который изучается через предмет, т. е. через закономерности возникновения этого вида наказания как правового института, его эволюцию, а также через практику применения, экономические, политические и социальные условия жизни общества. Это целостная система, представляющая собой совокупность юридических норм, регламентирующих порядок исполнения и отбывания наказания, применение к осужденным средств исправления, ответственность за правонарушения в процессе исполнения наказания, материальную и организационную основу этого исполнения. Однако исследование только одного элемента системы, например воспитательной работы или режима, без учета влияния на него иных факторов чревато однобокостью и недостоверностью выводов. Проблемы наказания кроются как в нем самом, так и в порядке организации исполнения его соответствующим субъектом.

Принципиальные положения советской уголовно-правовой и исправительно-трудовой политики впервые были сформулированы на основе «Конспекта раздела о наказаниях пункта программы о суде», где были обоснованы идеи об условном осуждении, о замене лишения свободы принудительным трудом с проживанием на дому и о замене тюрьмы воспитательными учреждениями [1, с. 408].

Идея применения исправительных работ в качестве наказания принадлежит В. И. Ленину, который в работе «Как организовать соревнование» указал: «Надо, чтобы Советы смелее, инициативнее брались за дело. Надо, чтобы каждая “коммуна” – любая фабрика, любая деревня, любое потребительское общество, любой комитет снабжения – выступили, соревнуясь друг с другом, как практические организаторы учета и контроля за трудом и за распределением продуктов. Программа этого учета и контроля проста, ясна, понятна всякому: чтобы хлеб был у каждого <...> чтобы ни один жулик (в том числе отлынивающий от работы) не гулял на свободе, а сидел в тюрьме или отбывал наказание на принудительных работах тягчайшего вида, чтобы ни один богатый, отступающий от правил и законов социализма, не мог уклониться от участи жулика» [2]. В этом отношении принудительный труд рассматривался главным образом

как способ обеспечения социальной справедливости и укрепления существующего общественно-политического строя, а не только как наказание. В данном контексте проявляется сущность нового подхода к проблеме наказания.

Даже самые передовые идеи нуждаются в материальном, правовом и организационном обеспечении. Безусловно, в результате революции 1917 г. и последовавшего стихийного разгрома экономической, политической, судебной и правоохранительной систем царской России обеспечить такую поддержку оказалось невозможным. Поэтому Декретом о суде от 5 декабря 1917 г. № 1 местным судам предоставлялось право решать дела именем Российской Республики и руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку они не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию [3]. По этому поводу народный комиссар юстиции РСФСР Д. И. Курский в 1922 г. заявлял: «Обращаясь <...> к видам наказания, я должен прежде всего остановиться на тех специальных видах наказания, которые выдвинуло наше советское право и которых не знает буржуазное право, – это принудительные работы без лишения свободы» [4, с. 83].

В рамках уголовного законодательства политическая воля государства была реализована следующим образом. На основании положений ст. 32 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. в качестве мер социальной защиты закреплялись: лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой; принудительные работы без содержания под стражей; условное осуждение; полная или частичная конфискация имущества; штраф; поражение в правах; увольнение с должности; общественное порицание; возложение обязанности загладить вред. В соответствии с положениями ст. 35 принудительные работы без содержания под стражей подразделялись на два вида: работы по специальности, при которых осужденный продолжает работать по своей профессии с понижением по тарифному разряду, обязательными сверхурочными работами и переводом в другое учреждение (на предприятие) или в другую местность; работы неквалифицированного физического труда [5].

Первые результаты создания системы мер уголовной ответственности показали: лишение свободы оставалось основной мерой социальной защиты; принудительные работы замыслились как самостоятельный вид наказания; штраф, как наказание, продолжал использоваться в рамках уголовной политики, так как не противоречил революционной совести и революционному правосознанию. Идеи сочетания лишения свободы с условным осуждением и принудительным трудом в последующем стали основой для появления в уголовном праве советских республик наказания в виде условного осуждения (освобождения) с обязательным привлечением к труду. Такое наказание стало источником ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа в Республике Беларусь и принудительных работ в Российской Федерации.

Для проведения в жизнь идей условного осуждения и принудительных работ 7 мая 1919 г. при губернских и областных отделах юстиции впервые в истории уголовно-исполнительной системы были созданы бюро принудительных работ – учреждения, которые исполняли наказания, не связанные с лишением свободы [6]. Для организации исполнения меры социальной защиты в виде принудительных работ Декретом Всероссийского Центрального исполнительного комитета РСФСР в апреле 1919 г. был определен особый вид учреждений, исполняющих наказания, – лагеря принудительных работ, организация которых возлагалась на НКВД [7]. Аналогичные решения в области уголовной политики реализовывались и в БССР. Как отмечают ученые Беларуси, до 1926 г. исправительно-трудовые отношения регламентировались инструкциями, циркулярами НКЮ и НКВД, которые регулировали и принудительные (т. е. исправительные) работы без лишения свободы. Исполнением этого вида наказания первое время занимались органы Народного комиссариата труда. В октябре 1924 г. эта задача была возложена на НКВД, при котором создали бюро принудительных работ с отделениями в округах [8, с. 56]. Это управленческое решение в дальнейшем сыграет роль в формировании уголовно-исполнительной политики Советского государства в части применения принудительного труда силовым ведомством на организуемых им производственных предприятиях. Организацией исполнения принудительных работ в БССР занимались еще два государственных органа, наделенных властными полномочиями, – районные исполнительные комитеты и городские советы. В соответствии с положениями ст. 218 Исправительно-трудового кодекса БССР 1926 г. в их обязанности входили: учет приговоренных к принудительным работам; учет работ, на которых может быть использован их труд; организация и подыскание

работ, направление на них приговоренных; учет выполненных ими работ; непосредственный контроль за соблюдением правил, которые регулируют условия труда при отбывании принудительных работ; представление в наблюдательные комиссии прошений о досрочном освобождении лиц, отбывающих принудительные работы, и прочих ходатайств о них [9].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что принудительные работы, как новый (специальный) вид наказания стал и объектом своеобразного эксперимента, который был направлен на формирование оптимальной организации исполнения наказаний с учетом экономической целесообразности. Обеспечить в лагерях принудительных работ и надлежащий режим, и организацию труда осужденных на собственных производствах или определяемых правительством участках (фронтах) работ, и экономическую эффективность наказания для государства сумел НКВД. В дальнейшем на это ведомство была возложена организация исполнения наказания в виде условного осуждения (освобождения) с обязательным привлечением к труду. Такое же учреждение в Республике Беларусь решает задачи исполнения наказания в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа.

Для понимания наказания как отдельного вида ограничения свободы необходимо изучить его сущность, особенности организации исполнения наказания соответствующим субъектом, системы организации режима и мер взыскания за несоблюдение его требований, а также воспитательной работы и трудоиспользования осужденных, последствия за неисполнение наказания. Правовые последствия неисполнения – это один из основных показателей самостоятельности меры уголовной ответственности.

С введением в действие Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. исполнение принудительных работ в соответствии со ст. 40 обеспечивалось системой взысканий, в числе которых был арест в дисциплинарном порядке на срок до 14 суток с возбуждением ходатайства перед судом о замене меры социальной защиты или без такового. Это взыскание налагалось губернским (областным) инспектором мест заключения [10]. В указанном кодексе не было отмечено, какой мерой социальной защиты могут быть заменены принудительные работы, но предусмотрена возможность самой замены.

Иным образом разрешена эта проблема законодателем БССР. В соответствии с положениями ст. 224 Исправительно-трудового кодекса БССР 1926 г. за уклонение от отбывания принудительных работ, неявку на регистрацию, несоблюдение установленных правил, а также за недобросовестное

исполнение работы и порчу по небрежности материалов и инструментов на приговоренного налагаются соответствующие взыскания. Это перевод на другие работы или исключение из срока отбывания принудительных работ небрежно отработанного или самовольно пропущенного времени [9]. На основании примечания к ст. 33 Уголовного кодекса БССР 1928 г. «в случае упорного или повторного уклонения от выполнения принудительных работ без лишения свободы суд заменяет эту меру социальной защиты лишением свободы без строгой изоляции» [11].

Таким образом, в уголовном законодательстве БССР рассматриваемого периода прослеживается тенденция формирования гибкой системы. Лишение свободы является основным видом наказания, а принудительные работы без строгой изоляции, по сути, представляют собой форму исполнения наказания в виде лишения свободы. На это указывает институт замены. В свою очередь, в примечании к ст. 30 Уголовного кодекса указано, что замена лишения свободы иными мерами социальной защиты не допускается [11]. Такое обеспечение порядка исполнения наказания (режима) означает, что лишение свободы – основной вид наказания.

Касаясь подходов к вопросам организации применения к осужденным средств исправления, необходимо отметить следующее: изначально в ст. 3 Исправительно-трудового кодекса БССР 1926 г. устанавливалось, что режим в исправительно-трудоустройственных учреждениях должен основываться на правильном сочетании принципов обязательного труда заключенных и культурно-просветительской работы. Последняя в соответствии со ст. 163 должна проводиться согласованно и под идейным руководством Народного комиссариата просвещения РСФСР [9].

Согласно воле законодателя БССР труд и воспитательная работа рассматривались как основные средства исправления, а режим, понимаемый как порядок исполнения и отбывания наказания, должен их обеспечивать. Именно так предлагалось решать организацию исполнения наказания всех его видов. Эта позиция обосновывает тезис о том, что режимом определяется только карательная сущность наказания (его отличие от иного вида) и он должен соответствовать особенностям организации труда и воспитательной работы для отдельных мер социальной защиты. Другое дело, что для этого сложно разработать отдельные системы организации воспитательной работы и труда, способные исправить или перевоспитать осужденных. Поэтому логика такова: субъект, на который возлагается исполнение наказания, закономерно начинает с режима и приспособливает воспитательную работу и труд к его условиям. В настоящее время логичная система режима, сочетающаяся с воспитательной работой и организацией труда, достаточно успеш-

но работает только в условиях исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, экономика и режим, обеспечивающий не только порядок реализации мер социальной защиты, но и общественную безопасность, предопределили в дальнейшем реализацию принудительных работ исключительно в рамках лишения свободы. С организацией исполнения смогло справиться только силовое ведомство, которое по-своему решило задачи привлечения к труду, культурно-просветительской работы, организации режима и в целом формирования правовых норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Таково закономерное влияние субъекта на организацию исполнения наказания.

Рассматривая вопросы воспитательной работы и исправительного воздействия наказания на осужденных, необходимо отметить следующее. Самостоятельный вид наказания должен иметь свою систему изменения условий отбывания наказания в зависимости от исправления. Такая система называется прогрессивной. В этом отношении ст. 4 Исправительно-трудового кодекса БССР 1926 г. устанавливались положения, регламентирующие обеспечение мер социальной защиты в исправительно-трудоустройственных учреждениях по прогрессивной системе. В соответствии с ней «заключенные подвергаются различному и, по общему правилу, все более облегченному режиму, для чего они распределяются по исправительным учреждениям разных типов и разделяются в них на разряды, с последующим переводом из разряда в разряд, из учреждения в учреждение, в зависимости [от] <...> поведения в исправительно-трудоустройственном учреждении и успехов в работах и занятиях» [9]. В ст. 5 подчеркивалось: «В исправительно-трудоустройственных учреждениях принимаются все меры к устранению вредного влияния худших и наиболее опасных заключенных на остальных и к развитию самостоятельности заключенных, направленной к приобретению свойств и профессиональных навыков, необходимых для трудовой жизни в условиях свободного общежития» [9]. Однако некоторые положения в ст. 6 этого кодекса оказали решающее воздействие на эволюцию системы наказаний по уголовному законодательству БССР. Речь идет о том, что «каждое исправительно-трудоустройственное учреждение, преследуя прежде всего исправительные цели, должно в то же время стремиться возмещать трудом содержащихся в нем заключенных затрачиваемые на них издержки» [9]. Такая постановка вопроса в дальнейшем обусловила определенные организационно-управленческие решения в части исполнения наказания, так как показать результат (т. е. исправившегося осужденного, приспособленного к трудовой жизни в условиях свободного общежития) – это несоизмеримо сложная задача по сравнению с другим эффектом применения наказания – возмещением издержек.

Заключение

В период становления советской государственности идеи уголовной политики в части применения принудительного труда как вида наказания привели к закономерности его сочетания с лишением свободы. Изучение проблемы отдельного вида наказания на примере принудительных работ позволило прийти к выводам:

1) источники наказания содержатся в политической воле и правотворчестве субъектов его исполнения, которые в Советском государстве и его республиках создали новую систему мер социальной защиты, основанную на сочетании лишения свободы с принудительным трудом в различных формах его применения;

2) принудительные работы, как вид наказания, были обусловлены главным образом экономической целесообразностью (необходимостью создания материально-технической базы государства и снижением бюджетных затрат на содержание исправительных учреждений), закономерностью применения общественно полезного труда в целях исправления осужденных и укрепления общественно-политического строя, необходимостью вовлечения государственных органов и общественных институтов в организацию трудоустройства осужденных и культурно-просветительской работы с ними;

3) в период становления Советского государства лишение свободы, как вид наказания, было

основной мерой социальной защиты, обеспечивающей исполнение иных мер, что оказало и продолжает оказывать несомненное воздействие на отношения, связанные с совершенствованием норм уголовного права относительно наказаний, не связанных с лишением свободы, а также порядком их исполнения (например, при обсуждении проблемы декриминализации уклонения от отбывания наказания в виде ограничения свободы по уголовному законодательству Республики Беларусь [12, с. 326]);

4) субъект организации исполнения меры социальной защиты (наказания), безусловно, влияет на ее эволюцию, исходя из собственных представлений о способах решения задач экономического, воспитательного и режимного характера, и для этого последовательно изменяет законодательство;

5) отдельный вид наказания не должен основываться на абстрактной идее, но должен быть обусловлен экономической необходимостью, иметь свой субъект исполнения, а также собственные системы организации труда и воспитательной работы с осужденными, свою прогрессивную систему отбывания наказания, которые должны обеспечиваться соответствующим режимом и мерами уголовной ответственности. Самостоятельный вид наказания не может и не должен быть формой исполнения другого наказания.

Библиографические ссылки

1. Ленин В. И. Конспект раздела о наказаниях пункта программы о суде // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М., 1967. Т. 38.
2. Ленин В. И. Как организовать соревнование [Электронный ресурс] // politpros.com. URL: http://www.politpros.com/librare/13/264/?sphrase_id=11287 (дата обращения: 15.05.2017).
3. Декрет о суде 22 ноября (5 декабря) 1917 г. [Электронный ресурс] // Исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_sude1.htm (дата обращения: 15.05.2017).
4. Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1948.
5. Уголовный кодекс РСФСР. 1922 [Электронный ресурс] // Российский правовой портал: Библиотека Панкова. URL: <http://www.constitutions.ru/?p=5341> (дата обращения: 15.05.2017).
6. Спецкомендатуры НКВД-МВД СССР и их контингент [Электронный ресурс] // Грозные будни. URL: <http://1917.ixbb.ru/viewtopic.php?id=289> (дата обращения: 15.05.2017).
7. Постановление ВЦИК от 15.04.1919 «О лагерях принудительных работ» [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ВЦИК_от_15.04.1919_О_лагерях_принудительных_работ (дата обращения: 15.05.2017).
8. Шабанов В. Б., Шарков А. В., Ахраменка Н. Ф. и др. Теоретические основы уголовно-исполнительного права. Минск, 2002.
9. Исправительно-трудовой кодекс БССР 1926 г. [Электронный ресурс] // Pravo.by. URL: http://www.pravo.by/Img-Pravo/pdf/ITK_BSSR_1926.pdf (дата обращения: 09.03.2017).
10. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года [Электронный ресурс] // Архив Александра Н. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (дата обращения: 15.03.2017).
11. Уголовный кодекс БССР 1928 г. [Электронный ресурс] // Виртуальный центр правовой информации. URL: <http://vcpi.nlb.by/static/pdf/kodexy-BSSR/ugolovnyj-kodex-BSSR-1928.pdf> (дата обращения: 09.03.2017).
12. Красиков В. С. Проблемы декриминализации статьи 415 Уголовного кодекса Республики Беларусь // Теоретические и прикладные аспекты современной юридической науки : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В. И. Семенкова (Минск, 11 дек. 2015 г.). Минск, 2015. С. 326.

References

1. Lenin V. I. [The notes section on the penalties of the program item on the court]. In : Lenin V. I. [Complete works] : in 55 vol. 5th ed. Moscow, 1967. Vol. 38 (in Russ.).
2. Lenin V. I. [How to organize a competition]. URL: <http://www.politpros.com/librare/13/264/> (date of access: 05.15.2017) (in Russ.).
3. [Decree on the court on November 22 (December 5), 1917]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_sude1.htm (date of access: 05.15.2017) (in Russ.).
4. Kursky D. I. [Selected articles and speeches]. Moscow, 1948 (in Russ.).
5. The Criminal Code of the R.S.F.S.R. 1922. URL: <http://www.constitutions.ru/?p=5341> (date of access: 05.15.2017) (in Russ.).
6. Special correctional facilities of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR and their contingent. URL: <http://1917.ixbb.ru/viewtopic.php?Id=289> (date of access: 05.15.2017) (in Russ.).
7. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 15.04.1919 «On forced labor camps». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ВЦИК_от_15.04.1919_О_лагерях_принудительных_работ (date of access: 05.15.2017) (in Russ.).
8. Shabanov V. B., Sharkov A. V., Ahramenka N. F., et al. [Theoretical foundations of the criminal-executive law: a manual for educational institutions of a legal profile]. Minsk, 2002 (in Russ.).
9. Correctional labor code of the BSSR in 1926. URL: http://www.pravo.by/ImgPravo/pdf/ITK_BSSR_1926.pdf (date of access: 09.03.2017) (in Russ.).
10. Correctional labor code of the RSFSR in 1924. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (date of access: 15.03.2017) (in Russ.).
11. The Criminal Code of the BSSR of 1928. URL: <http://vcpi.nlb.by/static/pdf/kodexy-BSSR/ugolovnyj-kodex-BSSR-1928.pdf> (date of access: 09.03.2017) (in Russ.).
12. Krasikov V. S. [Problems of decriminalization of article 415 of the Criminal Code of the Republic of Belarus]. *Theoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoi yuridicheskoi nauki* : sb. Mezhdunar. nauchn. pract. konf. posvyaschchennoi pamyati V. I. Semenkova (Minsk, 11 December, 2015). Minsk, 2015. P. 326 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 20.03.2017.
Received by editorial board 20.03.2017.*

УДК 349.2

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И. Д. НОСКЕВИЧ¹⁾

¹⁾ Следственный комитет Республики Беларусь, ул. Фрунзе, 19, 220034, г. Минск, Беларусь

Посвящена истории становления и развития органов предварительного расследования со времен ВКЛ до наших дней. Отражено зарождение органов предварительного расследования, а также реорганизация устройства предварительного расследования в Российской империи и Советском Союзе. Показаны изменения в структуре предварительного расследования современной Беларуси, в частности связанные с созданием Следственного комитета Республики Беларусь в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 409 от 12 сентября 2011 г. Обосновывается вывод об эволюционности развития предварительного расследования, обусловленной политическими, социальными и экономическими преобразованиями.

Ключевые слова: предварительное расследование; следователь; органы внутренних дел; прокуратура; история уголовного процесса; Следственный комитет Республики Беларусь.

ESTABLISHING AND RESTRUCTURING OF THE CRIMINAL INVESTIGATIVE AUTHORITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

I. D. NOSKEVICH^a

^a Investigative Committee of the Republic of Belarus, Frunze Street, 19, 220034, Minsk, Belarus

The article deals with the history of developing of criminal investigative authorities in the years since Grand Duchy of Lithuania. The article covers genesis of investigative authority, its restructuring during the time of Russian Empire and Soviet Union as well as changes in the structure of investigative authority of modern Belarus, first and foremost establishing of the Investigative Committee according to the President of the Republic of Belarus decree No. 409 dated 12th, 2011. The author comes to the conclusion of evolutionism of investigative authority development determined by political, social and economic transformations.

Key words: criminal investigation; investigator; convention; internal affairs authority; prosecutors office; history of criminal procedure; the Investigative Committee.

Введение

История возникновения и развития белорусского следствия многогранна и противоречива. Одни исследователи связывают его становление с историческим наследием западной цивилизации, другие – с правовым наследием дореволюционной России, а затем и СССР. Но, безусловно, деятельность белорусских следственных органов неотделима от истории нашего государства.

Основная часть

В период нахождения белорусских земель в составе Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского была предпринята первая проба кодификации права. Так, 29 февраля 1468 г. был издан Судебник Казимира IV. Нормы судебного регламентировали в основном уголовно-правовые

Образец цитирования:

Носкевич И. Д. Формирование и реформирование органов предварительного расследования Республики Беларусь // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 88–94.

For citation:

Noskevich I. D. Establishing and restructuring of the criminal investigative authority of the Republic of Belarus. *J. Belarus. State Univ. Law*. 2017. No. 2. P. 88–94 (in Russ.).

Автор:

Иван Данилович Носкевич – Председатель Следственного комитета Республики Беларусь.

Author:

Ivan Noskevich, Chairman of the Investigative Committee of the Republic of Belarus.
sk@sk.gov.by

отношения, при этом содержали отдельные положения, которые касались процессуального, административного и гражданского права и ограничивали судебный произвол.

Дальнейшее развитие судопроизводства неразрывно связано со статутами ВКЛ, которые нормативно установили разделение судопроизводства на две формы: состязательную (суд) и следственную. Статуты ВКЛ закрепляли привлечение к ответственности за совершение преступлений на основе предусмотренных законом доказательств, которые основывались на показаниях свидетелей и потерпевших, а также выписках из судебных книг [1].

Статут ВКЛ 1529 г. ограничивал права магнатов, устанавливал принцип индивидуальной ответственности, регламентировал участие защитников в процессе. Документ предполагал единое применение правовых норм ко всем категориям граждан: его субъектами определялись «как убогия, так и богатые». Однако функции следствия отдельно не выделялись.

В Статуте ВКЛ 1566 г. предусматривался ряд новаций, связанных с уголовным процессом, в том числе наделение отдельных должностных лиц, судов и административного аппарата функциями следствия. Был выделен раздел, касающийся судебного строя и судебного процесса. В артикуле (статье) 6 раздела XI данного устава нормативно закреплены обязанности возного (чиновника в судах низшего уровня в Польше и ВКЛ) по проведению предварительного расследования [2]. Он назначался воеводой из местных шляхтичей по выбору земского суда и шляхты. После принесения присяги имя возного записывалось в актовую книгу, с этого момента он считался вступившим в должность. В каждом повете было несколько возных, главного из которых называли генералом.

Возный вручал позывы (повестки) для явки в суд, исполнял обязанности судебного пристава, следил за порядком в зале во время судебного заседания. Помимо того, он в качестве следователя свидетельствовал побои, кражи, изнасилования, причинение убытков, производил осмотр на месте. Его записи (реляции) регистрировались в судебных книгах, а на судебных заседаниях он свидетельствовал об увиденном и услышанном. Реляции и свидетельства возного считались весомыми судебными доказательствами. При исполнении обязанностей он должен был иметь при себе «сторону» – двух шляхтичей «веры годных», т. е. тех, кто внушал доверие [3].

Статут ВКЛ 1588 г. установил ряд прогрессивных норм, регламентирующих производство следствия. В процессуальном праве была определена обязанность государственных органов по проведению предварительного следствия и предъявлению госу-

дарственного обвинения в случае отсутствия лиц, которые могли бы возбудить уголовное дело, при убийстве неизвестного человека или в случае, когда у потерпевшего нет близких [4].

Как своеобразная форма следствия (дознания) по уголовным делам предусматривался «шкрутыниум» (лат. *scrutinium* – исследование, осмотр). Следствие назначалось, если речь шла о чести и жизни человека, при недостатке доказательств, а также в случае ходатайства сторон конфликтов.

Органов, осуществляющих предварительное расследование, как таковых не существовало. Однако в артикуле 62 раздела XI данного статута был определен перечень должностных лиц, уполномоченных осуществлять «шкрутыниум»: судебный староста, наместник, заместитель старосты, судья, писарь суда, врядник (урядник), возный. Указанным артикулом предусмотрена первоочередность выбытия на место и условия выезда нижестоящих должностных лиц.

Кроме того, Статутом ВКЛ 1588 г. устанавливалась неприкосновенность личности возного, а также наказание за неисполнение им служебных обязанностей или превышение полномочий. За оскорбление возного и его «стороны» устанавливался двойной штраф и тюремное заключение на срок в 20 недель, за его убийство при исполнении обязанностей – смертная казнь [3].

После вхождения белорусских земель в состав Российской империи специализированных органов следствия, действовавших на постоянной основе, не существовало. В соответствии с такими нормативными правовыми актами, как Учреждения для управления губерний Всероссийской империи (1775), Устав благочиния, или Полицейский (1782), а позже и Свод законов Российской империи (1833), расследование преступлений в городе производилось городской полицией (управами благочиния), а в уезде – земской полицией (земскими нижними судами). При необходимости губернатор мог поручить расследование заседателям судебных мест, губернским стряпчим уголовных дел, советникам губернских правлений. Следствие по наиболее важным делам вели уполномоченные чиновники – состояли при губернаторах, генерал-губернаторах, министре внутренних дел, – а также комиссии, которые нередко назначались императором. Надзор за следствием возлагался на губернаторов, губернские правления, прокуроров, стряпчих и руководство следователя [4].

В ходе судебной реформы 1860 г. наряду с реорганизацией органов полиции и сокращением ее компетенции были разработаны новые формы организации предварительного следствия, отличные от административной модели. В результате в 44 губерниях Российской империи были введены

993 должности судебных следователей, которые осуществляли производство следствия по всем преступлениям, относящимся к ведению судов. Контроль за действиями следователей по расследованию преступлений был возложен на суды [5].

Нормативную основу следственной реформы образовал комплекс законодательных актов – Учреждение судебных следователей, Наказ судебным следователям и Наказ полиции о производстве дознания, – утвержденных 8 июля 1860 г. императором Александром II. В них впервые были детально регламентированы статус и полномочия судебного следователя, порядок его взаимодействия с прокуратурой, судом и иными участниками уголовного судопроизводства, а также порядок процессуальной деятельности следователя с момента возбуждения уголовного дела до его передачи в суд [6].

Постоянно действующий следственный аппарат был создан в Российской империи Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. и существовал при судах. В книге первой Судебных уставов 1864 г. «Общее учреждение судебных установлений» указано, что «для производства следствия по делам о преступлениях и проступках» при судах «состоят Судебные Следователи», которые «назначаются Высочайшую властью, по представлениям Министра Юстиции» на основании постановления «общего собрания Суда при участии Прокурора», и увольнение их с должности зависело «от той власти, коею они определены к должностям» [7].

Принципиально важно, что со времени введения в 1864 г. должностей судебных следователей в систему общих судов (окружные суды и судебные палаты) они фактически выводились из-под административного подчинения руководителей судов, при которых состояли. Таким образом гарантировалась независимость осуществления следствия.

На прокуроров в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства (1864) возлагался надзор за следствием. При этом прокуроры были лишены права производства предварительного расследования. По этому поводу в данном уставе указано: «...прокуроры и их Товарищи предварительное следствие сами не производят, но дают только предложения о том следователям и наблюдают постоянно за производством следственных действий» [7].

В дальнейшем следственный аппарат претерпел немало организационно-структурных перестроек, связанных с изменениями социально-политического строя и решаемых им практических задач.

В период становления советской власти Декретом Совета народных комиссаров «О суде» от 22 ноября 1917 г. № 1 институт судебных следователей был упразднен (наряду с общими судебными установлениями и институтом прокурорского надзора). Предварительное следствие было возложено единолично на судей местных судов.

В то же время для «борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников» образуются особые следственные комиссии при губернских или городских Советах рабочих, солдат и крестьянских депутатов [8].

Впоследствии Декретом Совета народных комиссаров «О суде» от 20 февраля 1918 г. № 2 созданы следственные комиссии окружных народных судов, состоящие из трех лиц, избираемых Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (выборная должность). Обвинительный акт по уголовным делам заменен постановлением следственной комиссии о предании суду [8].

Декретом Совета народных комиссаров «О суде» от 20 июля 1918 г. № 3 производство предварительного следствия по более сложным уголовным делам, подсудным местному народному суду, возложено на следственные комиссии окружных народных судов [9].

В 1920–1924 гг. институт судебных следователей возродился в виде народных следователей при судах. Впоследствии эти должности были упразднены и введены в органах прокуратуры, за которыми были также сохранены функции по осуществлению надзора за законностью предварительного расследования уголовных дел, а также в органах внутренних дел и государственной безопасности с сохранением за ними функций по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, предупреждению, выявлению, пресечению преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

В соответствии с судебной реформой 1958 г. были ликвидированы следственные аппараты органов внутренних дел. Уголовно-процессуальный кодекс БССР 1960 г. наделил правом производства предварительного следствия лишь следователей прокуратуры и органов государственной безопасности. Однако данные реформы оказались несостоятельными, и уже 6 апреля 1963 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» следственный аппарат был восстановлен в органах внутренних дел [10].

Необходимо отметить, что вопросы судебно-правовой реформы, в том числе реформирования органов предварительного следствия, были актуальны и в дальнейшем.

В 1987–1988 гг. в течение 16 месяцев в Министерстве внутренних дел БССР проводился эксперимент в целях проверки эффективности работы следственных подразделений в условиях их независимости от местных органов внутренних дел.

Исследование показало, что основные результаты в работе следствия значительно улучшились. Главным достижением стало существенное снижение количества нарушений законности и повышение гарантий защиты прав личности от произвола административных органов. Выросла персональная ответственность следователей за качество расследования, в большем объеме обеспечивалась их процессуальная самостоятельность, сократилось число фактов необоснованного вмешательства в работу следствия руководителей органов дознания [11].

Однако вопрос создания независимого следственного ведомства остался нерешенным в связи с тем, что СССР прекратил свое существование. После обретения Республикой Беларусь независимости этот вопрос снова стал актуален. Так, Концепция судебно-правовой реформы, принятая 23 апреля 1992 г., признала проведение такой реформы необходимым условием и важнейшей предпосылкой построения в Республике Беларусь правового государства. В разделе III указанной концепции констатируется, что существующий процессуальный режим досудебного производства (в форме следствия и дознания) не способствует обеспечению прав и законных интересов участников процесса, а также требует совершенствования форм расследования. Дана негативная оценка подчинения следственных аппаратов Министерства внутренних дел Республики Беларусь прокуратуре и Комитету государственной безопасности (КГБ) Республики Беларусь. Отмечено, что при существующем процессуальном режиме следователь, как участник уголовного процесса, является самостоятельной процессуальной фигурой только формально и находится в прямой непроцессуальной зависимости от руководителей указанных органов.

Законодателями признана необходимость принятия серьезных организационных и правовых мер по реформированию предварительного следствия. Целями такой реформы определены создание независимого следственного комитета, расширение процессуальной самостоятельности следователя и повышение его правового и социального статуса. Следственный комитет должен стать единственным органом предварительного следствия в республике [12].

Несмотря на логичность выводов, отраженных в Концепции судебно-правовой реформы Республики Беларусь, сложная криминогенная обстановка отсрочила реализацию ее положений.

В целях борьбы с налоговыми и финансовыми преступлениями в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 11 февраля 1998 г. № 71 «Об образовании Государственного комитета финансовых расследований Республики Беларусь» был образован комитет, к компетенции которого наряду с осуществлением оперативно-розыскной деятельности относилось производство дознания

и предварительного следствия по подследственности [12]. Государственный комитет финансовых расследований Республики Беларусь 24 сентября 2001 г. был присоединен к Комитету государственного контроля (КГК). Это положило начало существованию органов финансовых расследований КГК [13].

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 9 апреля 1999 г. № 207 «О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в органах внутренних дел Республики Беларусь» был образован Следственный комитет при МВД Республики Беларусь. Его целями являлись совершенствование организации предварительного следствия в органах внутренних дел и усиление защиты прав и законных интересов граждан. Следователи приобрели процессуальную независимость от иных руководителей органов внутренних дел. Были законодательно закреплены задачи и функции, структура и система руководства внутри Следственного комитета при МВД Республики Беларусь [14]. Однако данный комитет не решил полностью проблему создания независимого следствия и 30 декабря 2003 г. был расформирован, а его сотрудники вновь подчинены МВД.

Таким образом, к 2011 г. предварительное расследование в Республике Беларусь производилось следователями прокуратуры, органов внутренних дел, государственной безопасности и финансовых расследований. Все они входили в структуру соответствующих ведомств. За прокуратурой Республики Беларусь, несмотря на предоставление ей права производства предварительного следствия по уголовным делам, остался надзор за законностью предварительного расследования по этим делам. Органы внутренних дел, государственной безопасности и государственного контроля Республики Беларусь одновременно с правом производства предварительного расследования по уголовным делам реализовывали оперативно-розыскную деятельность как в целях предупреждения, выявления, пресечения преступлений, выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, так и по расследуемым ими делам.

Подобное положение дел в совокупности со сложившейся системой предварительного следствия в МВД, КГБ и КГК нуждалось в совершенствовании.

Во-первых, осуществление функции уголовного преследования снижало объективность прокуроров при оценке законности и обоснованности процессуальных решений и действий органов расследования, так как по действующим нормам Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь прокурор не столько надзирал за соблюдением законности при производстве следователями прокуратуры, МВД, КГБ, КГК предварительного следствия, сколько контролировал процесс расследования ими уголовных дел посредством дачи

обязательных к исполнению указаний, а фактически сам принимал решения по уголовным делам.

Во-вторых, излишний контроль прокурора за предварительным следствием, с одной стороны, ослаблял ответственность следователя за принимаемые им решения, что способствовало потере им инициативности и процессуальной независимости, а с другой – снижал мотивацию надзора за законностью предварительного следствия (уголовного преследования) в угоду обвинительному уклону.

В-третьих, следственные подразделения МВД, КГБ и КГК фактически находились в прямой процессуальной зависимости от руководителей этих органов, на которые также возложено осуществление оперативно-розыскной деятельности в целях предупреждения, выявления, пресечения преступлений, установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

В-четвертых, наличие параллельных структур предварительного следствия в разных правоохранительных органах привело к росту управленческого аппарата, формально-бюрократическому решению вопросов о подследственности преступлений, что в итоге значительно снизило эффективность расследования уголовных дел.

Кроме того, оценка работы указанных следственных подразделений была крайне несовершенной. Каждое из них руководствовалось собственной криминологической статистикой и системой отчетности. Оценка результатов их деятельности производилась главным образом по количеству возбужденных и направленных в суд уголовных дел. При этом отсутствовали единая методика организации расследования, единая система подготовки, переподготовки и повышения квалификации следователей, а также единые подходы к юридической квалификации одних и тех же правовых ситуаций.

Таким образом, действовавшая в Республике Беларусь до 2011 г. система предварительного расследования содержала в себе системные недостатки реализации компетенций. Следствие находилось в непроцессуальной, административной подчиненности начальников органов дознания, прокуроров и управлялось теми же ведомственными административными методами, что и другие службы правоохранительных органов (например, в сфере оперативно-розыскной деятельности, охраны общественного порядка, уголовно-исполнительной деятельности).

По этому поводу Председателем Верховного Суда Республики Беларусь В. О. Сукало отмечено, что такая система «прямо или косвенно подталкивала людей к тому, чтобы находить преступления там, где их нет. Например, в пограничных ситуациях, то есть на грани проступка и преступления. Практически все следственные структуры занимались тем, что возбуждали уголовные дела по мел-

ким, незначительным, неопасным преступлениям и доводили их до суда. С ведомственной точки зрения такая погоня за показателями объяснима и понятна, но с точки зрения законности и гуманизма это недопустимо. Девизом и судов, и органов предварительного расследования должны стать слова Главы государства: “Не ищите преступлений там, где их нет!”» [15].

Учитывая особое процессуальное положение следователя, такие методы управления нельзя считать приемлемыми. В условиях, когда сохраняются рычаги административного воздействия на следователя со стороны органов, отвечающих за оперативно-розыскную деятельность, и органов, осуществляющих надзор за предварительным расследованием, не могут быть в полной мере гарантированы процессуальная самостоятельность следователей и функциональное качество прокурорского надзора за законностью уголовного преследования в ходе досудебного производства.

Требованием времени стала ориентация на такую организацию предварительного следствия, которая бы укрепила реальную самостоятельность и ответственность следователя за принятие решений, обеспечила объективность и беспристрастность в процессе производства предварительного расследования уголовных дел и способствовала соблюдению прав участников уголовного процесса.

Основной константой совершенствования системы предварительного расследования послужили идеи создания в республике независимого следственного комитета, расширения процессуальной самостоятельности следователя и повышения его правового и социального статуса.

Принятию решения по данному вопросу предшествовала масштабная научная и аналитическая работа: изучался зарубежный опыт, оценивалась современная ситуация в правовой и общественно-политической сферах.

Основная дискуссия возникла относительно вопроса централизации следственного аппарата. Так, по мнению российского исследователя А. О. Бозояна, «национальный исторический и мировой опыт показывают, что полицентризм следственного аппарата, наделение функцией предварительного следствия различных государственных структур являются наиболее эффективной современной формой организации следственного дела, предполагающей адекватное распределение между ними подследственности» [16, с. 10].

Другого мнения придерживаются белорусские ученые. По мнению И. Бранчеля, «целесообразным представляется создание отдельного ведомства, на которое следует возложить обязанности по производству предварительного расследования уголовных дел с осуществлением контроля за предварительным расследованием по всей республике.

Организационно и финансово это ведомство должно быть независимо от других правоохранительных органов» [17, с. 30].

Критически оценивает самостоятельность следователя в условиях существования нескольких следственных аппаратов А. И. Швед, акцентируя внимание на том, что непроцессуальная зависимость следователей от ведомственных руководителей обуславливает наличие в их работе обвинительного уклона. При этом исследователь отмечает, что «ведомственная подчиненность следователей не способствовала формированию единой практики и одинаковых подходов к организации предварительного следствия, приводила к межведомственным спорам, снижала качество и эффективность расследования уголовных дел» [18, с. 22].

Образование единого следственного органа не является попыткой ограничить органы дознания и прокуратуру в возможности осуществлять предварительное расследование. Так, согласно ст. 175 УПК Республики Беларусь, при наличии поводов и оснований, предусмотренных стст. 166 и 167 УПК Республики Беларусь, орган дознания, следователи и прокурор выносят постановление о возбуждении уголовного дела. После его вынесения прокурор направляет уголовное дело нижестоящему прокурору или в соответствии с подследственностью, определенной ст. 182 УПК, приступает к производству предварительного следствия. Орган дознания, в свою очередь, после производства неотложных следственных и других процессуальных действий направляет уголовное дело для производства предварительного следствия (ст. 177 УПК).

В соответствии с ч. 1 ст. 186 УПК при наличии признаков преступления орган дознания передает заявление или сообщение с собранными материалами для проверки по подследственности, определенной ст. 182 УПК, или возбуждает уголовное дело. Руководствуясь правилами УПК, лицо, производящее дознание по возбужденному уголовному делу, производит неотложные следственные и другие процессуальные действия для установления и закрепления следов преступления: осмотр, обыск, выемку, наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание, применение меры пресечения, допрос подозреваемых, потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз.

Указанные положения уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь не противоречат идее создания единого следственного органа, оставляя за органами дознания право на возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных и иных процессуальных действий.

В то же время требование ч. 3 ст. 186 УПК, устанавливающее обязанность органов дознания после выполнения неотложных следственных и других процессуальных действий, но не позднее десяти суток со дня возбуждения уголовного дела передать дело следователю, является косвенным подтверждением необходимости осуществления предварительного расследования по уголовным делам и принятия важных процессуальных решений следователем.

Заключение

Ретроспективный анализ становления и формирования следственных органов на территории Республики Беларусь свидетельствует об эволюционном развитии предварительного расследования, которое обусловлено политическими, социальными и экономическими преобразованиями. Оптимизация системы пред-

варительного расследования и повышение ее эффективности продиктованы временем и являются объективной необходимостью, непосредственно влияющей на состояние национальной безопасности государства, обеспечение защиты конституционных прав и интересов граждан и общества.

Библиографические ссылки

1. Доўнар Т. І., Сатолін У. М., Юхо Я. А. Статут Вялікага княства Літоўскага. Мінск, 2003.
2. Статут Великого княжества Литовского 1529 года // Наследие Слуцкого края : [сайт]. URL: https://nasledie-sluck.by/ru/sluchina/historical_dates/4826/ (дата обращения: 17.04.2017).
3. Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедический словарь // Российская государственная библиотека : [сайт]. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003924248#?page=429> (дата обращения: 12.04.2017).
4. Колдаев А. В. Следствие и полицейское дознание по Своду законов Российской империи 1857 г. // Правоведение: [сайт]. 1988. № 1. С. 90–96. URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=178510> (дата обращения: 15.04.2017).
5. Серов Д. О., Федоров А. В. Следствие от Александра I до Александра II (1801–1860 гг.) // Рос. следователь. 2015. № 11. С. 54–59.
6. Серов Д. О., Федоров А. В. Следствие при Александре II: Следственная реформа 1860 г. // Рос. следователь. 2015. № 12. С. 52–56.
7. История следственных органов // Следственный комитет Республики Беларусь : [сайт]. URL: <http://sk.gov.by/ru/istoria-sledstvenih-organov-ru/> (дата обращения: 12.04.2017).

8. Декреты о суде // Википедия : [сайт]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Декреты_о_суде (дата обращения: 13.04.2017).
9. Декрет о суде № 3. 7 марта 1919 / Виртуальная выставка к 1150-летию зарождения российской государственности : [сайт]. URL: <http://rusarchives.ru/projects/statehood/08-20-dekret-o-sude-1919.shtml/> (дата обращения: 17.04.2017).
10. О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка : Указ Презид. Верхов. Совета СССР № 1237-VI от 6 апр. 1963 г. // Ведомости СССР. 1963 г. № 16. ст. 181.
11. О Концепции судебно-правовой реформы : постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь № 1611-XII от 23 апр. 1992 г. // Банк законов : [сайт]. URL: http://www.bankzakonov.com/republic_pravo_by_210/block03/rtf.-u5u5/index.html (дата обращения: 15.04.2017).
12. Об образовании Государственного комитета финансовых расследований Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь № 71 от 11 февр. 1998 г. // Законодательство Респ. Беларусь : [сайт]. URL: <http://pravo.newsby.org/belarus/uk054.htm> (дата обращения: 15.04.2017).
13. О совершенствовании системы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь № 516 от 24 сент. 2001 г. // Pravo.by [сайт]. URL: <http://arc.pravoby.info/document/part5/akte5184.htm> (дата обращения: 15.04.2017).
14. О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в органах внутренних дел Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь № 207 от 9 апр. 1999 г. // Законодательство Республики Беларусь : [сайт]. URL: <http://pravo.newsby.org/belarus/ukaz3/uk879.htm> (дата обращения: 15.04.2017).
15. Мальцев Л. С. Создание Следственного комитета Республики Беларусь как реализация концептуальных основ национальной безопасности государства в современных условиях // Министерство внутренних дел Республики Беларусь : [сайт]. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=55073/> (дата обращения: 03.04.2017).
16. Бозоян А. О. Состояние и тенденции развития следственных органов в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11. М., 2014.
17. Бранчель И. Предварительное расследование: его роль и место в правоохранительной системе // Юстиция Беларуси. 2008. № 9. С. 27–30.
18. Швед А. Правовое регулирование деятельности и предпосылки образования Следственного комитета Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. 2012. № 11. С. 21–23.

References

1. Dounar T. I., Satolin U. M., Juho Ja. A. [The statute of the Grand Duchy of Lithuania]. Minsk, 2003 (in Belarus.).
2. [The Statute of the Grand Duchy of Lithuania in 1529]. URL: https://nasledie-sluck.by/ru/sluchina/historical_dates/4826/ (date of access: 17.04.2017) (in Russ.).
3. Brokzauz F. A., Jefron I. A. Entsklopedicheski slovar'. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003924248#?page=429> (date of access: 12.04.2017) (in Russ.).
4. Koldaev A. V. [Investigation and police inquiry under the Code of Laws of the Russian Empire in 1857]. URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=178510> (date of access: 15.04.2017) (in Russ.).
5. Serov D. O., Fedorov A. V. [The investigation from Alexander I to Alexander II (1801–1860)]. *Ross. sledovatel'*. 2015. No. 11. P. 54–59 (in Russ.).
6. Serov D. O., Fedorov A. V. [Investigation under Alexander II: Investigative Reform of 1860]. *Ross. sledovatel'*. 2015. No. 12. P. 52–56 (in Russ.).
7. Istoriya sledstvennykh organov. URL: <http://sk.gov.by/ru/istoria-sledstvenih-organov-ru/> (date of access: 12.04.2017) (in Russ.).
8. Dekrety o sude. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Декреты_о_суде (date of access: 13.04.2017) (in Russ.).
9. Dekret o sude No. 3. 7 marta 1919. URL: <http://rusarchives.ru/projects/statehood/08-20-dekret-o-sude-1919.shtml> (date of access: 17.04.2017) (in Russ.).
10. O predostavlenii prava proizvodstva predvaritel'nogo sledstviya organam okhrany obshchestvennogo porjadka : Ukaz Prezid. Verkhovnogo Soveta SSSR. No. 1237-VI at 23 aprelya 1963 goda. *Vedom. Verkhovnogo Soveta SSSR*. 1963. No. 16 statya.181.
11. O konceptsii sudebno-pravovoi reformy : postanovlenie Verkhovnogo Soveta Resp. Belarus'. No. 1611-XII, ot 23 aprelya 1992 goda. URL: http://www.bankzakonov.com/republic_pravo_by_210/block03/rtf.-u5u5/index.html (date of access: 15.04.2017) (in Russ.).
12. Ob obrazovanii Gosudarstvennogo komiteta finansovykh rassledovaniy Respubliki Belarus'. Ukaz Prezidenta Resp. Belarus'. No. 71 at 11 fevralya 1998 goda. URL: <http://pravo.newsby.org/belarus/uk054.htm> (date of access: 15.04.2017) (in Russ.).
13. O sovershenstvovanii sistemy respublikanskikh organov gosudarstvennogo upravleniya i inykh gosudarstvennykh organizatsiy, podchinennykh Pravitel'stvu Respubliki Belarus' : Ukaz Prezidenta Resp. Belarus'. No. 516 ot 34 sentyabrya 2001 goda. URL: <http://pravo.newsby.org/belarus/ukaz3/uk879.htm> (date of access: 15.04.2017) (in Russ.).
14. O merakh po sovershenstvovaniiu organizatsii predvaritel'nogo sledstviya v organakh vnutrennikh del Respubliki Belarus' : Ukaz Prezidenta Resp. Belarus'. No. 207 ot 7 aprelya 1999 goda. URL: <http://pravo.newsby.org/belarus/ukaz3/uk879.htm> (date of access: 15.04.2017) (in Russ.).
15. Mal'cev L. S. [The creation of the Investigative Committee of the Republic of Belarus as the implementation of the conceptual foundations of the national security of the state modern conditions]. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=55073> (date of access: 03.04.2017) (in Russ.).
16. Bozoian A. O. [The state and development tendencies of investigative bodies in Russia] : avtoreferat dissertatsii ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.11. Moscow. 2014 (in Russ.).
17. Branchel' I. [Preliminary investigation: his role and place in the law enforcement system]. *Yustitsiya Belarusi*. 2008. No. 9. P. 27–30 (in Russ.).
18. Shved A. [Legal regulation of the activities and prerequisites for the formation of the Investigative Committee of the Republic of Belarus]. *Yustitsiya Belarusi*. 2012. No. 11. P. 21–23 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 26.04.2017.
Received by editorial board 26.04.2017.

УДК 343.81

СТИМУЛИРОВАНИЕ ПРАВОПОСЛУШНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ КАК ПРИНЦИП ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ ВО ФРАНЦИИ

М. С. ПУЗЫРЁВ¹⁾

¹⁾Академия Государственной пенитенциарной службы Украины, ул. Гончая, 34, 14000, г. Чернигов, Украина

Исследована реализация принципа стимулирования правопослушного поведения осужденных во Франции в сравнении с отдельными положениями уголовно-исполнительного законодательства Украины. Установлено, что во Франции данный принцип осуществляется посредством применения мер поощрения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, сокращения срока наказания. Сравнительный анализ французского и украинского законодательства в части применения мер поощрения к осужденным к лишению свободы позволил установить, что в этом аспекте украинское законодательство является более гуманным, поскольку предусмотренные французским законодательством меры поощрения отвечают соответствующим правам осужденных, закрепленным Уголовно-исполнительным кодексом Украины. Указаны отличительные особенности применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания во Франции по сравнению с Украиной: меньшая степень дифференциации формального основания; нечеткость определения материального основания; больший объем обязанностей, которые могут быть возложены на условно-досрочно освобожденного.

Ключевые слова: сравнительные исследования в сфере уголовно-исполнительного права; стимулирование правопослушного поведения осужденных; принципы исполнения наказаний; зарубежный опыт.

STIMULATION OF CONVICTS' LAW-ABIDING BEHAVIOUR AS A PRINCIPLE OF PUNISHMENTS EXECUTION IN FRANCE

M. S. PUZYREV^a

^aAcademy of the State Penitentiary Service, Gonchaya Street, 34, 14000, Chernihiv, Ukraine

The article deals with implementation of the principle of stimulation of convicts' law-abiding behaviour in France compared to corresponding provisions of the criminal-executive legislation of Ukraine. The author established that the implementation of the principle of stimulation of convicts' law-abiding behaviour in France is realized through the use of such promotional institutions of criminal-executive law as measures of encouraging, parole, reduced sentence. Comparative analysis of the legislation of France regarding the use of measures of encouraging convicts to imprisonment with the provisions of the domestic criminal-executive legislation (article 130 of the Criminal-Executive Code of Ukraine) revealed that in this aspect the Ukrainian penitentiary legislation is more humane, because measures of encouraging provided by the French legislation correspond to the appropriate convicts' rights according to the Criminal-Executive Code of Ukraine. The author carried out such distinctive features of using parole in France compared to Ukraine: the smaller degree of differentiation of the formal grounds; not detailed definition of the material ground; the wider volume of duties that may be assigned to parolee.

Key words: comparative studies in the field of the criminal-executive law; stimulation of convicts' law-abiding behaviour; principles of punishments execution; foreign experience.

Образец цитирования:

Пузырёв М. С. Стимулирование правопослушного поведения осужденных как принцип исполнения наказаний во Франции // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 95–99.

For citation:

Puzyrev M. S. Stimulation of convicts' law-abiding behaviour as a principle of punishments execution in France. *J. Belarus. State Univ. Law.* 2017. No. 2. P. 95–99 (in Russ.).

Автор:

Михаил Сергеевич Пузырёв – кандидат юридических наук, майор внутренней службы; главный научный сотрудник научно-исследовательского центра по вопросам деятельности органов и учреждений Государственной пенитенциарной службы Украины.

Author:

Mikhail Puzyrev, PhD (law), major of internal service; principal researcher at the research center for the activities of bodies and institutions of the State Penitentiary Service of Ukraine.
mpusyriov@mail.ru

Введение

На современном этапе развития украинской юриспруденции актуальность проведения сравнительных исследований в сфере уголовно-исполнительного права обусловлена стремительными процессами реформирования пенитенциарной системы страны (в связи с ликвидацией 18 мая 2016 г. Государственной пенитенциарной службы Украины [1] и передачей ее полномочий Министерству юстиции Украины [2]) и совершенствования уголовно-исполнительного законодательства в части адаптации правового статуса осужденного к европейским стандартам [3]. Указанные тенденции требуют соответствующего научного обоснования, включая проведение всесторонних компаративных исследований по пенитенциарной проблематике.

Одной из проблем, поставленных на повестку дня украинской пенитенциарной наукой, является стимулирование правоупослушного поведения осужденных, которое коррелирует не только с достижением цели их исправления, но и с предупреждением совершения ими новых преступлений как во время отбывания наказания, так и после освобождения. С проблемами исправления и ресоциализации осужденных (в зарубежной пенитенциарной науке именуется как *correction*, *rehabilitation*, *reintegration*, *social reintegration*) сталкивается не только Украина, но и большинство цивилизованных зарубежных стран, что позволяет провести функциональный анализ данного вопроса [4, с. 131].

Теоретической основой настоящей статьи стали труды украинских и зарубежных ученых, посвященные компаративным основам исполнения и отбывания наказаний, реализации принципа рационального применения мер принуждения и стимулирования правоупослушного поведения

осужденных, теории и практике применения поощрительных институтов уголовно-исполнительного права. Среди них следует отметить исследования З. А. Астемирова, Л. В. Багрий-Шахматова, С. Л. Бабаяна, В. А. Бадыры, А. М. Бандурки, И. Г. Богатырёва, О. И. Богатырёвой, М. Л. Грекова, В. И. Гуржия, Т. А. Денисовой, А. Н. Джужи, В. А. Жабского, Ю. В. Калинина, А. Г. Колба, В. Я. Конопельского, Н. В. Коломиец, И. Н. Копотуна, В. А. Меркуловой, М. П. Мелентьева, И. С. Михалко, Е. С. Назимко, Г. А. Радова, А. В. Савченко, А. Ф. Сизого, А. Ф. Степанюка, Н. А. Стручкова, В. М. Трубникова, Н. И. Хавронюка, С. И. Халимона, С. В. Царюка, О. О. Шкуты, В. П. Шупилова, И. С. Яковец, С. С. Яценко и др. Названные ученые внесли весомый вклад в решение проблем пенитенциарной теории и практики. Однако в настоящее время недостаточно разработанными остаются сравнительно-правовые аспекты исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Данные вопросы, в частности, касаются реализации поощрительных институтов уголовно-исполнительного права.

Проведем компаративный анализ реализации принципа стимулирования правоупослушного поведения осужденных на основе пенитенциарной практики одного из представителей романо-германской правовой семьи (к которой относится и Украина) – Франции. Исследование стимулирования правоупослушного поведения осужденных как принципа исполнения наказаний в Федеративной Республике Германия нами уже проводилось [5]. Настоящая публикация – логическое продолжение исследований, посвященных сравнительному анализу теории и практики применения поощрительных институтов уголовно-исполнительного права в странах романо-германской правовой семьи.

Основная часть

К целям наказания законодательство Франции относит исправление виновного, социальную и профессиональную реадaptацию (ст. 132-59 Уголовного кодекса (далее – УК) Франции, ст. 720-4, 723-3, 763-3 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Франции) [6, с. 151]. Условное освобождение может иметь место только в том случае, если появились «весомые сведения о социальной реадaptации» осужденного (ст. 729 УПК) [7, с. 342].

Пенитенциарная система Франции представлена центральными и местными тюрьмами для взрослых преступников и специальными исправительными учреждениями для несовершеннолетних. Центральные тюрьмы – единственное место, где осужденные отбывают наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года. В стране 14 центральных тюрем [8, с. 47]. Согласно ст. 719

УПК Франции, все заключенные в них должны быть изолированы друг от друга в ночное время. Однако на практике это требование не соблюдается из-за переполненности тюрем [9, с. 60].

Действующая в ряде центральных тюрем прогрессивная система отбывания наказания предполагает следующие фазы:

1) фаза одиночного заключения, распространяемая на всех осужденных. В течение года за заключенными осуществляется наблюдение, после чего они подразделяются на три группы: исправимые, сомнительные и неисправимые. В каждой группе устанавливается определенный режим отбывания лишения свободы;

2) оборнская фаза, допустимая только для исправимых. Заключенные ночуют в одиночных камерах, а днем группами работают в мастерской;

3) фаза улучшения – оборнская фаза, дополненная предоставлением некоторых льгот, например разрешением участвовать в коллективных играх, принимать пищу в общей столовой и т. д. Поведение заключенных в этот период оценивается путем ежедневного выставления баллов;

4) фаза полусвободы с правом заключенного работать по найму вне пределов тюрьмы и даже посещать родных;

5) фаза условного освобождения [10, с. 170].

В Украине по сравнению с Францией стадий прогрессивной системы меньше. Это связано прежде всего с отсутствием системы одиночного содержания в украинских исправительных колониях. В большинстве случаев осужденные отбывают наказание в виде лишения свободы на определенный срок в участке ресоциализации, распределяются по отделениям социально-психологической службы и размещаются в жилых помещениях с локальным совместным проживанием членов отделения (ст. 96 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК) Украины). Согласно ч. 1 ст. 100 УИК Украины во время отбывания наказания в зависимости от поведения осужденного, его отношения к труду и обучению (при наличии таковых) условия отбывания наказания могут изменяться в пределах одной колонии или путем перевода в колонию другого вида. Это первая ступень украинской прогрессивной системы исполнения/отбывания наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Эту ступень законодатель связывает с достижением начальной степени исправления: осужденный становится на путь исправления (ч. 1 ст. 101 УИК Украины) [11].

Фазе прогрессивной системы полусвободы с правом заключенного работать по найму вне пределов тюрьмы и даже посещать родных, закрепленной во французском законодательстве, соответствует украинский правовой режим функционирования участков социальной реабилитации (ст. 99 УИК Украины) и исправительных колоний минимального уровня безопасности с облегченными условиями содержания (ч. 3 ст. 138 УИК Украины), в которые осужденные переводятся в рамках применения к ним начальной стадии прогрессивной системы – изменения условий содержания.

Учитывая фазы французской прогрессивной системы и сравнивая их с законодательством Украины, можно сделать вывод о том, что во Франции отсутствует такой элемент прогрессивной системы, как замена неотбытой части наказания более мягкими условиями. В свою очередь, в Украине отсутствует возможность изменять условия содержания осужденных к лишению свободы на определенный срок, применяя к ним режим одиночного содержания.

Согласно аксиоматическим положениям пенитенциарной науки, которые были выработаны еще

в XIX–XX вв., основанием применения прогрессивной системы исполнения наказания в любой стране является соотношение мер поощрения и взыскания, применяемых к осужденным. Каждой стране такое соотношение определяется по-разному. В Украине указанные категории уголовно-исполнительного права – компоненты деятельности по оценке степени исправления осужденных. От качественного определения последней (при соблюдении формального критерия – отбытия установленной законом части срока наказания) зависит применение того или иного элемента прогрессивной системы (изменение условий содержания, замена неотбытой части наказания более мягким, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания).

Условно-досрочное освобождение было введено в тюремную систему Франции в 1985 г. Преступники, проявляющие определенные признаки социального исправления и отбывшие половину или две трети (для рецидивистов) срока наказания, могут претендовать на условно-досрочное освобождение [12, р. 42–45]. К мерам взыскания во Франции относятся: выговор, увеличение срока, необходимого для получения льгот в процессе отбывания наказания, перевод в одиночную камеру с ухудшением питания на срок до 45 суток. Мерами поощрения являются: разрешение на дополнительную переписку, дополнительное питание, разрешение на покупку табачных изделий и книг, увеличение числа свиданий, посылок и др. [10, с. 171].

Подобно украинскому законодательству, высшей ступенью прогрессивной системы исполнения/отбывания наказания во Франции является условно-досрочное освобождение. Принципы применения этого поощрительного института в рассматриваемых странах похожи, однако пенитенциарный компаративный анализ выявил ряд различий. По причине того, что во Франции, в отличие от Украины, отсутствует УИК, вопросы условно-досрочного освобождения урегулированы УК [13] и УПК [14].

Формальным основанием этого вида освобождения во Франции является отбытие осужденным не менее половины срока лишения свободы. Для рецидивистов этот показатель составляет две трети срока; для лиц, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы, – не менее 15 лет. Материальное основание условно-досрочного освобождения – это установление того факта, что имеются достаточные доказательства положительного поведения осужденного и серьезные мотивы рассчитывать на возвращение его к нормальной жизни в обществе. Согласно ст. 731 УПК Франции предоставление условно-досрочного освобождения от отбывания наказания может сопровождаться особыми условиями, а также мерами воздействия и контроля, цель которых – облегчить

возвращение человека к нормальной жизни в обществе. Такие мероприятия проводятся под председательством судьи по исполнению наказаний, комитета по пробации и содействию осужденным, а также с участием патронажных организаций. Продолжительность этих мер не может быть меньше, чем неотбытая часть наказания, и может превышать неотбытый срок наказания не более чем на один год. В случае нового осуждения, явного недостойного поведения, нарушения условий условно-досрочного освобождения или неповиновения мерам содействия освобождение отменяется министром юстиции, а осужденный должен отбыть оставшуюся часть срока наказания. Согласно ст. 132-44, 132-45 УК Франции на условно-досрочно освобожденного могут быть возложены следующие обязанности: не менять без уведомления в службу патроната и содействия освобожденным постоянного места жительства/работы/учебы; постоянно проживать в определенном месте; не посещать некоторые заведения (бары, трактиры, рестораны); воздерживаться от общения с определенными судом лицами (например, с пострадавшими, соучастниками совершенного преступления); не участвовать в пари или тотализаторе; не управлять транспортным средством; пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания; устроиться на работу или учебу в определенный судом срок; оказывать материальную помощь семье в пределах своих возможностей; выполнять обязанности по помощи иждивенцам; уплатить денежную сумму в казну; не заниматься профессиональной деятельностью, если с ней было связано совершение преступления; возместить причиненный преступлением ущерб в пределах своих материальных возможностей (даже если нет решения суда в отношении гражданского иска) [15, с. 37].

Исходя из изложенного, можно выделить следующие отличительные особенности применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания во Франции по сравнению с Украиной:

- 1) меньшая степень дифференциации формального основания;
- 2) нечеткость определения материального основания;

Заключение

Изучив характерные особенности реализации принципа стимулирования правопослушного поведения осужденных во Франции, можно сделать следующие выводы:

1) реализация принципа стимулирования правопослушного поведения осужденных во Франции осуществляется посредством применения мер поощрения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, сокращения срока наказания;

3) большой объем обязанностей, которые могут быть возложены на условно-досрочно освобожденного.

Во Франции одним из видов досрочного освобождения от отбывания наказания является институт сокращения срока тюремного заключения, в котором в настоящее время применяются две системы: ремиссионный кредит и дополнительная ремиссия.

Ремиссионный кредит дается лицу в день тюремного заключения и является равноценным смягчению наказания за хорошее поведение. Он автоматически предоставляется каждому заключенному и отменяется в случае плохого поведения. Ремиссионный кредит составляет три месяца в первый год отбывания наказания и два месяца в каждый из последующих годов. Таким образом, в случае назначения тюремного заключения на срок 4 года и при условии хорошего поведения со дня начала отбывания наказания дата освобождения будет установлена через три года и три месяца со дня начала срока. Для краткосрочного тюремного заключения ремиссионный кредит составляет семь дней в месяц.

Дополнительная ремиссия также может предоставляться заключенному, но не автоматически. Ее критерии ориентированы преимущественно на стимулирование социальной реабилитации и реинтеграции. Таким образом могут быть вознаграждены сдача экзамена, завершение обучения или получение профессии во время отбывания наказания, а также попытки возместить потерпевшему вред от преступления. Дополнительная ремиссия составляет три месяца в году, или семь дней в месяц. Например, если она предоставляется заключенному в полном объеме, то четырехлетний срок наказания фактически продлится два года и три месяца.

В настоящее время во Франции эти два вида ремиссии применяются к большинству осужденных. Если во время отбывания наказания осужденный ведет себя неподобающе, судья может изменить свое решение о ремиссии и аннулировать часть кредита (в случае применения первого вида ремиссии). Дополнительная ремиссия может быть отменена в случае совершения заключенным нового преступления [16, р. 173–174].

2) сравнительный анализ украинского и французского законодательства в части применения мер поощрения к осужденным к лишению свободы позволил установить, что в этом аспекте украинское законодательство является более гуманным, поскольку предусмотренные французским законодательством меры поощрения отвечают соответствующим правам осужденных, закрепленным УИК Украины;

3) особенностями применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания во Франции по сравнению с Украиной являются: меньшая степень дифференциации формального основания, нечеткость определения материального основания, больший объем обязанностей, которые могут быть возложены на условно-досрочно освобожденного.

Библиографические ссылки

1. Деякі питання оптимізації діяльності центральних органів виконавчої влади системи юстиції: постанова Кабінету Міністрів України від 18 трав. 2016 р. № 343 [Електронний ресурс]. URL: <http://www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnpd?docid=249066305> (дата звернення: 15.02.2017).
2. Питання Міністерства юстиції: розпорядження Кабінету Міністрів України від 22 верес. 2016 р. № 697-р [Електронний ресурс]. URL: <http://www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnpd?docid=249357900> (дата звернення: 10.01.2017).
3. Про внесення змін до Кримінально-виконавчого кодексу України щодо адаптації правового статусу засудженого до європейських стандартів : Закон України від 8 квіт. 2014 р. № 1186-VII // Відомості Верховної Ради України. 2014. № 23. Ст. 869.
4. Пузырьов М. С. Види досліджень у порівняльному кримінально-виконавчому праві // Проблеми реформування Державної кримінально-виконавчої служби України : матеріали наук.-практ. семінарів (Чернігів, 29 листоп. 2012 р., 12 груд. 2012 р.); гол. ред. О. І. Олійник. Чернігів, 2013. С. 128–132.
5. Пузырьов М. С. Стимулювання правослухняної поведінки засуджених як принцип виконання покарань у Федеративній Республіці Німеччина // Нац. юрид. журнал : Теорія і практика. 2016. № 5 (21). С. 155–159.
6. Малиновский А. А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002.
7. Уголовное право зарубежных государств / под ред. И. Д. Козочкина. М., 2001.
8. Шупилов В. П. Система исполнения уголовного наказания во Франции. М., 1975.
9. Греков М. Л. Тюремные системы: состояние, перспективы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2000.
10. Жабский В. А. Наказания по уголовному законодательству зарубежных стран: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2011.
11. Кримінально-виконавчий кодекс України від 11 лип. 2003 р. // Відомості Верховної Ради України. 2004. № 3–4. Ст. 21.
12. Simon R. J., Waal C. A. Prisons the World Over. Lanham ; Boulber ; New York ; Toronto ; Oxford, 2009.
13. Новый уголовный кодекс Франции / пер. с фр. Н. Ф. Кузнецовой, Э. Ф. Побегайло. М., 1993.
14. Code de procédure pénale. Paris, 1963.
15. Казначеєва Д. В. Питання умовно-дострокового звільнення від відбування покарання у законодавстві закордонних країн // Актуальні проблеми кримінального права та кримінології у світлі реформування кримінальної юстиції : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Харків, 22 травн. 2015 р.). Харків, 2015. С. 37–39.
16. Release from Prison: European policy and practice / ed. by N. Padfield, D. V. Z. Smit, F. Dünkel. Portland, 2010. P. 169–184.

References

1. [Some matters of the optimization of central executive justice authorities: Regulation of Cabinet of Ministers of Ukraine on 18 May 2016 No. 343]. URL: <http://www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnpd?docid=249066305> (date of access: 15.02.2017) (in Ukrainian).
2. Matters of the Ministry of Justice: Direction of Cabinet of Ministers of Ukraine on 22 Sept. 2016 No. 697-p. URL: <http://www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnpd?docid=249357900> (date of access: 10.01.2017) (in Ukrainian).
3. On amendments to the Criminal-Executive Code of Ukraine regarding the adaptation of the legal status of the convict to European standards: Law of Ukraine on 8 April 2014 No. 1186-VII. // *Vidomosti Verkhovni Rady Ukr.* 2014. No. 23. P. 869 (in Ukrainian).
4. Puzyrov M. S. Types of studies in comparative criminal-executive law. *Problemy reformuvannia Derzhavnoi kryminalno-vykonavchoi sluzhby Ukrainy : mater. naukovoprakt. semin.* (Chernigov, 29 Sept. 2012, 12 Dec. 2012). Chernigov, 2013. P. 128–132 (in Ukrainian).
5. Puzyrov M. S. Stimulation of convicts' law-abiding behaviour as a principle of punishments execution in the Federal Republic of Germany. *National Law J. : Theory Pract.* 2016. No. 5 (21). P. 155–159 (in Ukrainian).
6. Malinovskii A. A. [Comparative jurisprudence in the field of criminal law]. Moscow, 2002 (in Russ.).
7. Kozochkin I. D. (ed.). [The criminal law of foreign countries]. Moscow, 2001 (in Russ.).
8. Shupilov V. P. [The system of criminal punishment execution in France]. Moscow, 1975 (in Russ.).
9. Grekov M. L. Prison systems: current state and prospects. Krasnodar, 2000 (in Russ.).
10. Zhabskiy V. A. The punishments under the criminal law of foreign countries : dissertatsiya ... doctora yuridicheskikh nauk : 12.00.08. Riazan, 2011 (in Russ.).
11. [The Criminal-Executive Code of Ukraine on 11 July 2003]. *Vidomosti Verkhovni Rady Ukr.* 2004. No. 3–4. P. 21 (in Ukrainian).
12. Simon R. J., Waal C. A. Prisons the World Over. Lanham ; Boulber ; New York ; Toronto ; Oxford, 2009. P. 42–45.
13. Kuznecova N. F., Pobegajlo J. F. (transl.). [New criminal code of France]. Moscow, 1993 (in Russ.).
14. [The code of criminal procedure]. Paris, 1963 (in Fr.).
15. Kaznacheieva D. V. [The issues of parole under the legislation of foreign countries]. *Aktualni problemy kryminalno-ho prava ta kryminolohii u svitli reformuvanniya kryminalnoi yustytzii* : mater. mizhnarodnoy naukovoprakt. konf. (Har'kiv, 22 May 2015). Har'kiv, 2015. P. 37–39 (in Ukrainian).
16. Padfield N., Smit D. V. Z., Dünkel F. (eds). Release from Prison: European Policy and Practice. Portland, 2010. P. 169–184.

ИСПРАВЛЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ КАК ЦЕЛЬ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Ю. Л. ШЕВЦОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается исправление осужденных как цель уголовной ответственности. Проводится сравнительный анализ закрепления этой цели в уголовном законе Беларуси, Казахстана, России и Украины. Анализируются различные научные подходы к пониманию цели исправления в доктрине уголовного и уголовно-исполнительного права. Рассматривается содержание исправления в морально-нравственном и юридическом аспектах. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода и учета специфики при рассмотрении цели исправления в уголовном и уголовно-исполнительном праве, а также в отношении наказаний, связанных с изоляцией от общества, и иных мер уголовной ответственности и наказаний без изоляции от общества.

Ключевые слова: цели уголовной ответственности; исправление осужденных; юридическое исправление; морально-нравственное исправление.

CORRECTION OF THE CONVICTS AS THE PURPOSE OF CRIMINAL AND CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Y. L. SHEVTSOV^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article deals with the concept of correction of convicts as the purpose of criminal responsibility. A comparative analysis of the consolidation of this purpose in the criminal law of Belarus, Kazakhstan, the Russian Federation and Ukraine is carried out. Various scientific approaches are analyzed in the understanding of the purpose of correcting in the doctrine of criminal and penitentiary law. The content of the correction is considered in moral and legal aspects. The article proves the necessity of a differential approach and consideration of specifics in considering the purpose of «correction» in criminal and penitentiary law, and regard to punishment related to isolation from society and other measures of criminal responsibility and punishment without isolation from society.

Key words: purposes of criminal responsibility; correction of convicts; legal correction; moral correction.

В юридической литературе целям уголовной ответственности и наказания уделено значительное внимание. В российской уголовно-правовой литературе и юридической литературе других стран СНГ на основании действующих уголовных кодексов (далее – УК) соответствующих стран и Модельного УК для государств – участников СНГ анализируются

цели наказания. В белорусской уголовно-правовой литературе рассматриваются цели уголовной ответственности, поскольку действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. формулирует цели именно уголовной ответственности (ст. 44), а не наказания. В белорусской науке уголовного права преобладает мнение о том, что уголовное на-

---

Образец цитирования:

Шевцов Ю. Л. Исправление осужденных как цель уголовного и уголовно-исполнительного права // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 100–107.

For citation:

Shevtsov Y. L. Correction of the convicts as the purpose of criminal and criminal-executive law. *J. Belarus. State Univ. Law*. 2017. No. 2. P. 100–107 (in Russ.).

Автор:

Юрий Леонидович Шевцов – кандидат юридических наук, доцент; заместитель декана по заочному обучению; доцент кафедры уголовного права.

Author:

Yuri Shevtsov, PhD (law), docent; deputy dean for a correspondence course; associate professor at the department of criminal law, faculty of law.
shevtsov@bsu.by

казание и уголовная ответственность – взаимосвязанные, но не совпадающие институты [1, с. 24; 2, с. 30]. В этом плане позиция белорусского законодателя, на наш взгляд, предпочтительна, поскольку наказание выступает хотя и главной, но лишь одной из форм реализации уголовной ответственности. Так, по данным Верховного Суда Республики Беларусь, в 2016 г. было осуждено 44 770 лиц, из них 92 % – с назначением наказаний.

Адекватное правовое регулирование целей уголовной ответственности имеет важное значение. А. В. Барков обоснованно указывает на то, что определяющий фактор уголовно-правовой политики любого государства – задачи национального уголовного права и цели уголовной ответственности, посредством которой в основном решаются эти задачи [3, с. 92]. О. С. Рогачева называет цели критерием оценки эффективности правовых норм [4, с. 227].

Белорусский исследователь Э. А. Саркисова отмечает, что особенностью правового регулирования целей уголовной ответственности является то, что они относятся не только к наказанию, но и к иным мерам уголовной ответственности, а именно: к отсрочке исполнения наказания, осуждению с условным неприменением наказания, осуждению без назначения наказания, принудительным мерам воспитательного характера, применяемым к несовершеннолетним [5]. Автор полагает, что автоматический перенос целей наказания применительно к целям уголовной ответственности вряд ли оправдан. Если лицо, подвергнутое наказанию, в той или иной мере реально ощутило его карательное воздействие, то применение иных мер уголовной ответственности, не носящих карательного характера, как осужденными, так и гражданами чаще всего воспринимается как освобождение от наказания [5]. Такой вывод ставит вопрос о наличии определенной разницы в содержании целей наказания и целей иных форм реализации уголовной ответственности. Так, С. В. Максимов считает, что цели уголовного права поглощают своим содержанием цели уголовной ответственности, которые, в свою очередь, поглощают цели своей реализации [6, с. 11].

Согласно ст. 46 УК уголовная ответственность реализуется в осуждении:

- 1) с применением назначенного наказания;
- 2) с отсрочкой исполнения назначенного наказания;
- 3) с условным неприменением назначенного наказания;
- 4) без назначения наказания;
- 5) с применением в отношении несовершеннолетних принудительных мер воспитательного характера.

При этом сами наказания могут быть разделены на две группы: связанные с изоляцией от общества (в 2016 г. – 47 % от числа всех осужденных к наказаниям) и не связанные с ней, т. е. те, которые отбываются осужденным в обществе (53 %). Нам представляется, что цели этих мер уголовной ответственности имеют специфику как с точки зрения стратегии, так и тактики.

Под целями уголовного наказания М. П. Журавлев понимает те социальные результаты, достижение которых происходит путем установления мер государственного принуждения в законе и в результате их фактического применения [7, с. 189]. А. Э. Жалинский считает, что цели наказания представляют собой желаемый законодателем и обществом результат, а также ориентацию на его достижение, т. е. направленность потенциала наказания и деятельности по его назначению и исполнению [8, с. 375].

Важной целью социальных результатов, которые общество ожидает от наказаний, связанных с изоляцией от общества, и иных форм реализации уголовной ответственности и наказаний (не связанных с изоляцией осужденного от общества), на наш взгляд, является безопасность. При наказаниях в виде лишения свободы, аресте или пожизненном заключении цель безопасности общества достигается изоляцией осужденного в местах лишения свободы. Это делает невозможным причинение нового вреда общественным интересам, так как осужденный лишен возможности совершить новое преступление. В правиле 4 Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) особый акцент сделан на защите общества от преступников и сокращении случаев рецидивизма [9].

В ином аспекте цель безопасности общества выступает при отбывании осужденным мер уголовной ответственности в обществе. В таких обстоятельствах он не лишается физической возможности совершить новое преступление и априори способен причинить новый уголовно-противоправный вред гражданам или юридическим лицам. Поэтому цель общественной безопасности в данном случае особенно актуальна. Она не может быть достигнута автоматически и должна быть гарантирована особыми способами. Во-первых, данная цель должна быть учтена судом при назначении наказания без изоляции от общества или при выборе им иной формы реализации уголовной ответственности. Во-вторых, ее достижение должно обеспечиваться соответствующими органами путем осуществления особых контрольных мероприятий в отношении осужденного. Таким образом, при назначении уголовно-правовых мер, которые подлежат отбыванию в условиях гражданского общества, следует

обеспечить такой социальный результат, как безопасность общества, т. е. чтобы осужденный, отбывающий наказание или иную меру уголовной ответственности, не причинил вред общественным интересам вновь. Только уверенность на основании учета личностных данных в том, что это лицо, отбывая наказание, вновь не совершит преступление, позволит назначить такие меры и отказаться от наказаний с изоляцией от общества.

В уголовном законе цель исправления осужденного предусматривается в УК Российской Федерации 1996 г. (ст. 43), УК Казахстана 2014 г. (ст. 39), УК Республики Беларусь (ст. 44), УК Армении 2003 г. (ст. 48), УК Таджикистана 1998 г. (ст. 46) и законодательстве других стран. О цели исправления и перевоспитания осужденного в духе соблюдения законов и обычаев говорится в ст. 36 УК Болгарии 1968 г., о цели ресоциализации виновного – в ст. 39 УК Грузии 1999 г.

Среди целей уголовной ответственности на первое место поставлено исправление. Цель исправления лица, совершившего преступление, наряду с частным и общим предупреждением является законодательным социальным результатом, который должен быть достигнут путем применения мер уголовной ответственности.

В новых, пришедших на смену советским, УК законодатели многих стран СНГ сохранили только цель исправления и отказались от цели перевоспитания осужденных. Такой подход представляется обоснованным. Если воспитание формирует качества личности с чистого листа в процессе первоначальной социализации, то перевоспитание предполагает изменение уже воспитанной и сформировавшейся личности. По своей сути перевоспитание осужденных является специфическим видом воспитания, который нацелен на замену старой антиобщественной системы ценностей и мировоззрения личности преступника на новую – социально полезную или нейтральную. Перевоспитание предполагает искоренение отрицательно оцениваемых обществом личностных качеств, т. е. связано с перестройкой и заменой негативных свойств личности и антиобщественных взглядов, осложнявших процесс социализации личности, на социально полезные или нейтральные, а также с изменением жизненных приоритетов и способов поведения, приведших к совершению общественно опасного деяния.

В настоящее время большинство авторов считают целью перевоспитания осужденных неприемлемой в качестве цели уголовного наказания (во всяком случае в отношении совершеннолетних лиц) и не подлежащей закреплению в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. По мнению В. Н. Петрашева, «задача перевоспитать человека <...> нереальна» [10, с. 353–354].

Закрепление в уголовном законе только цели исправления оправданно и с позиций педагогической науки. В современной педагогике и гуманистической психологии утверждается мысль об угасании педагогического термина «перевоспитание». Это «термин далекого педагогического прошлого, когда ребенок, будучи для педагога объектом воздействия, трактовался как носитель суммы качеств. Предполагалось, что отрицательные качества нужно “удалять”, “уничтожать”, даже “вытравливать”, “подавлять” (при этом упускалась нечаянная возможность “подавить” и самую личность ребенка), а положительные – вкладывать на место вытравленных» [11, с. 373–374]. Вследствие этого данный педагогический термин считается не отвечающим ни гуманистическим тенденциям современной общечеловеческой культуры, провозглашающей высшей ценностью права человека на свободу, неприкосновенность и достоинство личности, ни прагматичным целям уголовной ответственности. Психологическая наука ставит под сомнение саму возможность перевоспитания взрослого человека со сложившимся мировоззрением [12, с. 485]. Говоря о перевоспитании, А. С. Макаренко писал, что это трудный и длительный процесс и перевоспитывать значительно труднее, чем воспитывать [13, с. 59].

Сложно также говорить о перевоспитании при назначении судом наказаний, исполнение которых носит одномоментный характер. Так, в случае осуждения к штрафу осужденный фактически после уплаты назначенной судом суммы одномоментно уже должен считаться перевоспитанным, что весьма сомнительно.

Исправление, как институт уголовного права, имеет важнейшее и принципиальное значение для понимания уголовной ответственности, поскольку, как верно подчеркнул А. И. Люблинский, «никто не должен быть удерживаем в тюрьме после того, как доказано, что он исправился и перестал представлять опасность для общества, и никто не должен быть выпускаем из тюрьмы до тех пор, пока он не исправился и представляет опасность для общества» [14, с. 88]. Принципы гуманизма и экономии репрессии выражаются в том, что если осужденный в процессе исполнения наказания до истечения полного назначенного судом срока исправился, т. е. цель наказания достигнута, то он подлежит условно-досрочному освобождению.

Однако, несмотря на столь важное правовое значение, ни белорусский, ни казахский, ни российский законодатель не определяет в уголовном законе, что следует понимать под исправлением осужденного. Это, на наш взгляд, недостаток уголовно-правового регулирования. Правовое понятие «исправление осужденного» законодатели указанных стран определяют в уголовно-исполнительном

законодательстве. Согласно Уголовно-исполнительному кодексу (далее – УИК) Республики Беларусь исправление осужденных – это «формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни» (ст. 7). По УИК Российской Федерации 1996 г. – «формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения» (ст. 9). По УИК Казахстана 2014 г. – это «формирование у осужденного правопослушного поведения, позитивного отношения к личности, обществу, труду, нормам, правилам и этике поведения в обществе» (ст. 3).

В УИК Украины 2003 г. выделены две ступени – исправление и ресоциализация. Исправление трактуется как процесс положительных изменений, происходящих в личности осужденного и создающих у него готовность к самоуправляемому правопослушному поведению. Исправление рассматривается как необходимое условие ресоциализации, сознательное восстановление осужденного в социальном статусе полноправного члена общества, возвращение к самостоятельной общепринятой социально-нормативной жизни в обществе (ст. 6 УИК Украины).

Исследователями ведется дискуссия относительно того, что следует понимать под исправлением как целью уголовной ответственности и наказания. Слово «исправление» происходит от слова «исправить», т. е. устранить ошибки, недостатки, погрешности, сделать кого-либо или что-либо лучше, совершеннее, избавить от недостатков [15, с. 202; 16, с. 272].

Правовые дискуссии о понимании исправления как цели уголовной ответственности имеют давнюю историю. Еще в конце XIX в. И. Я. Фойницкий писал, что цель исправления понимается в двух значениях – в религиозно-нравственном и юридическом [17, с. 62].

В литературе советского периода И. С. Ной под морально-нравственным исправлением понимал «такую переделку личности осужденного, при которой нового преступления он не совершит не из страха перед наказанием, а потому, что это оказалось бы в противоречии с его новыми взглядами и убеждениями, потому, что в нем родился совершенно новый страх – страх совести, страх перед преступлением, отвращение к нему» [18, с. 114].

В психологической науке морально-нравственное исправление связывается с такими этическими категориями, как раскаяние, покаяние, искупление. Раскаяние, как психологический акт, предполагает признание собственной вины и отрицательную оценку совершенного общественно опасного деяния. Раскаиваясь, человек, совершивший преступление и причинивший вред людям и обществу, глубоко сожалеет о случившемся и принимает ре-

шение никогда больше не совершать проступков. Раскаяние выражается в особом нравственном чувстве сожаления, признании перед органами правосудия и окружающими согражданами своей виновности и готовности загладить вред, причиненный преступлением, а также понести справедливое наказание. В психологической литературе раскаяние называется необходимой составляющей искупления и условием исправления [19, с. 173–174].

Е. П. Ильин рассматривает покаяние как религиозное понятие, которое происходит исключительно перед лицом Бога. В православной литературе покаяние выступает в качестве одного из семи христианских Таинств. Принося покаяние в грехах, верующий очищает душу, переживает катарсис – чувство восторга, просветления, облегчения. Если в раскаянии нет отречения от себя прежнего (человек раскаивается лишь в отдельном поступке), то покаяние – это твердая решимость расстаться с грехом, изменить свою жизнь на другой, социально-нравственной, основе [19, с. 173–174]. Таким образом, покаяние содержит в себе не только осознание греховности в религиозном смысле, но и намерение исправиться.

Искупление проявляется в том, что индивид, принимая и претерпевая карательное воздействие правоограничений, свойственных наказанию, воспринимает его не как чуждый ему внешний принудительный элемент, а как справедливое воздаяние за тот вред и моральные страдания, которые он причинил потерпевшему и другим людям.

Российский криминалист А. И. Марцев считает, что «каждый осужденный обязан искупить свою вину за совершенное преступление честным трудом и примерным поведением», и предлагает признать искупление самостоятельной целью уголовной ответственности [20, с. 68]. Как представляется, содержащееся в уголовно-исполнительном законодательстве понятие «исправление» допустимо распространить и на уголовно-правовое понятие цели исправления. Однако здесь следует учитывать специфику. Исходя из того, что цель выступает в качестве определяющего фактора уголовной политики, считаем, что определение исправления осужденных как результат, а также критерии и степени исправления подлежат регламентации в уголовном законе, поскольку эта цель формирует стратегию и тактику применения уголовного закона, а степень исправления выступает правовым основанием для прекращения или изменения порядка отбывания наказания. Так, лицо, доказавшее исправление примерным поведением, подлежит условно-досрочному освобождению.

В уголовно-исполнительном законодательстве понятие «исправление» также подлежит закреплению. В первую очередь здесь важно регламентировать сам процесс исправительного воздействия, а также необходимый социальный результат, пони-

маемый сегодня как формирование у осужденного готовности вести правопослушный образ жизни. Причем достижение этого результата следует рассматривать применительно к средствам, задачам и специфике деятельности органов, исполняющих определенное наказание или иные меры уголовной ответственности. Очевидно, что если назначенное судом наказание не будет исполнено, то и возможность достижения цели исправления сомнительна. Признавая роль самовоспитания личности в деле исправления, следует отметить, что в уголовно-исполнительном праве задача исправления осужденного решается именно в процессе исправительного воздействия как результата деятельности уполномоченных органов, исполняющих меры уголовной ответственности. Эти возможности уполномоченных органов зависят как от вида назначенного наказания, так и от специфики их компетенции по исполнению мер уголовной ответственности.

На современном этапе в законодательстве и теории уголовного права востребована концепция юридического исправления. Б. В. Яценко пишет, что «цель исправления осужденного заключается в том, чтобы с помощью карательных элементов наказания попытаться заставить изменить отрицательные качества личности осужденного, под влиянием которых было совершено преступное деяние, и привить ему уважительное отношение к закону, установленному правопорядку, правилам и интересам других граждан. Под исправлением осужденного понимается достижение путем наказания такого результата, чтобы лицо после отбытия наказания не совершило нового преступления. Речь идет о так называемом юридическом исправлении осужденного. Добиться юридического исправления осужденного – это тот максимально возможный результат, на который способно уголовное наказание» [21, с. 187].

По мнению А. В. Наумова, исправление предполагает превращение преступника в законопослушного человека. Речь, конечно, не идет о том, чтобы в ходе отбывания наказания он превратился в высоконравственную личность. «Реальная задача, которую возможно решить в ходе исправления, – убедить и заставить осужденного хотя бы под страхом наказания не нарушать уголовный закон, т. е. не совершать в будущем новых преступлений» [22, с. 346].

Для того чтобы лицо стало законопослушным, следует преодолеть вредные привычки и отрицательные черты характера, устранить негативные антиобщественные взгляды, которые способствовали совершению преступления. Достижению цели исправления способствуют уголовно-правовые и уголовно-исполнительные средства, такие как наличие уголовно-правового запрета, а также комплекс уголовно-исправительных мер, в том числе режимные требования соответствующего наказа-

ния, проведение с осужденными воспитательной работы, привлечение к общественно полезному труду и обучению, общественное воздействие.

Некоторые авторы не считают исправление осужденных самостоятельной целью уголовной ответственности и не находят поводов для закрепления данной цели в уголовном законе. Эта цель рассматривается ими только как задача, метод и средство достижения цели предупреждения совершения новых преступлений (частная превенция). Некоторые ученые отрицают ее самостоятельное значение, считая, что цель предупреждения преступлений включает в себя и цель исправления осужденного.

Белорусский исследователь Э. А. Саркисова указывает на то, что цель исправления лица, совершившего преступление, излучает некоторый архаизм. Особенно если иметь в виду, что она, как правило, не достигается: сегодня в Республике Беларусь уровень рецидива преступлений приближается к 50-процентной отметке [5]. При том, что законодатель ставит цель исправления на приоритетное место, Э. А. Саркисова отмечает, что вопрос о содержании данной цели и уголовно-правовых средствах ее обеспечения в научной литературе исследован слабо. Так же слабо обеспечивается достижение данной цели в процессе исполнения наказания и иных мер уголовной ответственности. Сравнительно-правовой анализ УК государств СНГ и других стран в части регламентации целей уголовного наказания не свидетельствует о единообразности в понимании их иерархической значимости. Поскольку исправление осужденного, и как процесс, и как результат, непосредственно подчинено достижению цели специального предупреждения, т. е. недопущению лицом и в будущем совершения новых преступлений, по мнению Э. А. Саркисовой, более логичным будет рассматривать исправление как средство обеспечения специально-предупредительного предназначения наказания и в целом уголовной ответственности. Тем более что достижение цели исправления осужденного уже после отбывания наказания будет определяться наличием или отсутствием рецидива преступлений, хотя правопослушное поведение исключает совершение любых правонарушений [23, с. 331]. Н. А. Бабий также указывает на то, что исправление является составной частью, основным способом достижения цели частного предупреждения [24, с. 426].

Согласно противоположной точке зрения исправление признается содержательно более широкой целью, нежели предупреждение преступлений. С. В. Максимов пишет, что «сущность исправления осужденного состоит в лишении данного лица общественной опасности, т. е. в устранении самой готовности к совершению им новых преступлений. Критерием достижения этой цели является

несовершенство осужденным новых преступлений. Таким образом, цель исправления осужденных поглощает цель предупреждения среди них новых преступлений» [25, с. 253].

Н. А. Беляев считает, что «моменты достижения целей исправления осужденного и частного предупреждения не совпадают. Рассматриваемые цели наказания не совпадают и по своему содержанию. Принципиально неверно рассматривать исправление и перевоспитание осужденного только в качестве средства предупреждения совершения новых преступлений со стороны осужденного. <...> Удержание осужденного от совершения новых преступлений – это та минимальная задача, которую государство ставит перед уголовным наказанием. Вообще же перед уголовным наказанием ставится более гуманная, более высокая, более благородная задача, чем только задача сделать бывшего преступника безопасным для общества. Применяя уголовное наказание, государство стремится из бывшего преступника воспитать честного советского труженика» [26, с. 55]. В связи с этим верно утверждение Н. А. Беляева о том, что исправление осужденного и предупреждение совершения им новых преступлений следует считать самостоятельными целями уголовного наказания.

Исправление, как результат и процесс деятельности, имеет самостоятельное правовое значение в уголовном и уголовно-исполнительном праве. Тем более что эффективность цели частной превенции определяется событиями (повторным совершением/несовершением преступления), которые находятся на значительном временном удалении от уже завершенных процессов исправительно-воспитательного воздействия при исполнении и отбывании наказания и последовавших ресоциализационных мер постпенитенциарной помощи в трудоустройстве, обустройстве на месте жительства и т. п.

Не вызывает сомнения, что реальным средством достижения цели специального предупреждения является исправление осужденного и что посредством этого достигается и цель частной превенции, поскольку если у лица сформировалась готовность к правопослушному поведению, то высока вероятность того, что оно не будет впредь совершать преступления.

Однако цель исправления осужденного и цель частного предупреждения, имея общие точки соприкосновения, находятся в разных правовых плоскостях и имеют собственное правовое назначение. Объектом исправления является личность осужденного, целью – формирование готовности вести правопослушный образ жизни. Цель частного предупреждения направлена на обеспечение безопасности и защиты общества, т. е. несовершенство осужденным новых преступлений и непричинение им нового противоправного вреда обществу. Таким

образом, и для законодателя, и для общества ценны обе цели. Это обуславливает необходимость их отдельного правового регулирования и реализации осуществления в процессе уголовно-исполнительной деятельности. С точки зрения исполнения наказания и иных мер уголовной ответственности цель исправления и цель частной превенции требуют от правоохранительных органов, в том числе исполняющих наказания, самостоятельной организационной и распорядительной деятельности по каждому направлению для практической реализации каждой из них, поскольку они обособлены как содержательно, так и по времени и органам, их реализующим.

Если в доктрине уголовного права преобладает мнение о том, что цель исправления считается достигнутой, если осужденный после отбывания наказания больше не совершает преступлений (юридическое исправление), то, по мнению С. М. Зубарева, «в науке уголовно-исполнительного права и пенитенциарной педагогике исправление рассматривается в качестве результата комплексного воздействия на личность осужденного, которое превращает его в безопасного и безвредного для общества человека» [27, с. 76], т. е. имеется в виду нравственное исправление. При этом степень исправленности конкретного осужденного всегда индивидуальна, следовательно, и содержательное достижение цели исправления может быть разным. Главное здесь – изменить искаженные нравственные ориентации осужденного, обуславливающие совершение преступлений, на позитивные социально полезные.

По мнению В. С. Комиссарова, «реализация уголовно-исполнительной цели исправления предполагает не только юридическое исправление (несовершение в будущем преступлений), но и полное изменение внутреннего социально-психологического облика осужденного» [28, с. 326–328].

В теории уголовно-исполнительного права под исправлением понимается «частичное изменение сознания и поведения осужденного, преодоление отрицательных качеств личности, которые привели к совершению преступления, и достижение цели не совершать преступления в будущем» [29, с. 590].

В доктрине имеются полярные высказывания по поводу того, соответствует ли практика законодательства и практика реализации мер уголовной ответственности декларируемой цели исправления и возможно ли в принципе достижение названной цели.

В. Б. Малинин к принципам уголовно-исполнительного права относит принцип возможности исправления каждого лица, совершившего преступление [30, с. 14]. Мы также считаем, что данный принцип лежит в основе задач, стоящих перед уголовно-исполнительным законодательством и органами, исполняющими наказания.

Однако его нет в числе законодательных принципов уголовно-исполнительного права России, Казахстана и Беларуси. Полагаем, его невключение в систему принципов уголовно-исполнительного права может быть объяснено несколькими причинами. Это, во-первых, высокий уровень рецидивной преступности, свидетельствующий как о недостаточной эффективности системы наказаний и уголовно-правовых мер в целом, так и о проблемах исправительного воздействия в процессе отбывания наказания. Во-вторых, теоретические сомнения в принципиальной возможности достижения исправления осужденных как цели наказания. В-третьих, в системе наказаний некоторых стран, в частности в Республике Беларусь, предусмотрено наказание в виде смертной казни, при назначении которого в отношении виновного лица предполагается вынужденная констатация факта, что преступника невозможно исправить и его следует покарать. Здесь принцип возможности исправления лица, совершившего преступление, не является всеохватывающим, поскольку есть наказание, которое не предполагает возможности исправления.

Было бы наивно полагать, что в отношении абсолютно всех лиц, отбывающих наказание, возможно достижение цели исправления. Вместе с тем следует признать, что в нормах уголовно-исполнительного права эта возможность прописана. На практике исправление достигается посредством деятельности органов, исполняющих наказание, в отношении значительной части осужденных. Отвечая на вопрос о том, почему законодательная возможность исправления в отношении конкретного осужденного не была реализована, следует отметить, что это вопрос конкретной причины, обстоятельств объективного и (или) субъективного свойства, которые могут быть изучены, проанализированы и в последующем устранены. Таким образом, мы не видим препятствий для придания этому принципу статуса отраслевого принципа уголовно-исполнительного законодательства.

В законодательстве и юридической литературе определение критериев и степени исправления ос-

новано на общих принципах, т. е. эти требования универсальны для всех осужденных. Мы же считаем, что, исходя из специфики видов наказаний, иных мер уголовной ответственности, особенностей их исполнения и отбывания, особенностей личности преступника, законодательное регулирование критериев и степени их исправления не должно быть всеобщим, а должно иметь специфику в отношении указанных выше позиций. Так, отбыванию наказания в обществе (например, общественным работам или условному осуждению) и исполнению лишения свободы с изоляцией в исправительных учреждениях характерно применение основных средств исправления в разном объеме. Кроме учета специфики различных видов наказания и иных мер уголовной ответственности, особенностей режима их исполнения и отбывания для организации эффективного исправительного процесса имеют значение особенности личностных характеристик осужденных, которые оказывают непосредственное влияние на критерии и степень исправления, методы воспитательной работы.

Рассматривая причины преступности на индивидуальном (психологическом) уровне, необходимо исследовать субъективные психологические причины совершения преступлений конкретными людьми. В данном случае анализ механизмов преступного поведения свидетельствует о том, что на индивидуальном уровне общей причиной преступного поведения является отрицательная или недостаточная социализация личности, т. е. неполное усвоение ею норм социальной жизни либо пренебрежение ими, слабая адаптированность к окружающим условиям. Исправление, как деятельность, предполагает активное внешнее воздействие на отрицательные качества личности преступника и преодоление недостатков предыдущей отрицательной социализации личности. Осуществляя исправительную деятельность, важно знать и положительные черты личности осужденного. Опора на них позволит оказать воспитательное воздействие, призванное способствовать достижению поставленных целей.

Библиографические ссылки

1. Барков А. В. Концептуальные основы Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. // Юстиция Беларуси. 1999. № 4. С. 23–28.
2. Хомич В. М. Формы реализации уголовной ответственности. Минск, 1998.
3. Барков А. В. Цели уголовной ответственности: законотворчество и правоприменение // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе : сб. науч. тр. / отв. ред.: А. Л. Савенок [и др.]. Минск, 2012. С. 92–101.
4. Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликтного права. Воронеж, 2011.
5. Саркисова Э. А. Цели уголовной ответственности и средства их обеспечения в контексте современных реалий уголовной политики [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2016.
6. Максимов С. В. Цель в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Казань, 2002.
7. Уголовное право. Общая и Особенная части / под общ. ред. М. П. Журавлева и С. И. Никулина. М., 2004.
8. Уголовное право России : в 2 т. / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 2000. Т. 1.
9. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unodc.org/documents/justice->

and-prison-reform/SMRbrochures/UN_Standard_Minimum_Rules_for_the_Treatment_of_Prisoners_the_Nelson_Mandela_Rules-R.pdf (дата обращения: 26.03.2017).

10. Уголовное право. Общая часть / под ред. В. Н. Петрашева. М., 1999.
11. Педагогика / под ред. П. И. Пидкасистого. М., 1998.
12. Романин А. Н. Практическая психология и психотерапия. М., 2011.
13. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. М., 1984. Т. 4.
14. Люблинский А. И. Неопределенные приговоры // Журн. Мин-ва юстиции. 1904. № 2. С. 85–127.
15. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2014.
16. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1999.
17. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000.
18. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов, 1973.
19. Ильин Е. П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. СПб, 2016.
20. Марцев А. И. Специальное предупреждение преступлений. Омск, 1977.
21. Журавлев М. П., Наумов А. В., Никулин С. И. и др. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. 5-е изд. М., 2004.
22. Наумов А. В. Российское уголовное право : в 2 т. М., 2004. Т. 1.
23. Саркисова Э. А. Уголовное право. Общая часть. Минск, 2014.
24. Бабий Н. А. Уголовное право. Общая часть. Минск, 2010.
25. Уголовное право. Общая часть / под ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. М., 2004.
26. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963.
27. Уголовно-исполнительное право. 2-е изд. / отв. ред. А. С. Михлин. М., 2009.
28. Борзенков Г. Н., Кузнецова Н. Ф., Иногамова-Хегай Л. В. Российское уголовное право : в 2 т. М., 2010. Т. 1 : Общая часть.
29. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / под ред. С. А. Балашенко. Минск, 2007. Т. 1.
30. Малинин В. Б., Смирнов Л. Б. Уголовно-исполнительное право. М., 2010.

References

1. Barkov A. V. Conceptual foundations of the Criminal Code of the Republic of Belarus 1999. *Yusticiya Belarusi*. 1999. No 4. P. 23–28 (in Russ.).
2. Homich V. M. [Forms of realization of criminal responsibility]. Minsk, 1998 (in Russ.).
3. Barkov A. V. [The purposes of criminal liability: lawmaking and law enforcement]. *Klassicheskaya i postklassicheskaya metodol. Razvitiya juridicheskoi nauki na sovrem. Etape. Sat. Sci. Tr.* 2012. P. 92–101 (in Russ.).
4. Rogacheva O. S. [The effectiveness of the norms of administrative tort law]. Voronezh, 2011 (in Russ.).
5. Sarkisova E. A. [Aims of criminal responsibility and means of their provision in the context of modern realities of criminal policy] [Electronic resource]. *Consultant Plus. Belarus*. LLC «YurSpektr». Minsk, 2016 (in Russ.).
6. Maksimov S. V. [The purpose in the criminal law: the author's abstract] : avtoreferat dissertatsii kandidata ... yuridicheskikh nauk : 12.00.08. Kazan, 2002 (in Russ.).
7. Zhuravlev M. P., Nikulin S. I. (eds.) [Criminal law. General and Special Parts]. М., 2004 (in Russ.).
8. Ignatov A. N., Krasikov Yu. A. (eds.) [Criminal Law of Russia]. 2 vol. Moscow, 2000. Vol. 1 (in Russ.).
9. United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Nelson Mandela Rules). URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/SMRbrochures/UN_Standard_Minimum_Rules_for_the_Treatment_of_Prisoners_the_Nelson_Mandela_Rules-R.pdf (date of access: 26.03.2017) (in Russ.).
10. Petrashev V. N. (ed.) [Criminal law]. Moscow, 1999 (in Russ.).
11. Pidkastyi P. I. (ed.) [Pedagogy]. Moscow, 1998 (in Russ.).
12. Romanin A. N. [Practical psychology and psychotherapy]. Moscow, 2011 (in Russ.).
13. Makarenko A. S. [Pedagogical works]: in 8 vol. Moscow, 1984. Vol. 4 (in Russ.).
14. Lublinsky A. I. [Uncertain sentences] // *Zhurnal minist. yustitsii*. 1904. No 2. P. 88 (in Russ.).
15. Ushakov D. N. [Explanatory dictionary of the Modern Russian language]. Moscow, 2014 (in Russ.).
16. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. [The explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. 4th ed. Moscow, 1999 (in Russ.).
17. Foynitsky I. Ya. [The doctrine of punishment in connection with doctrine of prison]. Moscow, 2000 (in Russ.).
18. Noy I. S. [The essence and functions of criminal punishment in the Soviet state]. Saratov, 1973 (in Russ.).
19. Ilyin E. P. [Psychology of conscience: wine, shame, repentance]. Saint Petersburg, 2016 (in Russ.).
20. Martsev A. I. [Special prevention of crimes]. Omsk, 1977 (in Russ.).
21. Zhuravlev M. P., Naumov A. V., Nikulin S. I. [Criminal law of Russia. Parts of the General and Special]. 5th ed. Moscow, 2004 (in Russ.).
22. Naumov A. V. [Russian criminal law] : in 2 vol. 3rd ed. Moscow, 2004. Vol. 1 (in Russ.).
23. Sarkisova E. A. [Criminal Law. General part]. Minsk, 2014 (in Russ.).
24. Babiy N. A. [Criminal Law. A General part]. Minsk, 2010 (in Russ.).
25. Gaukhman L. D., Maksimov S. V. (eds.) [Criminal law. General part]. Moscow, 2004 (in Russ.).
26. Belyaev N. A. [Purposes of punishment and means of their achievement in corrective labor institutions]. Leningrad, 1963 (in Russ.).
27. Mikhlin A. S. [Criminal Executive Law]. 2nd ed. Moscow, 2009 (in Russ.).
28. [Russian criminal law] : in 2 vol. 3rd ed. Mosc., 2010. Vol. 1 (in Russ.).
29. Balashenko S. A. (ed.) [Belarusian legal encyclopedia] : in 4 vol. Minsk, 2007 (in Russ.).
30. Malinin V. B., Smirnov L. B. (eds.) [Criminal-executive law]. Moscow, 2010 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 27.03.2017.
Received by editorial board 27.03.2017.

УДК 343.8

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ КАК СРЕДСТВА ИХ ИСПРАВЛЕНИЯ

В. С. ШАБАЛЬ¹⁾

¹⁾Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, пр. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Беларусь

Исследуется образование как средство исправления осужденных к лишению свободы. Выявляются перспективные пути развития организации образования осужденных к лишению свободы. Обосновывается мысль о том, что расширение практики применения дистанционного обучения при исполнении наказания в виде лишения свободы будет способствовать исправлению осужденных. Отмечается необходимость создания центров образования во всех исправительных учреждениях с установлением определенной специализации. Реализация проектов по открытию центров образования с организацией обучения на платной основе позволит повысить мотивацию у осужденных к добросовестному отношению к учебе и снизить финансовые затраты на его организацию. Указывается, что вменение в обязанности инспекторам по трудовому и бытовому устройству и психологам изучать образовательный уровень осужденных и осуществлять взаимодействие администрации мест лишения свободы с учреждениями образования в рамках разработанных образовательных программ позволит существенно повысить эффективность образования как средства исправления в целях последующей ресоциализации. Полученные результаты могут быть использованы в учебном процессе учреждений образования, обеспечивающих получение высшего юридического образования.

Ключевые слова: средства исправления осужденных; образование осужденных к лишению свободы; дистанционное обучение; центры образования.

IMPROVING EDUCATION CONVICTS AS MEANS OF CORRECTIONS

U. S. SHABAL^a

^aThe Academy of the Interior Ministry of the Republic of Belarus, Masherova Avenue, 6, 220005, Minsk, Belarus

Administering to the subject of research – education as a means of correcting persons sentenced to imprisonment. The aim of the study is to identify promising ways to develop educational organization sentenced to imprisonment. The main part is justified that the expansion of the practice of distance education in the execution of sentences of imprisonment will contribute to the correction of convicts. Furthermore to these goals, it is necessary to open centers of learning in every institution with an establishment of a particular specialization. Implementation of the opening of centers of education projects with the organization of training on a paid basis will both increase the motivation of the inmates in the conscientious attitude to study and reduce the financial cost of its organization. Require inspectors to employment and living conditions, and psychologists to study the educational level of prisoners and to carry out the administration of prisons interaction with educational institutions in the framework of the developed educational programs will significantly enhance the effectiveness of education as a means of correction in order to follow resocialization. The results can be used in the educational process of educational institutions providing higher education in law.

Key words: means of correcting the convicts; education condemned to imprisonment; distance learning; education centers.

Образец цитирования:

Шабаль В. С. Совершенствование образования осужденных к лишению свободы как средства их исправления // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 108–112.

For citation:

Shabal U. S. Improving education convicts as means of corrections. *J. Belarus. State Univ. Law*. 2017. No. 2. P. 108–112 (in Russ.).

Автор:

Владимир Сергеевич Шабаль – адъюнкт научно-педагогического факультета.

Author:

Uladzimir Shabal, adjunct at the faculty of science and pedagogics.
shabalbig@mail.ru

Вопрос получения образования лицами, осужденными к лишению свободы, тесно связан с их трудовым использованием. Именно посредством получения образования у осужденного формируются необходимые умения, навыки для его последующего включения в систему общественно полезного труда Республики Беларусь. В. И. Зубкова отмечает прямую зависимость снижения вероятности совершения преступления от повышения уровня образования [1, с. 101]. Схожую закономерность отмечают В. Б. Шабанов, В. А. Елеонский, Т. М. Катцова [2, с. 104; 3, с. 14; 4, с. 43]. По этой причине получение осужденными образования и их отношение к обучению учитываются при определении степени их исправления. Исследование, проведенное в 2014 г. Т. М. Катцовой, показало, что в исправительных учреждениях (далее – ИУ) содержалось около 64 % мужчин, которые имели образование не выше общего среднего [5, с. 407]. Данные цифры свидетельствуют о необходимости повышения образовательного уровня в целях общего развития и повышения профессионального уровня заключенных.

Статьи, посвященные образованию в ИУ, включены в гл. 14 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) «Воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы». Законодатель определяет, что главной задачей образования является именно воспитание осужденного правопослушным гражданином, который после освобождения сможет успешно ресоциализироваться в обществе. Как отмечает А. И. Зубков, программы обучения должны быть направлены как на получение образования, так и на воспитание и развитие осужденного, что в итоге должно сформировать у него готовность вести правопослушный образ жизни [6, с. 117]. В соответствии с ч. 3 ст. 109 УИК педагогические работники оказывают помощь администрации ИУ в проведении воспитательной работы с осужденными. Повышение уровня образования у осужденных позволяет поднять их общий уровень культуры, что положительно сказывается на исправлении [7, с. 171]. Образование в ИУ регламентируется Кодексом Республики Беларусь об образовании (далее – Кодекс об образовании).

По мнению Т. М. Катцовой, под образованием осужденных в ИУ следует понимать «обучение и воспитание лиц, находящихся в местах лишения свободы, организованное с учетом специфики функционирования ИУ и направленное на усвоение знаний, умений и навыков, формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающихся, их исправление, последующую социальную адаптацию и социальную реабилитацию, а также предупреждение преступлений» [4, с. 43]. Данное определение раскрывает задачи и функции образования осужденных к лишению свободы в ИУ.

Образованию осужденных в местах лишения свободы придается большое значение в странах Европы. Исследование, проведенное генеральным директором по образованию и культуре Европейской комиссии, показало, что в 30 странах нормы законодательства регламентируют обязательное предоставление возможности осужденным получить образование в тюрьме [8, с. 15]. При этом в 24 странах из 30 предоставляется возможность дистанционного обучения [8, с. 49]. Чаще всего данное обучение осуществляется посредством ограниченного доступа осужденных к интернету (только на определенные сайты и информационные ресурсы). В такой форме обучение осуществляется в Бельгии, Германии, Норвегии [8, р. 45–46, 48]. По мнению А. С. Михлина, важным фактом является открытие филиалов высших учебных заведений в ИУ [7, с. 165]. Получение осужденными высшего образования в виде дистанционного обучения применяется в России и Германии. Необходимость создания пунктов дистанционного образования в ИУ отмечает и Т. М. Катцова [4, с. 113].

О. А. Шаков указывает на то, что «реализация и организация обучения осужденных в ИУ невозможны без применения компьютерных и мультимедийных средств обучения» [9, с. 99]. В соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 17 Кодекса об образовании предусмотрена дистанционная форма обучения, являющаяся видом заочной и осуществляемая преимущественно с использованием современных коммуникационных и информационных технологий. В соответствии с п. 109 Правил внутреннего распорядка ИУ (далее – ПВР), утвержденных постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 20 октября 2000 г. № 174, осужденные к лишению свободы могут за счет собственных средств оплачивать заочное обучение (в том числе обучение в дистанционной форме). Для реализации данной нормы необходимо создавать пункты дистанционного обучения, что требует значительных финансовых затрат. В настоящее время функционирует Центр дистанционного обучения в Исправительной колонии № 4 для осужденных женского пола (г. Гомель), который был образован в рамках международного проекта «Образование открывает двери». Говорить об эффективности данной практики в Республике Беларусь не представляется возможным в связи с непродолжительным периодом работы проекта, поэтому следует учитывать международный опыт в этом направлении. По данным 2015 г., в высших учебных заведениях Российской Федерации на договорной основе обучалось более 1300 осужденных к лишению свободы [10, с. 13]. При этом заключенные получают необходимый уровень квалификации для успешного трудоустройства после освобождения, что положительно сказывается на их ресоциализации.

В работах В. Б. Салахова отмечается, что получение высшего образования в ИУ повышает у лиц, осужденных к лишению свободы, стремление к правопослушному поведению. Таким образом, обучение – эффективный метод воздействия на личность в целях исправления [11, с. 9–10].

В 2016 г. нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого являлось изучение эффективности применения средств исправления осужденных к лишению свободы (опрошен 651 человек). Анализ результатов показал, что 15,7 % респондентов – это осужденные, получавшие высшее либо среднее специальное образование, но по той или иной причине досрочно прекратившие образовательные отношения. Данной категории осужденных важно оказать содействие в продолжении обучения. Для этого необходимо налаживать связи с учебными заведениями, в которых они обучались, и содействовать их переводу на заочную форму обучения. Для оказания помощи в трудоустройстве осужденного после освобождения в ИУ предусмотрена должность инспектора по трудовому и бытовому устройству. В его обязанности можно было бы включить изучение образовательного уровня осужденных, содействие в поступлении и взаимодействие с учреждениями образования, в том числе в форме дистанционного обучения. Получение осужденным образования влияет на успешную ресоциализацию и трудовое устройство, а значит, деятельность такого рода входит в круг обязанностей именно инспекторов по трудовому и бытовому устройству.

Применение дистанционного обучения при исполнении наказания в виде лишения свободы предусмотрено п. 261 ПВР. Наиболее целесообразно открывать центры дистанционного обучения для получения среднего специального и высшего образования в воспитательных и исправительных колониях для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы. Именно в данных учреждениях содержатся граждане, наиболее заинтересованные в повышении образовательного уровня. При этом, исходя из возможностей Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – ДИН) и Министерства образования Республики Беларусь, необходимо открывать подобные центры в каждом ИУ, что позволит обеспечить право на получение образования всем осужденным к лишению свободы.

В ходе исследования мы выяснили, что 41,6 % респондентов не желают обучаться в профессиональных технических училищах (далее – ПТУ). Причины отказа следующие: отсутствие востребованных специальностей (на это указали 27 осужденных из 651 опрошенных), отсутствие времени (30), длительное обучение, превышающее по времени срок заключения (14), наличие профессио-

нально-технического образования (40). При этом 44,5 % респондентов считают, что ПТУ в ИУ предоставляют недостаточный выбор специальностей.

В настоящее время в ИУ Республики Беларусь обучение осужденных к лишению свободы организовано лишь в форме профессионально-технического образования. По данным ДИН за 2015 г., ПТУ функционируют в 23 организациях уголовно-исполнительной системы и проводят обучение по 30 специальностям (по состоянию на 01.01.2016), т. е. практически в каждом ИУ организовано получение профессионального технического образования. В местах лишения свободы работают всего две общеобразовательные школы. Высшее образование организовано только в одном ИУ в рамках проекта «Образование открывает двери». Среднее специальное образование вообще не применяется для обучения осужденных к лишению свободы. В настоящее время в ИУ существует проблема с наполняемостью ПТУ, особенно по некоторым специальностям. В трудах А. С. Михлина формулируется вывод о том, что неполная загруженность школ и ПТУ в ИУ связана с отсутствием стимулов для обучения [7, с. 177]. Сложно открывать новые специальности, учитывая одновременно и потребности рынка труда, и пожелания осужденных. Однако расширение практики оказания образовательных услуг в форме дистанционного образования нивелирует данный вопрос. Широкое использование дистанционного обучения позволит устранить проблему, связанную с повышением уровня образования у тех осужденных, которые отбывают короткие сроки лишения свободы. После освобождения они смогут продолжить обучение как на дневной, так и на заочной форме, что послужит соблюдению принципа непрерывности образования.

При организации данного вида образования необходимо учитывать, что в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 17 Кодекса об образовании дистанционное обучение осуществляется преимущественно с использованием современных коммуникационных и информационных технологий. То есть предполагается, что помимо заданий, выполняемых на компьютерах и в интернете, необходим периодический контакт с преподавателем. В связи с этим следует учитывать сложности с перемещением определенного количества работников учебных заведений. Минимизировать данную проблему позволит организация взаимодействия учреждений образования с конкретными ИУ, находящимися в одном населенном пункте либо одном районе (области). Это позволит снизить транспортные расходы и сократить время на перемещение преподавателей.

Т. М. Катцова на основе изучения мирового опыта организации образования осужденных к лишению свободы предлагает создать в ИУ Республики Беларусь центры образования с введением

должности тьютора (социального педагога) [4, с. 67]. На наш взгляд, более целесообразно привлекать для работы в таких центрах инспекторов по трудовому и бытовому устройству и психологов. Предполагается, что они будут изучать уровень образования осужденных, разрабатывать конкретные образовательные программы и осуществлять взаимодействие администрации ИУ с учреждениями образования [4, с. 74]. В образовательных центрах в Швеции занятия проводят не только постоянные преподаватели, но и лекторы извне [8, р. 69].

В ч. 1 ст. 77 Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными от 30 августа 1955 г. говорится о том, что осужденным следует обеспечивать возможность получить образование [12, с. 576]. Согласно ст. 28.1 Европейских пенитенциарных правил от 11 января 2006 г. каждое пенитенциарное учреждение должно стремиться максимально расширять образовательные программы, отвечающие индивидуальным потребностям осужденных [12, с. 640]. В ч. 1 ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. и ст. 26 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. образование признается правом каждого человека [12, с. 81, 102]. В соответствии с Правилами Нельсона Манделы (правило 92) ИУ должны принимать меры для обучения и профессиональной подготовки осужденных, консультации в области трудоустройства [13, с. 32]. То есть в международных правовых актах признается важность и необходимость повышения образовательного уровня осужденных в целях их ресоциализации после освобождения.

В Республике Беларусь в рамках проекта «Образование открывает двери» в ИК-24 управления ДИН по Гомельской области реализуется мини-проект «Социальная адаптация осужденных путем обучения компьютерной грамотности и парикмахерскому делу». Проведение занятий в компьютерном классе осуществляется преподавателями образовательного центра «Лидер». После прохождения обучающих программ слушатели получают сертификаты «Парикмахерское дело» и «Компьютерная грамотность» частного учреждения образования «Центр подготовки, повышения квалификации

и переподготовки рабочих «Искусство знания»». Подобные курсы – «Мастер маникюра и визажист» – организованы в ИК-4. В расположенной в г. Мозыре ИК-20 реализуется мини-проект «Профессиональное обучение осужденных и развитие их социальной компетенции», в рамках которого на базе филиала Мозырского государственного профессионального лицея строителей организовано обучение по следующим специальностям: «Машинист (кочегар) котельной», «Машинист компрессорных установок», «Электрогазосварщик», «Каменщик», «Стропальщик», «Штукатур», «Облицовщик-плиточник», «Рамщик», «Станочник деревообрабатывающих станков».

Реализация данных проектов свидетельствует о возможности открытия в каждом ИУ центров образования с приглашением преподавателей извне. С учетом того, что обучение на курсах можно организовывать на платной основе, существенных финансовых затрат не потребуются. Платное обучение будет также мотивировать осужденных к прилежанию в учебе. В случае отсутствия средств на обучение возможно предусмотреть подписание договора между организацией, которая планирует трудоустроить осужденного после освобождения, и осужденным о целевой подготовке специалиста (п. 2.4 ч. 2 ст. 59, ст. 63 Кодекса об образовании). Таким образом будет гарантирована компенсация нанимателю за потраченные денежные средства на обучение осужденного. В свою очередь, осужденный к лишению свободы после освобождения из ИУ будет обеспечен местом работы, что станет одним из факторов его успешной ресоциализации в обществе и снизит уровень рецидива.

Таким образом, получение лицами, осужденными к лишению свободы, образования является одним из основных средств их исправления. Представляется возможным расширить практику применения дистанционного обучения при исполнении наказания в виде лишения свободы путем создания центров образования в каждом ИУ. При этом более целесообразно организовывать обучение на платной основе. Практика подписания договора о целевой подготовке специалиста с осужденным к лишению свободы повысит ресоциализационную составляющую образования.

Библиографические ссылки

1. *Зубкова В. И.* Исполнение лишения свободы: проблемы и перспективы // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития : сб. докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22–23 нояб. 2012 г.) : в 4 т. Рязань, 2013. Т. 1. С. 97–102.
2. *Шабанов В. Б.* Криминологический анализ преступлений, совершенных в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития : сб. докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22–23 нояб. 2012 г.) : в 4 т. Рязань, 2013. Т. 1. С. 102–107.
3. *Елеонский В. А.* Воздействие наказания на осужденных. Рязань, 1980.
4. *Катцова Т. М.* Правовое и прикладное обеспечение образования осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Минск, 2016.

5. Катцова Т. М. О мерах обеспечения непрерывности образования в исправительных колониях для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 7 апр. 2016 г.). Минск, 2016. С. 407–408.
6. Детков М. Г., Zubkov A. I., Уткин В. А. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века. М., 2002.
7. Михлин А. С. Личность осужденных к лишению свободы и проблемы их исправления и перевоспитания. Фрунзе, 1980.
8. Survey on Prison Education and Training in Europe – Final Report: order 23 of the DG education and culture framework contract 02/10 – Lot 1, July 2012 [Electronic resource] // European Prison Education Association. URL: http://www.epeamalta.org/uploads/3/0/6/4/3064611/survey_on_prison_education_and_training.pdf (date of access: 15.06.2016).
9. Шаков О. А., Бабкин А. А., Крюкова Д. Ю. Проблемы и перспективы применения современных компьютерных средств в учреждениях уголовно-исполнительной системы в период реформирования (в направлении психологической, воспитательной и социальной работы с осужденными) // Организационно-правовое, психолого-педагогическое и социально-экономическое обеспечение Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.: современное состояние и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 27–28 окт. 2011 г.) : в 2 т. Рязань, 2011. Т. 2. Ч. 2. С. 98–102.
10. Максименко В. А. Современное состояние и перспективы развития уголовно-исполнительной системы // II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тез. выступл. и докл. участников (Рязань, 25–27 нояб. 2015 г.) : в 8 т. Рязань, 2015. Т. 1. С. 7–16.
11. Салахова В. Б. Особенности ценностно-смысловой сферы осужденных, получающих высшее профессиональное образование : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. Казань, 2012.
12. Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. Минск, 2009. Т. 1.
13. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) : Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей, 8 янв. 2016 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/443/44/PDF/N1544344.pdf?OpenElement> (дата обращения: 09.03.2016).

References

1. Zubkova V. I. [Execution of prison: problems and prospects]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh modernizatsii: so-vremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* : sb. dokl. uchastnikov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ryazan, 22–23 Nov. 2013) : in 4 vol. Ryazan, 2013. Vol. 1. P. 97–102 (in Russ.).
2. Shabanov V. B. [Criminological Analysis of crimes committed in prisons]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh modernizatsii: so-vremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* : sb. dokl. uchastnikov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ryazan, 22–23 nov. 2013) : in 4 vol. Ryazan, 2013. Vol. 1. P. 102–107 (in Russ.).
3. Eleonskij V. A. [Impact of punishment on convicts]. Ryazan, 1980 (in Russ.).
4. Kattsova T. M. [Legal and applied support for the education of prisoners sentenced to deprivation of liberty] : dissertatsiya kandidata ... yuridicheskikh nauk : 12.00.08. Minsk, 2016 (in Russ.).
5. Kattsova T. M. [On measures to ensure the continuity of education in correctional colonies for first-time serving a sentence of imprisonment]. *Problemy bor'by s prestupnost'yu i podgotovki kadrov dlya pravookhranitel'nykh orga-nov : tezisy dokl. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Minsk, 7 April 2016)*. Minsk, 2016. P. 407–408 (in Russ.).
6. Detkov M. G., Zubkov A. I., Utkin V. A. at al. [Criminal-executive law of Russia: theory, legislation, international standards, domestic practice of the late XIX – early XXI century]. Moscow, 2002 (in Russ.).
7. Mihlin A. S. [Personality of those sentenced to deprivation of liberty and problems of their correction and re-education]. Frunze, 1980 (in Russ.).
8. Survey on Prison Education and Training in Europe – Final Report : order 23 of the DG education and culture framework contract 02/10 – Lot 1, July 2012. URL: http://www.epeamalta.org/uploads/3/0/6/4/3064611/survey_on_prison_education_and_training.pdf (date of access: 15.06.2016).
9. Shakov O. A., Babkin A. A., Krjukova D. Ju. [Problems and prospects of application of modern computer resources in institutions of the penitentiary system during the restructuring period (in the direction of psy-chological, educational and social work with convicts)]. *Organizatsionno-pravovoe, psikhologo-pedagogicheskoe i sotsial'no-ekonomicheskoe obespechenie Kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2020 g.: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* : materialy Mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. (Ryazan, 27–28 okt. 2011) : in 2 vol. Ryazan, 2011. Vol. 2. Part 2. P. 98–102 (in Russ.).
10. Maksimenko V. A. [Current state and prospects of development of the correctional system]. *II Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie»* : sb. tezisov vystuplenii i dokl. uchastnikov. (Ryazan, 27–28 Nov. 2015) : in 8 vol. Ryazan, 2015. Vol. 1. P. 7–16 (in Russ.).
11. Salahova V. B. [Features of the value-semantic sphere of convicts who receive higher professional education: author's abstract] : avtoreferat dissertatsii ... kandidata psikhologicheskikh nauk : 19.00.05. Kazan, 2012 (in Russ.).
12. Kuznecova E. V. [Human rights: international legal documents and practice of their application] : in 4 vol. Minsk, 2009. Vol. 1 (in Russ.).
13. United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules): Resolution adopted by the General Assembly, 8 January 2016. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/443/44/PDF/N1544344.pdf?OpenElement> (date of access: 09.03.2016) (in Russ.).

ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ

OUTSTANDING SCIENTISTS

**Олег Степанович
КОЛБАСОВ**

**Oleg Stepanovich
KOLBASOV**

В апреле исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося российского ученого, основателя теории экологического права, известного теоретика в области водного, земельного, горного, лесного, экологического права Олега Степановича Колбасова.

О. С. Колбасов родился 11 апреля 1927 г. в г. Чебоксары. После окончания средней школы в с. Лопатино Пензенской области в 1945 г. был призван в армию, служил в пограничных войсках. В 1952 г. окончил Всесоюзный юридический заочный институт (сегодня – Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)). В годы учебы работал следователем. В 1952–1955 гг. учился в аспирантуре Ленинградского университета (сегодня – Санкт-Петербургский государственный университет). Успешно защитил кандидатскую диссертацию по правовым вопросам работы машинно-тракторных станций (1955). В 1956–1958 гг. работал старшим преподавателем в Томском государственном университете им. В. В. Куйбышева (сегодня – Национальный исследовательский Томский государственный университет). В 1965 г. поступил на работу в Институт государства и права Академии наук СССР, где в 1968 г. защитил докторскую диссертацию, посвященную проблемам водного права.

О. С. Колбасов являлся ведущим научным сотрудником, возглавлял сектор экологического права Института государства и права РАН. В этот период институт достиг наивысшего расцвета. С 1991 по 1994 г. О. С. Колбасов работал в должности заместителя министра в Министерстве охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации. В 1991 г. был избран член-корреспондентом Российской академии наук. В 1998 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации. В начале 1990-х гг. его избирают членом Международного экологического суда при мирении.

Олег Степанович обладал творческим подходом к делу, целеустремленностью, компетентностью, неиссякаемой энергией и высокой работоспособностью. Им опубликовано более 400 научных трудов по всему спектру проблем развития российского и международного экологического права. Научная ценность и значение теоретического наследия ученого состоят в том, что ему принадлежит ведущая роль в разработке концептуальных основ современного российского экологического права. По его научным работам училось и учится не одно поколение юристов не только России, но и других стран. Работы ученого переведены на многие иностранные языки.

Широкий резонанс в научном сообществе вызвали его монографические труды: «Законодательство о водопользовании в СССР», «Теоретические основы права пользования водами в СССР», «Экология: политика – право», «Международно-правовая охрана окружающей среды». В 1990-е гг. ученым опубликован ряд научных трудов, посвященных проблемам ответственности за экологический вред, вопросам права собственности на природные ресурсы, конституционным правам граждан в области охраны окружающей среды. По охвату источников, обобщению научных взглядов, глубине анализа проблем эти издания не имеют аналогов. Они не утратили своей актуальности и остаются фундаментом современной теории природоресурсного и экологического права.

Наряду с подготовкой монографической и учебной литературы О. С. Колбасов большое внимание уделял написанию работ практической направленности. Широкую известность получили издания, посвященные комментированию природоресурсного законодательства, в частности комментарии к Федеральному закону «О животном мире», Водному кодексу Российской Федерации. По предложению издательства «Волтерс Клувер» (Нидерланды) им была подготовлена изданная в 1994 г. на английском языке монография «Российское экологическое право». О. С. Колбасов относится к числу наиболее цитируемых авторов в области российского природоресурсного и экологического права.

Олег Степанович активно участвовал в работе крупных международных конференций по вопросам охраны окружающей среды, включая Конференцию ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1990 г.). О. С. Колбасов был избран членом Комиссии по экологическому праву Международного союза охраны природы, входил в состав его руководящего комитета. За выдающийся вклад в охрану природы ему присуждена международная премия по праву окружающей среды им. Элизабет Хауб (1979), почетная медаль Университета Пейса (1987).

О. С. Колбасов создал свою научную школу, под его научным руководством защищено более 30 кандидатских диссертаций. Сегодня его ученики работают в секторе эколого-правовых исследований Института государства и права РАН, на кафедре природоресурсного и экологического права МГЮА им. О. Е. Кутафина, в юридических вузах многих регионов России, стран СНГ, прибалтийских республик.

Видное место среди современных ученых-экологов занимает дочь О. С. Колбасова – Ирина Олеговна Краснова, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия. В ее монографических работах дальнейшее развитие получила концепция международно-правового механизма охраны окружающей среды.

О. С. Колбасов принимал активное участие в разработке законопроектов СССР и союзных республик, связанных с охраной природы, природопользованием и охраной окружающей среды. В последние годы жизни участвовал в подготовке проекта Водного кодекса Российской Федерации. Совместно с Комитетом по природным ресурсам и природопользованию Государственной думы Российской Федерации и Федеральной службой лесного хозяйства ученый разработал концепцию государственной собственности на лесные ресурсы. В результате была разработана юридическая конструкция права федеральной государственной собственности на леса, нашедшая отражение в федеральном лесном законодательстве.

В 1997 г. профессора О. С. Колбасов и Г. Е. Быстров обосновали позицию Государственной думы в Конституционном суде Российской Федерации в споре с Правительством Карелии и Администрацией Хабаровского края о конституционности некоторых положений Лесного кодекса Российской Федерации. Лесной кодекс 1997 г. не произвел разграничения государственной собственности на федеральную собственность и собственность субъектов федерации и признал право собственности за федерацией в целом.

Поддержку Конституционного суда Российской Федерации получил вывод академика О. С. Колбасова о том, что двусторонние договоры, по которым земли некоторых субъектов Российской Федерации, например Республики Карелия, были объявлены исключительной собственностью этих субъектов, утратили юридическую силу и никакого значения не имеют.

Блестящая защита О. С. Колбасовым позиций Государственной думы позволила принять постановление, согласно которому, допуская возможность нахождения природных ресурсов в различных формах собственности, Конституция Российской Федерации вместе с тем не обязывает к тому, чтобы лесной фонд находился в различных формах собственности.

Высокий профессионализм, эрудиция, отзывчивость, беспристрастность, принципиальность, справедливость позволили О. С. Колбасову снискать глубокое уважение и авторитет не только среди специалистов-юристов Российской Федерации, но и далеко за ее пределами, в том числе в странах СНГ, ЕС, США.

Светлая память о талантливом человеке, ученом мирового уровня, которому принадлежит ведущая роль в разработке концептуальных основ современного российского экологического права, навсегда сохранится в сердцах коллег, друзей, всех, кто его знал.

Г. Е. Быстров,
академик РАЕН, доктор юридических наук, профессор
С. А. Балащенко,
доктор юридических наук, профессор

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Макарова Т. И., Балашенко С. А., Лизгаро В. Е., Мороз О. В. **Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.** Минск : БГУ, 2016. 191 с.

Makarova T. I., Balashenko S. A., Lizgaro V. E., Moroz O. V. Legal mechanisms of environmental protection and ensuring environmental safety. Minsk : BSU, 2016. 191 p.

Интенсивное экономическое развитие, крупномасштабное потребление природных ресурсов, растущая урбанизация и другие факторы закономерно обуславливают усиление антропогенного воздействия на окружающую среду и нарушение экологического равновесия. Реализация права на благоприятную окружающую среду требует разработки эффективного организационно-правового механизма охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности с учетом Концепции устойчивого развития. Достижение устойчивого развития во многом зависит от оптимального сочетания экологических, социальных и экономических интересов. Динамика развития соответствующих отношений требует переосмысления сложившейся системы природоохранных мер, а также создания новых инструментов охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности с надлежащим правовым регулированием. Монография «Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности», подготовленная специалистами кафедры экологического и аграрного права юридического факультета БГУ – доктором юридических наук, профессором С. А. Балашенко, доктором юридических наук, профессором Т. И. Макаровой, кандидатом юридических наук, доцентом В. Е. Лизгаро, кандидатом юридических наук, доцентом О. В. Морозом, – в полной мере учитывает данные тенденции.

Научная работа состоит из введения, четырех глав, подразделяемых на параграфы, заключения, библиографического списка и нормативных пра-

вовых актов природоохранной и природоресурсной направленности, включая международные соглашения и правовые акты некоторых зарубежных стран. Структура монографии является оптимальной и позволяет дать комплексное представление об исследуемой проблематике.

В первой главе «Теоретические основы эколого-правового регулирования» рассматривается понятие механизма эколого-правового регулирования. Следует согласиться с тем, что его формирование в доктрине экологического права происходило под влиянием таких факторов, как выделение организационного и экономического природоохранных направлений, закрепление права человека на благоприятную окружающую среду на международном и национальном уровне, признание компонентов природной среды объектами гражданских правоотношений и возвращение природных ресурсов в гражданский оборот, признание двойственного – экологического и экономического – характера объектов природы.

Выделяемая в работе методологическая основа исследования эколого-правовой сферы позволила определить ряд направлений совершенствования правовых механизмов охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности, а именно: выявление системных дефектов правового регулирования экологических отношений и способов их преодоления как направление совершенствования эколого-правового механизма; разработка эффективных правовых моделей для эколого-правовой сферы; публично-частное партнерство как модель совершенствования правовых механизмов охраны окружающей среды. Кроме того, правопонимание предлагается рассматривать в качестве теоретической основы совершенствования правового регулирования экологических отношений.

Во второй главе «Виды и содержание механизмов эколого-правового регулирования» дана всесторонняя характеристика природоохранных

и природоресурсных механизмов с их классификацией на три группы. Отмечается разнообразие *организационно-правовых механизмов охраны окружающей среды, реализующих экологический императив*. Так, экологическая сертификация и экологический аудит на первый взгляд носят организационно-правовой характер, но по своему содержанию близки к экономическим мерам охраны окружающей среды. Кроме того, представлен анализ планирования и учета в области охраны окружающей среды и природопользования, нормирования, стандартизации, лицензирования в области охраны окружающей среды, экологического мониторинга. Рассмотрение сущности и понятия *экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования* позволило авторам систематизировать его разнородные элементы по выделенным критериям. С позиции наличия проблем правового регулирования особое внимание уделяется экономическому стимулированию охраны окружающей среды, финансированию программ и мероприятий по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды, платежам за природопользование, специфике экологического страхования. Авторы верно причисляют к *механизмам охраны окружающей среды, имеющим идеологическое содержание*, экологическое образование, воспитание и просвещение, информирование общественности, а также ее участие в принятии эколого-значимых решений.

Третья глава «Правовое обеспечение экологического сопровождения хозяйственной и иной деятельности» посвящена экологическому сопровождению хозяйственной и иной деятельности, которое является новым для юридической науки понятием. Действительно, особого внимания требует разработка понятий, интегрирующих отдельные правовые институты. Одним из таковых может выступать экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности. В работе содержится аргументированное обоснование необходимости данной комплексной процедуры, обеспечивающей непрерывный процесс учета экологического фактора на различных стадиях хозяйственной и иной деятельности и в ее правовом закреплении. Авторы последовательно, соотнося со стадиями такой деятельности, характеризуют соответствующие природоохранные меры. При этом верно отмечено,

что элементы целостного учета экологического фактора неоднородны. Их условно можно подразделить на сложившиеся и формирующиеся. Сложившимися элементами такого сопровождения являются оценка воздействия на окружающую среду, экологическая экспертиза, экологический контроль и экологический аудит. К формирующимся элементам в работе причисляются стратегическая экологическая оценка, природоохранные мероприятия на стадии размещения объекта, послепроектный анализ.

Несомненным достоинством работы является детальное рассмотрение в заключительной главе международно-правовых механизмов охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Излагаемая доктрина международного права окружающей среды позволяет получить четкое представление о ее влиянии на формирование эколого-правового механизма. Совершенно верно выявлен ряд факторов, повлиявших на специфику научных исследований в области международно-правового обеспечения охраны окружающей среды. Среди них акцентируется внимание на развитии национального экологического права в русле принципов и норм международного права окружающей среды. В монографии установлены взаимосвязи между сложившейся системой международного публичного права и международно-правовыми основами обеспечения радиационной безопасности, что позволило в полной мере охарактеризовать международно-правовой механизм обеспечения радиационной безопасности.

Ознакомление с монографией позволяет утверждать, что изложенные в ней выводы и рекомендации являются научно обоснованными, обладают новизной, имеют теоретическое и практическое значение. Работа характеризуется глубиной исследования понятий, явлений и процессов, логичностью выводов, системностью и комплексностью анализа рассматриваемых проблем. Монография внесет значительный вклад в науку экологического права, а также будет способствовать дальнейшему совершенствованию законодательства в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

А. Г. Тиковенко,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED AT BSU

УДК 343.352(06)+342(06)

Конституционно-правовые основы противодействия коррупции как важнейшее условие обеспечения устойчивого социально-экономического равновесия [Электронный ресурс] : сб. материалов круглого стола (Минск, 4 марта 2017 г.) / редкол.: Г. А. Василевич [и др.]; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. – 183 с.: ил. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/171267>. Загл. с экрана. Деп. 21.04.2017, №002621042017.

В сборнике содержатся материалы выступлений участников круглого стола «Конституционно-правовые основы противодействия коррупции как важнейшее условие обеспечения устойчивого социально-экономического равновесия», посвященные актуальной проблеме противодействия коррупции на современном этапе в Республике Беларусь и зарубежных странах, а также проблеме практической реализации антикоррупционного законодательства в Республике Беларусь. В представленных материалах выработаны предложения и рекомендации по совершенствованию антикоррупционного законодательства.

Сборник адресован научной юридической общественности, практическим работникам, преподавателям, студентам юридических факультетов, а также всем, кто интересуется проблемой коррупции.

УДК 34(06)

Общество, государство, право: тенденции и перспективы развития [Электронный ресурс] : материалы междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов (Минск, 21–22 окт. 2016 г.) редкол.: Т. А. Червякова (отв. ред.) [и др.]; БГУ Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. 297 с. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/172431>. Загл. с экрана. Деп. 15.05.2017, №003315052017.

В сборнике помещены тезисы докладов и сообщений студентов, магистрантов и аспирантов юридического факультета БГУ и других высших учебных заведений Республики Беларусь и зарубежных стран, представленные на международной научной конференции, посвященной тенденциям и перспективам развития общества, государства и права.

УДК 343.985(06)

Традиции и перспективы развития криминалистической тактики [Электронный ресурс] : материалы круглого стола с междунар. участием (Минск, 13 апреля 2017 г.) / редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. 104 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/172434>. Загл. с экрана, Деп. 15.05.2017. №003415052017.

В сборнике помещены материалы докладов ученых-юристов и практикующих работников правоохранительных органов Республики Беларусь и зарубежных стран, представленные на круглом столе, посвященном тенденциям и перспективам развития криминалистической тактики.

УДК 341:339.543(094.9)

Гребенников А. В. Краткий справочник международных правовых актов в области таможенного дела [Электронный ресурс] / А. В. Гребенников ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. 41 с. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/176722>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.07.2017, №005006072017.

Предлагаемое издание подготовлено для студентов специализации: 1-96 01 01 «Таможенное дело» по учебному курсу: «Всемирная таможенная организация». В доступной форме представлена краткая информация о международных правовых актах в области таможенного дела (по состоянию на 1 октября 2016 г.). Настоящее издание представляет интерес для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, студентов магистратуры учреждений высшего образования, специалистов по таможенному оформлению, сотрудников таможенных органов и иных государственных органов, интересующихся вопросами внешнеэкономической деятельности и таможенным делом.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Кузьмин И. А.</i> Специфика конструкции юридической ответственности: вопросы теоретического и практического моделирования	3
<i>Онищук И. И.</i> Системный подход к мониторингу нормативных правовых актов в Украине	8
<i>Рубис И. А.</i> Анализ основных подходов к образованию права в контексте исторических типов правопонимания: терминологический аспект	12

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Валюшко-Орса Н. В.</i> Сущностно-содержательные аспекты персональных данных в Республике Беларусь	17
<i>Назарова О. В.</i> Участие Республики Беларусь в Евразийском экономическом союзе: конституционно-правовая оценка	24
<i>Тереник О. Д.</i> Понятие и принципы местного самоуправления в Республике Беларусь и Республике Казахстан: значение, содержание, сравнительный анализ	28

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

<i>Постовалова Т. А.</i> Международное право социального обеспечения: история становления и роль Международной организации труда	35
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

<i>Козикова И. А.</i> Толкование диспозитивности в гражданском праве как основа реализации свободы договора	42
<i>Протасовицкий С. П.</i> Понятие финансового частного отношения (правоотношения)	50
<i>Ядревский О. О.</i> Сущность основных объектов интеллектуальной собственности, отражающих географическое происхождение товара	54

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И НАЛОГОВОЕ ПРАВО

<i>Куницкая О. М.</i> Государственно-частное партнерство и национальные инновационные системы в праве зарубежных стран	59
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Грунтов И. О.</i> Механизм изменения объекта преступным воздействием и учет этих особенностей в конструкциях составов преступлений	64
<i>Грунтов И. О., Елисеев С. А.</i> Определение кражи в уголовных законах России и Беларуси: история и современность	77
<i>Красиков В. С.</i> Принудительные работы и ограничение свободы: источники, история возникновения, правовые и организационные закономерности наказания	82
<i>Носкевич И. Д.</i> Формирование и реформирование органов предварительного расследования Республики Беларусь	88
<i>Пузырёв М. С.</i> Стимулирование правопослушного поведения осужденных как принцип исполнения наказаний во Франции	95
<i>Шевцов Ю. Л.</i> Исправление осужденных как цель уголовного и уголовно-исполнительного права	100
<i>Шабаль В. С.</i> Совершенствование образования осужденных к лишению свободы как средства их исправления	108

ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ

Олег Степанович Колбасов	113
--------------------------------	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Тиковенко А. Г.</i> Макарова Т. И., Балашенко С. А., Лизгаро В. Е., Мороз О. В. Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности	115
Аннотации депонированных в БГУ работ	117

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

<i>Kuzmin I. A.</i> The specifics of the construction of legal liability: issues of theoretical and practical modeling	3
<i>Onyshchuk I. I.</i> A systematic approach to the monitoring of normative-legal acts in Ukraine	8
<i>Roybis I. A.</i> An analysis of the main approaches to the process of law formation in the context of historical types of the understanding of law: terminological aspect.....	12

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

<i>Valiushka-Orsa N. V.</i> Essentially-content aspects of personal data in the Republic of Belarus	17
<i>Nazarova O. V.</i> Participation of the Republic of Belarus in the Eurasian Economic Union: constitutional law evaluation	24
<i>Terenik O. D.</i> The concept and principles of local self-government in the Republic of Belarus and Republic of Kazakhstan: the value of the content, the comparative analysis	28

LABOUR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

<i>Postovalova T. A.</i> International social security law: the history of the formation and role of the International Labour Organization	35
--	----

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

<i>Kozikava I. A.</i> The interpretation of dispositivity as a basis for the realization of contract freedom ...	42
<i>Pratasavitski S. P.</i> Concept of financial private (legal) relationship	50
<i>Yadreuski A. A.</i> Disclosure of major objects of intellectual property, reflecting the geographical origin of goods	54

FINANCE LAW AND TAX LAW

<i>Kunitskaya O. M.</i> Public-private partnership and national innovation systems in the right of foreign countries.....	59
---	----

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

<i>Grountov I. O.</i> The mechanism of change of an object criminal influence and the accounting of these features in designs of crime components	64
<i>Grountov I. O., Yeliseyev S. A.</i> Determination of theft in Russia and Belarus criminal codes: history and actualness.....	77
<i>Krasikau V. S.</i> Forced labor and denial of freedom: the sources, history, legal and organizational patterns of punishment	82
<i>Noskevich I. D.</i> Establishing and restructuring of the criminal investigative authority of the Republic of Belarus.....	88
<i>Puzyrev M. S.</i> Stimulation of convicts' law-abiding behaviour as a principle of punishments execution in France.....	95
<i>Shevtsov Y. L.</i> Correction of the convicts as the purpose of criminal and criminal-executive law.....	100
<i>Shabal U. S.</i> Improving education convicts as means of corrections.....	108

OUTSTANDING SCIENTISTS

Oleg Stepanovich Kolbasov	113
---------------------------------	-----

REVIEWS

<i>Tikovenko A. G.</i> Makarova T. I., Balashenko S. A., Lizgaro V. E., Moroz O. V. Legal mechanisms of environmental protection and ensuring environmental safety	115
Indicative abstracts of the papers deposited at BSU.....	117

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Право.
№ 2. 2017**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Почтовый адрес: ул. Кальварийская, 9, каб. 636, 637,
220004, г. Минск.
Тел. 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Право» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Вестник БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *О. А. Бабашова, Е. В. Жерносек*
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректоры *К. Б. Скакун, Д. В. Русс*

Подписано в печать 04.07.2017.
Тираж 110 экз. Заказ 454.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

© БГУ, 2017

**Journal
of the Belarusian State University. Law.
No. 2. 2017**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: Niezaliežnasci Ave., 4,
220030, Minsk.
Correspondence address: Kaŭvaryjskaja Str., 9, office 636, 637,
220004, Minsk.
Tel. 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Law»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *O. A. Babashova, E. V. Zhernosek*
Technical editor *T. A. Karanevich*
Proofreaders *K. B. Skakun, D. V. Russ*

Signed print 04.07.2017.
Edition 110 copies. Order number 454.

Publishing Center of BSU.
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
Čyrvonaarmiejskaja Str., 6, 220030, Minsk.

© BSU, 2017